

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР

Institute for the Study of the History and Culture of the USSR

Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR

Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(серия 1-я, № 12)

Проф. М. А. МИЛЛЕР

Археология в СССР

Мюнхен

1954

Институт по изучению истории и культуры СССР
Institute for the Study of the History and Culture of the USSR
Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR
Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(серия 1-я, № 12)

Проф. М. А. МИЛЛЕР

Археология в СССР

Мюнхен
1954

Работа написана при содействии
RESEARCH PROGRAM ON THE U.S.S.R. New York 27.
Перепечатка разрешается при условии указания источника

Druck: Buchdruckerei EINHEIT, München 8, Hofangerstr. 73. * Herausgeber: Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR. München 37, Augustenstr. 46/1, Schliessfach 5, Germany. * Verantwortlicher Redakteur: Direktor des Instituts B. A. Jakowlew. * Im Verlag des Herausgebers.

Institute for the Study of the History and Culture of the USSR

Professor M. A. MILLER

Archeology in the USSR

Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR

Professor M. A. MILLER

Die Archäologie in der UdSSR

Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

M. A. MILLER, professeur en archéologie

L'Archéologie en URSS

München

1954

Институт по изучению истории и культуры СССР был организован в Мюнхене 8 июля 1950 г. Институт является свободной корпорацией ученых, покинувших Советский Союз и работающих по научному исследованию СССР. Результаты этого исследования имеют целью рассеять неведение, существующее относительно СССР, и сообщить демократическому миру достоверные данные, относящиеся к Советскому Союзу.

Всякий научный работник или исследователь может стать сотрудником Института, независимо от его национальности или политических убеждений, при том условии, что он не является членом коммунистической партии или сочувствующим ей. Поэтому все эмигранты из СССР, имеющие научную квалификацию, имеют право участвовать в работе Института независимо от места их жительства.

Институт, ныне находящийся в Мюнхене, есть преимущественно центр корреспонденций для научных работников, эмигрантов из СССР. Институт издает научный журнал (Вестник Института), монографии, сборники статей, бюллетень по вопросам общественно-политической жизни в СССР и т. д. Институт также организует конференции ученых, эмигрантов из СССР, и оказывает скромную материальную помощь этим ученым в их исследовательской работе.

The Institute for the Study of the History and Culture of the USSR, organized in Munich on July 8, 1950, represents a free corporation of scientists and men and women of letters who have left the Soviet Union and are now engaged in research on their homeland. The purpose of their work is to push back the frontiers of ignorance by presenting to the democratic world the truth about the Soviet Union.

Anyone engaged in scholarly investigation may become a collaborator of the Institute regardless of his national or political affiliations provided he is not a Communist Party member or sympathizer. All members of the Soviet emigration who have scholarly qualifications are, therefore, eligible to participate in the work of the Institute, irrespective of their places of residence. The central office of the Institute, now located in Munich, is primarily a clearinghouse for the emigré scholarship of the USSR. In addition to publishing journals and papers, the Institute sponsors conferences on the USSR and gives modest grants-in-aid for research studies by emigré scholars.

ЧАСТЬ I.

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Естественно-историческое положение России, особенно южной, степной ее части, обусловило накопление здесь огромного количества археологических памятников и, в первую очередь, курганов. Степная полоса тянется от Монголии через южную Сибирь, Оренбургский край и всю Украину до самого Прута. По этой степной полосе свыше двух тысяч лет кочевали бесчисленные племена скифов, сарматов, тюрков и монголов-скотоводов. По этой же полосе двигались из Азии в Европу различные народы. Это движение в общем продолжалось тысячи лет, и время его наибольшего усиления (4—8 вв. н. э.) принято называть эпохой великого переселения народов. На северном берегу Черного моря, начиная от 6 в. до н. э., греческие купцы основывали свои колонии, существовавшие целое тысячелетие.

Некоторые из них развивались в крупные города и становились центрами крупных греко-варварских государств. В Византийское время (8-12 вв.) греческие купцы снова начали свою торговлю, базируясь на северном берегу Черного моря и распространяя свои товары по большим рекам далеко вглубь материка. Благодаря этим условиям, степная полоса в Сибири оказалась насыщенной археологическими памятниками, главным образом курганами, которые исчисляются здесь, вероятно, сотнями тысяч. Степная же Причерноморская полоса, помимо огромного количества курганов, сохраняла у морского побережья остатки древнегреческих и средневековых городов и другие памятники культуры, значительно более разнообразные как по своему характеру, так и по содержанию. Однако количество курганов в Причерноморской степной полосе также исчисляется сотнями тысяч, и эти памятники, как наиболее бросающиеся в глаза по сравнению с другими, в первую очередь подвергались разграблению, а затем изучению.

Все без исключения курганы представляют собою могильные насыпи, различные по времени своего сооружения, по культуре, по со-

держанию, по форме и величине, начиная от едва заметных при заходе солнца возвышеностей и кончая грандиозными насыпями в 20 м высотою. Курганы встречаются круглые в плане и продолговатые с двумя вершинами, с крутыми склонами и пологие, в форме полушиара, конические и другие. На вершинах некоторых из них стояли менгиры или каменные бабы; основание иногда обложено большими камнями. В больших курганах встречается много погребений разных эпох; в некоторых курганах или под ними находятся погребальные камеры. Курганы над погребениями начали сооружаться еще в эпоху энеолита (в 3-м тысячелетии до н. э.), и в дальнейшем этот обычай сохранялся в некоторых случаях до конца 18 в. Таким образом, эпоха сооружения курганов охватывает время около 5 000 лет. Курганы в большинстве располагаются по водоразделам, где тянутся на большие расстояния и обычно большими растянутыми группами.

Количество курганов в Причерноморских степях настолько велико, что эти насыпи являются обязательной принадлежностью степи и степного ландшафта. Эта особенность всегда поражала путешественников, особенно приезжавших из средней или северной России, так же, как и иностранцев. В некоторых районах степи, особенно в бассейне Нижнего Днепра и Дона, наблюдаются большие скопления насыпей.

В докладе об археологических исследованиях 1853 г. говорится:

«Осмотрена была на правом берегу Днепра местность между рр. Сурою и Базавлуком. Все пространство покрыто курганами...¹⁾

В 1860-х гг. И. Забелин писал:

«Нельзя нигде встретить такого числа могил, самой разнообразной величины и конструкции, как на пространстве, окружающем Днепровские пороги верст на 200 или 300 в квадрате»^{2).}

В 1880-х гг. Д. Самоквасов писал:

«В отношении могил особенно обращает на себя внимание местность, лежащая за порогами, ниже острова Хортицы, над рекою Конкою. Осматривая эту местность... я заметил множество курганных насыпей... на протяжении 7 км в длину и 2 в ширину... До 500 курганов расположены группами и в одиночку... В направлении на запад от Бесчастной могилы тянется почти непрерывное кладбище протяжением свыше 5 км, состоящее из насыпей разной величины и формы»^{3).}

М. Ростовцев пишет:

«По правому берегу Днепра, между Никополем и Екатеринославом, цепь наиболее известных, богатых и могучих курганов»^{4).}

1) «Извлечение из Всеподданнейшего доклада об археологических изысканиях в 1853 г.», СПБ, 1855.

2) И. Забелин. История русской жизни. Москва, 1876.

3) Д. Самоквасов. Раскопки у Новогригорьевки, ОИАК, 1882—1888, СПБ, 1891, стр. 52.

4) М. Ростовцев. Скифия и Босфор. РАИМК, Ленинград, 1925.

Н. Макаренко пишет:

«Редко где встретите в степи столь обильно и густо усеянные курганными насыпями места, как по пути из Екатеринослава на Никополь и Александровск... Весь путь справа и слева бесконечно усыпан групповыми и одиночными курганами различных эпох»^{5).}

Придонские курганы не привлекали к себе столько внимания, как Приднепровские, и были менее известны. Однако и о них писал П. Леонтьев следующее:

«Первое, что поражает каждого путешественника при въезде в Землю Войска Донского — это огромное количество курганов. Их очень много по всей земле, особенно же много около устьев Дона»^{6).}

ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В РОССИИ

Благодаря тому, что из всех видов и форм археологических памятников курганы наиболее бросаются в глаза и вызывают известную заинтересованность, именно курганы раньше всего подверглись раскопкам и разграблению. Основным побуждением к раскопкам археологических памятников на протяжении многих столетий являлось стремление найти клад, сокровище, ценные вещи. Эти побуждения были настолько распространены в массах и сильны, что продолжали проявляться в какой-то степени и форме и долгое время после того, как возникла и сформировалась археология как наука. В народных же массах до самого последнего времени продолжало господствовать убеждение, что раскопки всегда были и являются лишь поисками кладов.

Эти представления способствовали тому, что в России до начала 20 в. раскопкам подвергались почти исключительно курганы, как наиболее распространенные и бросающиеся в глаза памятники, иногда содержащие в себе богатые погребения с золотыми и серебряными вещами. Отсюда и направление это в археологии получило в России название кладоискательского. Такого рода бедные содержанием и невидные памятники, как палеолитические и неолитические стоянки, остатки древних поселений и находящиеся в них остатки хозяйства и культуры начали привлекать к себе внимание и подвергаться изучению лишь в результате достаточно высокого развития науки археологии в России с семидесятых годов 19 в. Это «бытовое» направление очень медленно отвоевывало свое место в полевых исследованиях и лишь с двадцатых годов нашего столетия стало вытеснять кладоискательское и курганное направления в русской археологии.

5) Н. Макаренко. 1. Археологические исследования 1907—1908 гг.; 2. Екатеринославская губерния, ИИАК, 43, СПБ, 1911.

6) П. Леонтьев. Археологические изыскания на месте Древнего Танаиса и его окрестностях. Журнал «Пропилеи», IV, Москва, 1853.

Задолго до начала научных археологических раскопок (а в дальнейшем и параллельно с ними) производились хищнические, грабительские раскопки курганов в поисках ценных вещей. Эти раскопки представляли собою всеобщее, повсюду распространенное явление и в некоторых областях — в южной Сибири, Приуралье и Причерноморской полосе — временами принимали массовый характер. Другим злом, хотя, может быть, и чуть меньшим по своему объему, являлись раскопки курганов, производившиеся повсюду на протяжении 19 в. помещиками, любителями и любопытными, которые также портили памятники. Наконец, третьим злом являлось строительство, главным образом, железных и шоссейных дорог, хозяйственных объектов, что также содействовало разрушению памятников. Во многих местах памятники разрушаются также силами природы — размыванием берегов, их обвалами, разрастанием оврагов, песчаными заносами и размыванием. В результате всех этих причин в России погибло очень много памятников, количество которых не поддается никакому учету.

Хищнические раскопки курганов, как это было и с гробницами фараонов в Египте, начались вскоре после самого сооружения гробниц. Особенно привлекали к себе внимание грабителей большие скифские, так называемые «царские» курганы. Раскопки производили иногда большие группы людей, чаще же — группы в 2-3 человека и даже одиночки. В первом случае курганы копались прямо сверху, так называемым «колодцем»; одиночки же и группы вели подкоп миною, норой, которая копалась от подошвы кургана к его центру. Во многих случаях следы старых раскопок курганов указывают на большой опыт раскопщиков. Всем русским археологам хорошо известны следы старых раскопок курганов и полного их разграбления. В гирлах Дона, например, из раскопанных и исследованных А. Миллером около 150 курганов 85% оказалось уже ранее раскопанными. Этот процент можно считать более или менее общим для всех курганов степной Причерноморской полосы, с возможным изменением в некоторых местах лишь в сторону увеличения этого процента.

В одном из больших «царских» курганов, раскопанных И. Забелиным у Днепра, в древней грабительской мине был найден скелет грабителя, погибшего от обвала земли. Судя по найденным при нем орудиям для рытья мины, это произошло в начале нашей эры. Конечно, народы, сооружавшие курганы над могилами своих царей и воинов, берегли их. Это видно, например, из гордого ответа, данного скифским царем персидскому царю Дарию. Однако, как только происходила смена народов, очевидно, начинались и ограбления могил. Вероятно, лишь в эпоху господства в наших степях поздних кочевников-турков, с высокоразвитым у них культом предков, курганы на несколько столетий были оставлены в покое. Но идея кладов в курганах и их розысков никогда не угасала. Это представление создавалось кладоискательством и в свою очередь обусловливало кладоискательство.

Так, в 15 в. в Тану (нынешний Азов) приезжал итальянский купец Иосафат Барбаро. В оставленных им записках он рассказывает о том,

что в этом городе он организовал компанию из семи купцов для розысков клада аланского царя. Эта компания наняла 120 человек рабочих и раскапывала большой курган (Tumulus), повидимому, где-то около нынешнего Ростова. Интересно также сообщение Барбаро о том, что в Тане он встретил проживавшего там много лет человека, родом из Египта, который специально занимался кладоискательством^{7).}

А. Ригельман сообщает, что известный Донской атаман К. Булавин, в бытность свою еще в Бахмуте,

«... имел при себе собранных запорожцев-бурлак, черкас и других людей сот до пяти человек. Он ходил с ними в степь и раскапывал там курганы, в которых, особенно в больших, искал сокровищ, которых он там не полагал, и этим хотел разбогатеть»^{8).}

Однако массовый характер раскопки и разграбления курганов приобретают лишь в связи с завоеванием новых областей и заселением их русскими — в Сибири в 17-18 вв. и в Причерноморских степях в 18-19 вв.

Интересно, что параллельно с массовым разграблением курганов уже с 17 в. возникает идея научного исследования находок, причем первоначально это направление исходит от правительства, а затем в нем все большее и большее участие начинают принимать отдельные лица, главным образом ученые того времени. В конце концов ученое направление победило. Однако кладоискательские тенденции, в более или менее замаскированной форме и в тех или иных выражениях, проявлялись в русской археологии еще в начале 20 в.

Первый интерес к археологическим находкам и попытку научного их описания в России можно найти уже в 17 веке. В 1679 г., в царствование Федора Алексеевича, сотник г. Ольшанки (Харьковской губ.) И. Смороцкий, копая землю для мельничной плотины, на глубине 1½ саж. наткнулся на огромные кости (повидимому, мамонта), принятые им за скелет волота (великаны). В 1684 г., будучи в Москве, он предъявил в Разряде сохранившийся у него мамонтов зуб. Тотчас же Курскому воеводе была послана грамота великих государей с приказом:

«Послать по весне в те места из Курска кого пригоже, и тому посыльному велеть того человека ноги откопать, а откопав kostи измерить... и написать на роспись, и на чертеже начертить».

Этот документ в его полном виде представляет первую известную нам инструкцию для археологических раскопок, которые должны были иметь не грабительский, а научный характер. В то же время это — первый случай организации археологических раскопок правительством^{9).}

7) И. Барбаро. Путешествие в Тану. Библиотека иностранных писателей в России. СПБ, 1836.

8) А. Ригельман. История или повествование о Донских казаках.

9) Переписка о находках и раскопках «волотовых» (великанских) кос-

РАЗГРABLЕННИЕ КУРГАНОВ В СИБИРИ И ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ

В докладе 1670 г. царю Алексею Михайловичу говорится, что в 1669 г. в ведомостях из Тобольска сказано:

«Около реки Исети и в окружности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые вещи, посуду... и такие вещи около Исети и в прочих местах, где оной народ, называемый Чуды, жил, в их могилах и поныне находятся».

В другом акте по тому же делу сказано:

«Русские люди раскалывают татарские тризны и находят всякое серебро и золото в «судах» (сосудах) и слитках»¹⁰⁾.

О некоторых археологических памятниках в Сибири упоминает Спафарий¹¹⁾ в своем описании путешествия. О раскопках в Приуралье и Сибири в конце 17 в. сообщает также Н. Витсен¹²⁾. В 1712 г., по распоряжению кн. Гагарина, Шадринский воевода кн. Мещерский послал во владение монастыря

«...как знатоков, драгуна Слободчикова и крестьянина Лобова с товарищами, для присыку, при вспоможении бобылей монастырских, золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей, для казны Государевой»¹³⁾.

В Казанской губернии голландец Дорт, арендовавший ломки слюды, находил много разных вещей в древних могилах. По его просьбе в 1714 г. Петром I ему было дано разрешение на раскопки «в земле Башкиров, вдоль Волги»¹⁴⁾.

Сосланные в Сибирь пленные шведские офицеры Миллер и Штранберг сообщают, что во время их пребывания там (1716) пленные шведы участвовали в партиях русских, которые ходили раскалывать могилы. Калмыки нападали на грабителей и убивали их. Поэтому партии собирались иногда в количестве до 300 человек и выходили на

тей впервые опубликована Н. Новомбергским в работе «Очерки внутреннего управления Московской Руси 17 ст.», Записки Московского Археологического Института, XX, Москва, 1915, стр. 199.

Современная советская интерпретация этой переписки (с факсимиле-трамоты с инструкциями) опубликована С. Замятиным в статье «Первая русская инструкция для раскопок». СА, XIII, 1950, стр. 287.

10) И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. III, СПБ, 1890, стр. 31.

11) Спафарий. «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского», 1675, Москва, 1903.

12) N. Witsen, Noord-en Oost Tartarye, 1692.

13) Работа, указанная в примечании 10).

14) Weber. Das Veränderte Russland, 1721—39. В этой же работе приводятся также и другие сообщения о находках в Восточной России и Сибири и о находках, присланных из Сибири в СПБ.

промысел раскопок курганов вооруженными. Они сообщают также, что караваны раскопщиков формировались и выходили на промысел с разрешения и под покровительством комендантov сибирских городов, которым отдавали часть своей добычи¹⁵⁾.

Капитан Унковский, посланный к калмыцкому контайше, в своем дневнике приводит неприятный разговор по поводу разграбления русскими могил, который он имел с контайшиным посланником Даржею. Разговор возник по дороге. Проезжая вдоль среднего течения р. Иртыша, они

«...видели множество разрытых бугров, а паки землею не забросаны, и тако иные, яко погреба раскрытые по всей степи видны».

Штранденберг сообщает, что русские отказывали калмыцким послам в разрешении посетить могилы их предков, опасаясь, что массовое разорение могил вызовет озлобление и вражду со стороны калмыков.

Доктор Мессершмидт, посланный Петром I в Сибирь для собирания разного рода коллекций, в том числе и археологических, рассказывает в своем дневнике (1721), что раскопки составляют обычный промысел ишимцев-русских, живущих по верхнему течению р. Оби. Жители некоторых мест, специально занимавшиеся раскопками, назывались «бугровщиками». Свои находки они, согласно указу, сдавали в приказы, но многое отдавали и воеводам, а себе оставляли еще больше. Бельль, проехавший Сибирь в 1720 г., также сообщает о том, что из Томска и других мест много народа выходит каждое лето в степи, раскапывают курганы, в которых находят много золота, серебра, бронзы и т. д.¹⁶⁾.

В 1718 г. Петром I были изданы два известных указа наместникам и комендантам городов о собирании и доставке в Петербург всяких предметов «зело старых и необыкновенных».

«Ежели кто найдет в земле какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости скотские, рыбы или птицы, не такие как у нас ныне есть, тако же бы приносили, за что давана будет довольная дача».

Кроме того, в указе содержится интересное требование:

«где найдутся, такие всему делать чертежи, как что найдут».

Это определенно указывает на то, что составителями указа руководили не материальные, а научные интересы. Конечно, ни разграбления курганов, ни расхищение археологических ценностей после этих указов не прекратились. Огромное большинство находимых ве-

15) Stralenberg. Nord- und östlicher Theil von Europa und Asien. 1730. Сведения о грабительских раскопках курганов в начале 18 в. в Восточной России и Сибири, содержатся также в книгах: Das Leben Petri des Ersten und Grossen, 1725; Montfaucon. Antiquité expliquée et représentée en figures. Supplément, V, 1724.

16) Дневник путешествия Мессершмидта, 1721.

щей оставалось на местах, и эти вещи, как памятники, погибали. Однако часть находок после указов стала поступать в Петербург.

Так, в 1727 году Мануфактур и Бергколлегия уже смогли передать в Кунсткамеру свыше 250 золотых и серебряных вещей, весом в 74 фунта из курганных находок. Сохранившиеся до наших дней единичные экземпляры этих находок, представляют высокий художественный и научный интерес¹⁷⁾.

Кроме сбора предметов, находимых раскопщиками, русское правительство иногда и само производило раскопки, поручая их местному начальству или даже снаряжая для этого экспедиции. В 18 в. правительством было предпринято ряд экспедиций для обследований и раскопок археологических памятников, причем во всех случаях выдвигалось требование описания работ и объектов исследования¹⁸⁾.

В 1733—1744 гг. по Сибири путешествовал известный ученый академик Г. Миллер, которому было поручено Академией наук приобретать древности. Г. Миллер приобретал эти древности и сам производил раскопки курганов. В раскопках им было найдено много бронзовых изделий, главным образом оружия и украшений. Археологические находки и приобретения были переданы им в Кунсткамеру, и Академия начала подготовительную работу к изданию «Monumenta Sibiriae», но при пожаре Кунсткамеры в 1747 г. заготовленные для издания медные доски с гравюрами погибли и работа по изданию была прекращена.

По словам Г. Миллера в Сибири

«...никто больше на могильный промысел не ходил, потому что все могилы, в коих сокровища найти надежды имели, были уже разрыты»¹⁹⁾.

Конечно, это сообщение Г. Миллера нельзя понимать в том смысле, что грабительские раскопки были вообще прекращены полностью. Прекратились лишь массовые раскопки в виде промысла. Отдельные же раскопки небольшими группами, или даже в одиночку, продолжали практиковаться, может быть, сокращаясь лишь количественно, вплоть до нашего времени. Можно считать, что период наиболее интенсивного, массового разрушения и разграбления южносибирских курганов приходится на период с половины 17 до половины 18 вв.

Об археологических памятниках Сибири писали все путешественники 18 века — Фальк, Георги, Рычков, особенно же подробно писали о сибирских курганах и могилах Паллас и Гмелин²⁰⁾.

17) Некоторые подробности о разграблении курганов и находках в Сибири приводятся в работе, указанной в прим. 10).

18) Отчет вместе с рисунками был сообщен несколько позже, в 1761 г., П. Демидовым Лондонскому Обществу Антиквариев и опубликован последним во втором томе изданий Общества.

19) Г. Миллер. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных. Ежемесечные сочинения и известия о ученых делах. Декабрь 1764, стр. 483—515.

20) П. Паллас. Путешествия по различным провинциям Российского государства. Половина 2-й части и 3-я часть. СПБ. 1788. (P. Pallas,

Во всяком случае в 18 в. понимание научного значения археологических памятников настолько поднялось в России, что уже в 1739 г. историк Татищев написал инструкцию для археологических раскопок, некоторые положения которой не устарели и до наших дней.

КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО И РАЗГРАБЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРИЧЕРНОМОРСКОЙ СТЕПНОЙ ПОЛОСЕ

После присоединения к России во второй половине 18 в. степной Причерноморской полосы, громадные степные просторы начинают быстро заселяться. В Новороссию переселялись немцы, сербы, молдаване, греки, армяне. Помещики заселяли новые земли крестьянами из Украины. Одновременно на вольные земли крестьяне бежали и сами, образуя слободы государственных крестьян. Колонизация новых земель проходила очень быстро, особенно в конце 18 в. и в начале 19 в.

Кроме громадного количества курганов в степях, среди которых находились монументальные насыпи свыше 20 м высотою, на побережье Черного моря, во многих местах, сохранились на поверхности развалины и остатки древнегреческих городов — Тиры, Ольвии, Херсонеса, Пантикея, Танаиса, Фанагории и др. Почва здесь была буквально насыщена памятниками старины. В связи с этим правительственный и общественный интерес к археологическим памятникам переносится во второй половине 18 в. из Сибири в так называемую Новороссию.

Новое население края, помещики и крестьяне, сейчас же принялись за раскопки курганов. Здесь не было надобности выходить на раскопки большими вооруженными партиями, как в Сибири. Но и здесь происходил массовый разгром памятников едва ли меньшего масштаба по результатам, чем в Сибири. Из этих небольших групп формировались в некоторых случаях, как например, в Керчи, значительные массы людей, промышлявших розысками и разграблениями древних могил. В Керчи эти промышленники назывались «счастливчиками».

Провинциальные газеты второй половины 19 в. пестрят сообщениями о грабительских раскопках. Сведения об этом обычны также в каталогах провинциальных музеев, в аннотациях к находкам. Многие грабительские эпизоды попали в археологическую литературу. Так, например, в одной газете сообщается

«В недавнее время в одной станице на Дону производились частные розыски кладов на компанейских началах таким об-

Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches in den Jahren 1768—73, SPB, 1770).

С. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств. естества. Ч. I. Перевод с немецкого, СПБ, 1770. (Gmelins Samuel. Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche, Theil 2, SPB, 1770.)

разом: несколько станичников, договорившись, раскапывали вместе несколько курганов с условием, чтобы добычу и расходы делить поровну»^{21).}

В другой говорится:

«Курганов разрыто очень много. Но многие еще не разрыты... Многие старики приходили ко мне и говорили, что на своем веку много курганов разрыто ими. Есть у них для исследования курганов и щупы в сажень»^{22).}

В газетах приводятся также сообщения о самих хищнических раскопках, о профессиональных гадалках, которые ворожили специально на клады и т. д. Хищнические раскопки настолько вошли в быт населения, что нашли свое отражение и в художественной литературе^{23).}

Особенное же развитие получили хищнические раскопки в приморской полосе, в Крыму и, особенно, в Керчи. Так как гора Митридата и ее окрестности, покрытые культурными остатками и могильниками, находились под охраной специальных сторожей, то «счастливчики» изобретали различные способы для обхода этой охраны, и разграбление керченских гробниц продолжалось все время. Многие находки «счастливчиков» через специальных торговцев древностями и агентов вывозились заграницу. В Керчи существовали магазины древностей, в которых наряду с поддельными вещами встречались и настоящие, иногда высокой научной ценности. Широко известна замечательная находка «счастливчиками» в 1904 г. на Госпитальной улице в Керчи двух нетронутых катакомбных могил со множеством драгоценных украшений^{24).}

Большие раскопки производили также помещики. Со времен Петра I по русским законам землевладельцу принадлежали все права на недра земли, в том числе и на археологические памятники. Поэтому, если с раскопщиками-хищниками на общественных, крестьянских, казачьих и прочих землях можно было как-то бороться и отбирать находки, то землевладельцы производили на своих землях разрушения и разграбления курганов уже на законном основании. В результате громадное количество помещиков, располагавших до освобождения крестьян даровой рабочей силой, на протяжении всего 19 века раскапывало курганы от скуки и из любопытства. Среди таких раскопщиков встречались настоящие кладоискатели-маньяки.

В трудах 2 АС приводится сообщение о казачьем есауле Пуленцове, который видел клад во сне, только не запомнил точно местность. После этого, в течение почти двадцати лет, он вел раскопки по

21) Ф. Траилин. По поводу одной археологической находки. ДОВ. Н. 1871, №№ 53 и 58. Также за 1876, № 90, 1878, № 98 и др.

22) С. Номикосов. Находки в курганах. ДОВ. Н. 1878, № 83.

23) А. Чехов. Счастье; М. Шолохов. Тихий Дон, Ч. I. и др.

24) А. Спицын. Вещи с инкрустациями из Керченских катакомб, 1904, ИИАК, 17, СПБ, 1905. и ИИАК, 25, СПБ, 1907.

всему берегу Таманского полуострова, отыскивая место, которое он видел во сне. Наконец, в 1817 г. он действительно нашел клад античных золотых и серебряных монет, весьма ценный и в научном отношении.

В трудах того же съезда приводится сообщение об одном казаке, который с 1840 по 1870 гг. разыскивал на Дону клад атаманов Ефремовых, добиваясь помощи от правительства. Наконец, он обратился к археологическому съезду, но также получил отказ²⁵⁾. Интересно, что этот же клад разыскивал и другой казак в тридцатых годах нашего столетия, также обращаясь к правительству (советскому) за помощью.

Многие помещики имели у себя отдельные вещи из раскопок, или даже целые коллекции, о чем есть упоминания и в литературе. Некоторые из таких любителей, путем раскопок и покупок у раскопщиков, собирали настолько большие и ценные коллекции, что они послужили основанием для многих музеев (В. Тарновский — Чернигов, Б. Ханенко — Киев, А. Поль — Екатеринослав). Из этого распространенного типа помещиков-раскопщиков несколько выделяется А. Мартынов, копавший на Дону в 1820-50 гг. Он также не вел записей своих раскопок, но поднялся до такого уровня, что написал работу о древностях на Дону с некоторыми сведениями, представляющими научный интерес²⁶⁾.

Большое количество памятников было уничтожено или частично разрушено проведением железных и шоссейных дорог, при разработке каменных и песчаных карьеров, при рытье котлованов на курганах для водонапорных и силосных башен и при других строительных работах. Остатки древних городов и сооружений из камня повсюду разбирались местным населением на хозяйствственные нужды, иногда на этих развалинах работали целые артели по добыче камня. Правительство не только не принимало мер к охране памятников, но в некоторых случаях и само разрушало их. Так, в 1744 г. при постройке крепости св. Анны на нижнем Дону для работ, по распоряжению правительства, разбирались замки и башни древнего Саркела из теплого камня, который и перевозился вниз по Дону на баржах. То же происходило в разных местах России не только до революции, но и после. В 1864 г. при рытье котлована для водонапорной башни на кургане Хохлач (близи Новочеркасска) было разрушено древнее погребение с замечательными драгоценными вещами, большинство которых было спасено лишь случайно²⁷⁾. В 1868 году при лом-

25) ТАС 2 СПБ, 1871, т. 2. СПБ, 1881, стр. 16.

26) А. Мартынов. Записки о местностях в Войске Донском и вещественных там открытиях, заслуживающих внимания антиквариев и историков, с присовокуплением преданий. Записки в сокр. виде опубл. А. Корсуном в журнале «Дон», №№ 7—12.

27) Первые сведения о погребении и условиях его находки — в статьях проф. П. Борисяка, в Московских Ведомостях за 1864 г., №№ 138 и 146 из ОИК за 1864 г. СПБ, 1865. Описание с опытом некоторого сравнительного

ке камня для строительства железной дороги Ростов—Таганрог, в 11 км от ст. Н. Гниловской, рабочими был найден кувшин с золотыми боспорскими монетами²⁸). При постройке той же дороги в 1869—70 гг. выемкою была разрушена часть культурной насыпи у остатков Танаиса (Недвиговка). Здесь было найдено несколько сот обломков и целых мраморных плит с древнегреческими надписями²⁹). При постройке той же дороги у хут. Хапры был частично разрушен древний некрополь; у пос. Кизитеринки — древнее поселение и некрополь. После революции, в связи с развертыванием «социалистических строек», количество разрушений значительно увеличилось. При постройке виадука в Ростове-на-Дону было полностью уничтожено Темерницкое городище. В 1941 г., при проведении соединительной ветки, был срыт высокий берег у ст. Аксайской и полностью уничтожено известное в литературе Кобяково городище. При постройке железнодорожной ветви у г. Азова, было в значительной степени разрушено Подазовское городище³⁰). При расширении рыбного завода в Азове были разрушены т. н. «Генуэзские ворота» — редкий для России памятник романского стиля. У хут. Недвиговского с конца 18 в. жители выбирали из находившихся здесь остатков Танаиса камень для хозяйственных надобностей. Были разобраны остатки стен и башен, мостовой на площади акрополя, а затем выбирались остатки жилищных построек из камня с погребами. С 1910 г. здесь работали целые артели, отправлявшие добытый камень на баржах в Азов. Во время этих работ делалось много находок, которые лишь в виде исключения попадали в музеи, в основной же массе расходились по рукам, иногда попадали и заграницу. Таким же точно образом у стан. Елизаветинской, еще в начале образования здесь поселения, были разобраны каменные сте-

---

анализа и изображения предметов в работе, указанной в прим. 10. Упоминания об этой замечательной находке, известной в русской археологии под называнием «новочеркасского клада», приводятся во многих работах с более или менее подробным описанием. Однако хорошего, полного перечня всех предметов этой находки с современным научным описанием и анализом этого памятника до сих пор нет.

28) «Донской вестник», Н. 1868, № 3.

29) Археологическая находка при работах Ростовской н/д. жел. дор., ОИАК, 1869, СПБ, 1871. Тексты инокрипции с толкованиями опубликованы в работе: B. Laſyschov. *Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini grecæ et latīnae*. Petropolis, MDCCCLX 1—2. Замечательные инокрипции из этой находки, вместе с некоторыми найденными раньше и позже, доводят число Танаитских текстов до 60-ти. Эти тексты дают возможность восстановить государственный и общественный строй Танаиса 2-4 вв. н. э. и дают особенно интересный материал о юношеских фиасах, группировавшихся на основе почитания Зевса. Танаитские тексты вызвали целую литературу на русском, немецком и английском языках.

И. Помяловский. О танаитских коллегиях. МАС. VI, т. II, О. 1888.

М. Новосадский. Боспорские фиасы. РАНИОН, III, М., 1928. F. Röland, *Geschichte des griechischen Vereinswesens*. Leipzig, 1909.

30) Г. Прозрительев. Археологическим обществам и ученым архивным комиссиям. Ставрополь, 1911.

мы городища и акрополя. У ст. Н. Гниловской каменными и песчаными карьерами много лет разрушались древние некрополи.

То же самое происходило, конечно, и по всей России, повсюду, где находились остатки древних поселений, городов и некрополей. Они подвергались разрушению и уничтожению местными жителями, причем, как в дореволюционное время, так и послереволюционное, никаких мер к спасению этих памятников не принималось. А. Миллер опубликовал статью с описанием разгрома и уничтожения придонских городищ и с призывом к их спасению, но статья эта, конечно, никакого реального эффекта не имела³¹⁾. Прозрительев бил тревогу по поводу разрушения Подазовского городища. М. Миллер опубликовал статью, в которой говорилось о необходимости сохранения археологических памятников при строительствах. По поводу этой статьи, при разборе ее в Ростовском обкоме партии, было даже выдвинуто обвинение против автора в том, что, призывая к охране памятников, он этим выступает против социалистического строительства³²⁾.

Кроме того, в разрушении и уничтожении археологических памятников в России в некоторых местах принимают участие и силы природы. Так, по всему северному берегу Азовского моря находится множество остатков древних поселений. Весь северный берег Азовского моря быстро разрушается и смывается морем³³⁾. В результате погибают и все находящиеся на нем памятники, от которых, во многих случаях, остаются лишь ничтожные остатки. То же происходит и на Таманском полуострове, в частности, и с остатками Тымутаракани.

В результате всех этих акций, за два последних столетия, было разрушено и уничтожено неисчислимое количество археологических памятников всех типов в степной Причерноморской полосе. Такое же уничтожение уже остатков в большей или меньшей степени происходит и сейчас и угрожает в будущем совершенно уничтожить и последние, сохранившиеся еще памятники. Те из них, которые не будут исследованы во-время, погибнут для науки навсегда, как уже погибли многие сотни тысяч памятников.

НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Одновременно с началом разграбления археологических памятников в Причерноморье и степной полосе начались и первые археологические раскопки. Уже в 1763 г., по распоряжению Екатерины II, Новороссийский губернатор генерал А. Мельгунов произвел раскопки большого скифского кургана, получившего в науке название мельгуновского. Раскопки производились с описанием и вообще с науч-

31) А. Миллер. К вопросу об охране памятников старины. СГАИМК. Л. 1931, 4-5.

32) М. Миллер. На подъеме. Советское Краеведение в Азово-Черноморском крае, Р. н/д. 1935, 3.

33) М. Миллер. Некрополь у Беглицкой Косы. Р. н/д. 1928.

ным подходом, соответствовавшим уровню развития науки того времени. Раскопки обнаружили остатки погребения скифского царя с ценностями находками (находятся в Эрмитаже).

В 1790 г. в развалинах Ольвии производил раскопки генерал-инженер Сухтелен. В те же годы исследование остатков древнегреческих городов в Крыму начал П. Сумароков³⁴⁾. К числу путешественников, описывавших Крым с его памятниками, относится и Кларк³⁵⁾. В первой половине 19 в. особенно выделяются археологи, исследовавшие крымские памятники, из числа французских эмигрантов: П. Дюбрюкс, Бларамберг, Сабатье. Большую роль в развитии археологии в Крыму сыграл просвещенный градоначальник г. Керчи И. Степанковский.

К 1826 г. в Керчи накопилось уже столько находок, что в этом же году был открыт первый в России Керченский музей, директором которого и был назначен Бларамберг³⁶⁾. В 1837 г. было опубликовано первое научное описание древностей Крыма³⁷⁾. В 1849 г. директор Керченского музея Ашик напечатал первую историю Боспорского царства, пользуясь материалами исследования керченских археологических памятников³⁸⁾. В самом начале 1850-х гг. остатки Херсонеса раскалывал граф А. Уваров. В 1852 г. проф. Московского университета П. Леонтьев производил розыски Танаиса, обследовал низовья Дона и производил раскопки в нескольких местах³⁹⁾. В 1860-х гг. А. Уваров производил раскопки Ольвии.

В 1854 г. было издано описание античных находок из Причерноморья, с атласом прекрасных гравюр и текстом академика Стефани⁴⁰⁾. В 1850 г. раскопщики-грабители начали раскапывать большой скифский курган в Екатеринославской губернии, известный под названием Александрипольского или Луговой могилы. У раскопщиков были отобраны некоторые золотые вещи. С этого момента возникает интерес к скифским курганам на Украине и общее внимание переключается с Крыма на степную Украину, где начинаются раскопки больших курганов в поисках скифских царских гробниц, описанных Геродотом. Александрипольский курган с 1852 по 1856 гг. последовательно копали Бухтеев, Люценко и Терещенко. Раскопки дали ряд великолепных находок. Однако, несмотря на продолжительность и многократность раскопок этого кургана, благодаря несовершенству техники исследования курган остался до конца неис-

34) «Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова». СПБ. I, 1803 и 2, 1805.

35) E. Klarke. Travels in various countries of Europa, Asia and Africa. Cambridge, 1810, vol. II.

36) Ю. Марти. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.

37) П. Кеппен. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПБ, 1837.

38) Ашик. Боспорское царство. Тт. I-III, 1848—1849.

39) Работа указана в прим. 6.

40) «Древности Босфора Киммерийского». Атлас таблиц рисунков, текст академика Л. Стефани. СПБ, 1854.

следованным. В дальнейшем раскопки скифских царских курганов были поручены известному московскому историку-самоучке И. Забелину. С 1859 г. до 1874 гг., почти каждое лето, он производил раскопки громадных курганов в бассейне нижнего Днепра и на Таманском полуострове и нашел большое количество драгоценных памятников греко-скифской культуры, среди которых одно из первых мест занимает Чертомлыцкая ваза. Раскопки скифских курганов были опубликованы в 1-м и 2-м выпусках МАР, под названием «Древности Геродотовой Скифии», с текстом И. Забелина, и в других работах И. Забелина⁴¹).

В начале 1850 гг. Савельевым, под общим руководством и с частичным участием А. Уварова, были произведены массовые раскопки мелких, так называемых мерянских могил во Владимирской губернии. Всего было раскопано 7 729 могил. Раскопки велись небрежно, материал был перемешан⁴²).

Быстрое развитие археологии в России и большое количество замечательных находок обратили на себя внимание всего ученого мира Европы и привели к тому, что в 1850 г. правительством для объединения археологических работ и руководства ими была учреждена в составе министерства Двора Императорская археологическая комиссия в СПБ, сыгравшая большую роль в дальнейшем развитии археологии в России и существовавшая до самой революции, когда она была преобразована в Российскую Академию Истории Материальной Культуры (РАИМК).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ИЗДАНИЯ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ 19 ВЕКА

В 1854—1855 гг. происходила так называемая Крымская кампания, во время которой прекратились археологические работы. Между прочим тогда пострадал и Керченский музей, из которого англичанами были вывезены почти все археологические материалы. Однако, некоторое время спустя, после окончания войны, в России начинается известный общественный подъем, отразившийся и на развитии археологии. Освобождение крестьян и так называемые Александровские реформы ликвидировали феодальный строй в России и призвали к общественной жизни и деятельности новые слои населения. Началось быстрое развитие промышленности, транспорта, торговли, науки вообще и археологии в частности. В связи с распространением знания, в массах возникает интерес к вопросам естествознания, философии,

41) И. Забелин. Древности Геродотовой Скифии. МАР, тт. I и II. М, 1866—1872 гг. Его же: История русской жизни, М, 1876. Отчеты о раскопках И. Забелина публиковались в ОИАК за 1860 г.

42) Раскопки мерянских могил публиковались в «Извлечениях из Всеобщднейших докладов» за соответствующие годы. Общее описание в работе А. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам». Труды I АС в Москве в 1868 г., т. 2, М. 1871 г.

истории и политической экономии. В России получают всеобщее распространение и оказывают сильное влияние на формирование общественного сознания работы Дарвина, Маркса, Спенсера и др. Этот общий подъем отражается и на археологии.

С начала своего возникновения ИАК издавала лишь краткие «Извлечения из Всеподданнейшего доклада об археологических розысканиях», но в 1859 г. она получила широкие права высшего археологического учреждения в России, право выдачи открытых листов на раскопки на землях государственных и общественных и обязанности наблюдения за всеми археологическими памятниками в России. С этого времени ИАК начинает издавать: ежегодные «Отчеты Императорской Археологической Комиссии» в роскошных изданиях с прекрасными иллюстрациями, выходившие до самой революции, т. е. с 1861 по 1918 гг.; «Материалы по Археологии России» (МАР) и с 1901 по 1918 гг. «Известия Императорской Археологической Комиссии (ИИАК) с «Прибавлениями» к ним⁴³⁾.

Эти издания АК представляют большой научный интерес и исключительное значение для изучения археологических памятников и древних культур России и в наше время.

Граф А. Уваров и его супруга П. Уварова в свою очередь проявляют исключительную энергию в организации и развитии археологии в России, и их заслуги в этом отношении для русской науки исключительно велики. Уваровы создают в Москве второй археологический центр. В 1864 г. А. Уваров организовал в Москве Императорское русское археологическое общество, председателем которого он был избран и состоял до самой своей смерти (1884 г.). После его смерти председателем была избрана П. Уварова, которая и руководила обществом до самой революции и своего отъезда в эмиграцию. Затем по идее и инициативе А. Уварова были организованы археологические съезды

43) «Материалы по археологии России» печатались с 1861 по 1918 гг. в размере *in quarto* с многими гравюрами, фотокопиями, таблицами и рисунками. Выпущено всего 37 томов. Из них многие имеют особую ценность, как тт. I и II «Древности Геродотовой Скифии», тт. 3, 5, 15 и 27. «Сибирские Древности» с текстом В. Радлова, т. 34, «Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков, 1913, СПБ, 1914. А. Бобрина-ского, «Бессарабская находка древностей 1912 г.» с фототипиями и текстом Э. Ф. Штерна и др. «Материалы по археологии Кавказа» под редакцией П. Уваровой от т. I, Москва, 1886, и до т. XIX, М., 1916.

«Материалы по археологии восточных губерний России» (МАВР) были изданы в трех томах, типа предыдущих изданий.

«Отчеты Императорской Археологической Комиссии» (ОИАК) выпускались ежегодно с 1859 г. томами *in quarto* с большим количеством иллюстраций. Лишь за 1882—1888 гг. отчеты были выпущены в одном томе, СПБ. 1891. Последний отчет за 1913—1915 гг. был выпущен в Петрограде в 1918 г.

«Известия Императорской Археологической Комиссии» (ИИАК) выходили нерегулярно. С 1901 по 1918 гг. было выпущено всего лишь 65 №№.

В «Дополнениях к ИИАК» печатались сообщения о мелких раскопках и археологические новости и т. д. Бессменным редактором «Известий» и «Дополнений» был А. Спицын, публиковавший там множество статей, сообщений, археологическую хронику, заметки и т. д.

ды, созывавшиеся через каждые три года. Первый съезд был созван в Москве в 1869 г. А. Уваров председательствовал на всех съездах до своей смерти, а затем председательствование перешло к П. Уваровой, которая и руководила всеми последующими съездами до самой войны, когда съезды прекратились^{44).}

На некоторых съездах производились археологические экскурсии с показательными раскопками. Предварительные комитеты издавали свои труды в форме протоколов заседаний. Но особенную ценность представляют «Труды Археологических Съездов», издававшиеся после каждого съезда в 2—4 томах, в роскошных изданиях с иллюстрациями (ТАС).

В то же время МАО выпускало свои труды под названием «Древности. Труды Императорского русского археологического общества». С 1867 г. и до революции было выпущено около 30 томов «Трудов» Очень ценным изданием, хотя и местного значения, являются «Матерьялы по археологии Кавказа», издававшиеся под редакцией П. Уваровой *in quarto* на прекрасной бумаге и с прекрасными фотографиями. Затем начато было также издание «Матерьялы по археологии восточных губерний России»^{45).} Все эти издания, особенно ТАС, ОИАК, ИИАК, и МАР, представляют собою основной материал для изучения археологии России.

На первых археологических съездах еще преобладали вопросы палеографии, археографии, церковной археологии и др. вопросы, мало или совсем не связанные с полевой археологией. Однако, начиная с 7-го съезда, полевая археология занимает ведущее положение, и вспомогательно-археологические науки отходят на второй план. Значение археологических съездов, в которых принимали участие и археологи из-за границы было исключительно велико. По трудам съездов можно проследить постепенное накопление археологических материалов, а вместе с тем и развитие и самой науки. Конечно, известнос значение

44) Археологические съезды состоялись: 1-й — в Москве, 1869; 2-й — в Петербурге, 1872; 3-й — в Киеве, 1874; 4-й — в Казани, 1877; 5-й — в Тифлисе, 1881; 6-й — в Одессе, 1884; 7-й — в Ярославле, 1887; 8-й — в Москве, 1890; 9-й — в Вильне, 1893; 10-й — в Тифлисе, 1896; 11-й — в Киеве, 1899; 12-й — в Харькове, 1902; 13-й — в Екатеринославе, 1905; 14-й — в Чернигове, 1908; 15-й — в Новгороде, 1911; 16-й был назначен в Пскове, 1914, но не состоялся в связи с начавшейся войной; 16-я Археологическая конференция состоялась в Керчи в 1926 г. и 17-я в Херсоне в 1927 г.

Более ценные материалы по полевой археологии особенно Украины заключаются в ТАС 6-го тт. 1 и 2, Од. 1886; 12-тт. I-III, М. 1905 и 113-го тт. I-III, М. 1907.

На археологических съездах обсуждались доклады не только отдельных археологов, но выдвигались также основные вопросы, как: «Был ли в России бронзовый век?», или «Какому народу принадлежат каменные бабы?».

Эти вопросы разрабатывались, по ним собирались материалы и происходили дебаты. Каждый съезд подводил итоги в развитии науки и давал установки для его дальнейшего развития.

45) См. прим. 43.

имели и труды Московского, Петербургского и Одесского археологических обществ.

В СПБ еще в 1851 г. было организовано Императорское Археологическое общество с отделением славянской и русской археологии. Это Общество выпускало свои труды под названием «Записки Русского Археологического Общества» (ЗРАО). Наибольшее количество археологического материала содержится в «Записках Русского и Славянского Отделений», особенно после того, как в изданиях этих записок принял ближайшее участие А. Спицын с конца 1890 гг.

Таким образом в России возникли и сформировались два археологических центра — в СПБ и Москве. Эти два центра в дальнейшем отличались своими направлениями. В то время как С.-Петербургский находился под большим влиянием западноевропейской науки, Московский тяготел к самобытным русским началам. Между этими двумя центрами сложились конкурирующие и дискуссионные отношения. Между научными работниками этих двух центров часто велись дискуссии, принимавшие в печати крайне острый характер.

В то же время в России и в провинции возникали и формировались археологические центры местного значения, как например, «Общество любителей Кавказской археологии» (Тифлис, 1873 г.), «Казанское Общество Археологии, Истории и Этнографии» (Казань, 1878 г.), «Псковское Археологическое Общество» (Псков, 1880 г.) и др. Однако наиболее старым и мощным из провинциальных обществ было «Императорское Одесское Общество истории и древностей». Это общество, основанное еще в 1839 г. на базе причерноморских, главным образом античных древностей вообще и Ольвии, в частности, развернуло широкую деятельность и выдвинуло ряд крупных археологов. Одесское общество сыграло выдающуюся роль в археологическом изучении Причерноморья. Очень ценным изданием и для нашего времени являются издававшиеся обществом «Записки» (ЗОО или ЗООИД)⁴⁶.

В 1877 г. в СПБ был учрежден первый археологический институт в России по образцу Парижской L'Ecole des Chartes, основателем и многолетним директором которого был Н. Колачев.

В ПАИ преподавались главным образом архивное дело, палеография, церковная археология, которую много лет читал Н. Кондаков.

Лишь в 1900 гг. был введен курс полевой археологии, который вел Н. Веселовский и затем А. Спицын. Слушателей в Институте было немного, до 30 человек. Институт готовил в основном архивариусов, и из него не вышло ни одного русского археолога.

В последней четверти 19 в., в связи с распространением знаний, общим поднятием уровня науки, в частности археологии, выдвигается уже целый ряд археологов, имевших значение для дальнейшего развития этой науки. Все это были любители-самоучки в археологии и универсалы без определенной специальности, без специального об-

⁴⁶) Записки Одесского общества истории и древностей (ЗОО или ЗООИД), от т. I, Од. 1849 и до революции.

разования и подготовки. Среди них были профессора, помешники, чиновники и много военных. Многие из них были настоящими энтузиастами археологии и вели археологические раскопки десятками лет. Всем им недоставало европейской научной подготовки и знания методики раскопок. Некоторые из них, однако, в своих работах поднимались до европейского уровня и играли ведущую роль в развитии русской археологической науки.

КРУПНЕЙШИЕ РУССКИЕ АРХЕОЛОГИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ

Из крупнейших русских археологов этого времени необходимо упомянуть **Д. Самоквасова**, проф. Московского университета по кафедре истории русского права. Он начал раскопки с 1872 г. и продолжал с перерывами почти 40 лет. Копал он главным образом курганы в разных местах России и исследовал памятники всех эпох и культур. Д. Самоквасов в методике раскопок был любителем. За свою многолетнюю практику он написал много статей и публикаций, главным образом отчетного и описательного характера. Однако он первый предложил классификацию русских древностей, в которой век камня и бронзы назвал «Киммерийским периодом». Этот термин надолго закрепился в русской археологии, но в его ограничительном применении, лишь к самой поздней причерноморской бронзе, уже по более поздней периодизации В. Городцова⁴⁷⁾.

Крупным археологом и постоянным участником археологических съездов являлся Киевский профессор истории **В. Антонович**, исследовавший главным образом могильные памятники славян в Правобережной Украине⁴⁸⁾.

Многочисленные и многолетние раскопки курганов вел также постоянный участник археологических съездов генерал **И. Бранденбург**, директор Артиллерийского музея в СПБ. Он первый в России начал практиковать вырезки погребений целиком с последующей доставкой их в Музей для экспозиции⁴⁹⁾.

47) Наиболее полное описание работ Д. Самоквасова имеется в издании «Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей проф. Д. Самоквасова». Труды Московского предварительного комитета по устройству 14 АС в Чернигове. Москва, 1908.

Периодизация, предложенная Д. Самоквасовым, опубликована впервые в издании «Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей проф. Д. Самоквасова». Варшава, 1892.

48) В. Антонович. Археологическая карта Волынской губ. ТАС II, Киев, т. I, Киев, 1899.

«Археологическая карта Киевской губернии». В том же издании, а также в приложении к «Древности». Труды МАО. Вып. XV. Москва, 1895, стр. 30.

«Древности Юго-Западного Края». «Раскопки в стране Древлян». МАР, XI. СПБ. 1892. и мн. др.

49) И. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, МАР, XVIII. СПБ, 1895. Журнал раскопок, СПБ, 1908 и мн. др.

Значительные раскопки производил также ориенталист **В. Тизенгаузен** и **В. Ястребов**, работавший часто по поручению ИАК, главным образом, в бассейне нижнего Днепра⁵⁰).

Крупную фигуру в ученом мире представлял профессор Московского университета антрополог и географ **Д. Анучин**. Он не был археологом-раскопщиком, но написал ряд статей и исследований по вопросам археологии и первый из русских ученых начал производить антропометрические изучения человеческих костей из древних погребений, был инициатором и организатором Антропологической выставки в Москве в 1878 г. Для подготовки материала к этой выставке были организованы и проведены раскопки в нескольких местах России. Материалы выставки были опубликованы в трех томах⁵¹).

А. Ивановский выдвинулся как серьезный исследователь и методист. Он особенно известен раскопками 5 877 курганов в Новгородской земле⁵²).

В. Сизов производил раскопки курганов в Смоленской губернии и Гнездовского могильника. Он первый установил славянскую могильную культуру⁵³). Славянские курганы в большом количестве исследовал в Волынской губернии **В. Гамченко**⁵⁴).

Граф **А. Бобринский** много лет производил раскопки в Киевской губернии. Он был европейски образованным человеком, вел раскопки методически правильно и первый из русских археологов стал обращать внимание на костные человеческие остатки в погребениях, собирать их и передавать для антропологического исследования⁵⁵).

Н. Марр получил известность своими раскопками остатков Ани в Закавказье.

50) В. Тизенгаузен. Раскопки курганов у ст. Н. Чирской, Аксайской, Н. Гниловской и у Новочеркасска. ОИАК, 1865, СПБ, 1867 и др.

В. Ястребов. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской туб. ЗОО, XVII. Од. 1894 и др.

51) А. Анучин. Под его редакцией «Антропологическая выставка». Тт. I—III. Москва, 1878—1879. О культуре Костромских курганов. МАР, II, 1896 и др.

52) А. Ивановский. Курганы С.-Петербургской туб. МАР, XX. СПБ: 1896. «По Закавказью». Археологические раскопки и исследования 1893, 1894 и 1896. МАК, VI, Москва, 1911 и др.

53) В. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, 28. СПБ, 1902. Длинные курганы в Смоленской туб. ТАС II, Киев, 1899. т. I. Москва 1901. Также работы в МАК II, ТАС XI, Киев. 1899 в ТАС VI в Одессе, т. IV, ТАС IX в Вильне, т. II и др.

54) В. Гамченко. От работы «Раскопки в бассейне р. Случи». ТАС XI, т. I. Москва, 1902 и мн. др. публикаций в разных изданиях, до «Житомир за першоджерелами перед «історичні археології». Записки ВУАК, I, Киев, 1931. Все публикации являются отчетного и описательного характера.

55) А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смеляи Киевской губ. Т. I, СПБ. 1887, т. II, СПБ. 1889, и т. III, СПБ, 1891 с многочисленными иллюстрациями. Отчеты о раскопках в Киевской губ. за 1901—1912 гг. в ИИАК. 4, 14, 17, 20, 35, 40, 49, 54. Перещепинский клад, МАР 34, СПБ, 1914, и др.

В Закавказье производили также раскопки А. Ивановский и Э. Ресслер⁵⁶).

В Монголии вели раскопки Ядрицев, Потанин и Козлов. Раскопки последнего (Хара-Хото) носили по своим результатам сенсационный характер, но они не отвечали научным требованиям.

В Средней Азии, после ее присоединения к России, в 1885 г. провел археологические исследования средневековых городов ориенталист проф. И. Веселовский. После этого он перешел на археологические работы и много лет вел раскопки скифо-сарматских курганов на Кубани. И. Веселовский гонялся за сенсационными и драгоценными находками. Раскопки вел небрежно, поручая их своему старшему рабочему Свидыне. Описания вел схематические и неудовлетворительные, зарисовок и фотографий не делал. Если он доходил до погребений бронзового века со скорченными костяками, то раскопки прекращал. Благодаря своему расположению Старшего члена ИАК он имел для раскопок большие средства⁵⁷).

В то же время, уже с 1870-х гг., наряду с господствовавшим в археологии того времени «курганным» направлением, возникает направление и «бытовое», представители которого начали исследовать памятники хозяйственной жизни, промыслов, техники и культуры, сохранившиеся не в курганах, а в стоянках и остатках древних поселений. Это «бытовое» направление в конце концов заняло господствующее положение в археологии.

В 1870-х гг. остатки палеолитических стоянок в Костенках исследовал А. Кельсиев. В Крыму памятники палеолита исследовал К. Мережковский. А. Уваров раскапывал палеолитическую стоянку в Каракарове, И. Поляков разработал методику нахождения палеолитических памятников по палеонтологическим остаткам. Геолог А. Иностранцев провел правильно организованные исследования неолитических стоянок у Ладожского озера⁵⁸.

Таким образом русская археология к концу 19 в. достигла уже значительной высоты в своем развитии и некоторые археологи приближались к западноевропейскому уровню развития науки.

На рубеже 19-20 вв. русская археология, на основе накопившихся предпосылок, делает значительный скачок в своем развитии. Происходит ряд замечательных открытий, выдвигается ряд выдающихся работников. Достижения археологии становятся общим достоянием, и ар-

56) А. Ивановский. МАК. В. М., 1911. Э. Ресслер. О раскопках в Эриванской и Елизаветпольской губ. за 1901—1903 гг. ОИАК за 1901 г., СПБ, 1903, ОИАК, за 1903 г., СПБ, 1906, и ИИАК. 12; СПБ. 1904.

57) И. Веселовский. О раскопках на Кубани: Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. ТАС XI, т. I. Москва, 1905. Также в ОИАК, 1912, СПБ, 1916., ОИАК, 1902. СПБ: 1904. ОИАК, 1897. СПБ, 1900. ОИАК за 1898. СПБ за 1901. ОИАК за 1901 г. СПБ; 1903. и др.

58) А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПБ, 1882.

хеология получает значительную популярность, далеко выйдя за пределы того узкого круга любителей, в котором эта наука культивировалась раньше.

В это время привлекает к себе общее внимание открытие новой «Трипольской культуры», «Полей погребений» с культурами «Зарубинецкого» (Ла-тенского) и «Черняховского» (Готского) типов, «Салтовской» (Северокавказской) на Донце, готских могильников на южном берегу Крыма, бронзовых культур в среднем бассейне Волги, остатков доисторической культуры на берегах Белого моря и многое другое.

Одновременно с этим начинаются систематические и продолжительные научные раскопки и исследования остатков Ольвии, Херсонеса, Крымских могильников в Керчи, на Таманском полуострове и в гирлах Дона. Эти работы подняли русскую археологию до европейского уровня и сыграли значительную роль в ее дальнейшем развитии. Уже в 1890-х гг. в Москве начал издаваться археологический журнал⁵⁹⁾, с начала 20 в. начали выходить в Петербурге «Известия Императорской археологической комиссии» и в Киеве «Археологическая летопись южной России».

Выдвигается ряд новых, молодых археологов, среди которых ведущую роль начинают играть **В. Городцов** (Москва) и **А. Спицын** (Ленинград).

В. Городцов, бывший пехотный офицер, талантливый самоучка в археологии, вышел в отставку и посвятил всю свою дальнейшую жизнь археологии. Он начал раскопки с начала 1890-х гг. и продолжал свою работу в течение почти 40 лет. Особенно широко он разворачивал работу с начала 1900-х гг., когда он делается директором Московского Исторического Музея (ГИМ), одним из основателей Московского Археологического Института, его многолетним директором и преподавателем полевой (бытовой) археологии. Он написал громадное количество археологических статей, заметок, исследований и научных работ, представлявших собою попытки обобщения данных археологии и выводов из них, создал собственную систематическую периодизацию русских древностей с археологической терминологией, которые, однако, русской наукой принятые не были, был главою «Московской археологической школы» и подготовил ряд талантливых археологов, работающих и до настоящего времени: Арциховский, Грakov, Киселев, Брюсов и др. Главной заслугой Городцова является то, что он первый, на основе своих знаменитых раскопок на Донце, доказал наличие в России бронзового века и установил основные этапы его развития. Эта периодизация была принята с дальнейшими дополнениями и уточнениями. Наконец, В. Городцов был последователем формалистической школы в археологии, которая для того времени была прогрессивной⁶⁰⁾.

59) Журнал «Археологические известия и заметки». Москва, 1891, 1892, 1893, 1894.

60) Впервые деление южнорусской бронзы на отдельные культуры было изложено В. Городцовым на 12 АС в Харькове в 1902 г. и в докладе

А. Спицын отличался исключительной работоспособностью. Им написано много исследований, публикаций, заметок, сообщений, произведено много раскопок, и он был предтечей школы, которая позже получила название «эмпирической». Собирая эти материалы, А. Спицын избегал, однако, делать из них обобщения и выводы, формулируя задачи археологии таким образом: «Наша задача — фиксировать, фиксировать и фиксировать». Большини талантами А. Спицын, таким образом, не обладал, и его немногочисленные попытки сделать какие-либо обобщения или выводы нельзя признать удачными. Это был не командир, а чернорабочий в археологии, но с совершенно исключительной энергией и работоспособностью. Он много лет читал полевую археологию в С.-Петербургском археологическом Институте, но подготовить археологов, воспитать своих учеников не смог. В своих работах А. Спицын пользовался общепринятой европейской терминологией, но употреблял ее в своем собственном значении, почему его тексты, особенно в Европе, вызывают недоумение. Главную заслугу А. Спицына является его многолетнее редактирование и издания ИИАК, которые он заполнял своими публикациями. Кроме того он помещал много публикаций в «Записках ПАО» по отделению славянской и русской археологии. А. Спицын был членом ИАК, и в его руках сосредоточивались все сведения о раскопках и случайных находках в России в течение свыше 30 лет. На основании этих сведений А. Спицын составил замечательную собственную картотеку из свыше 10 000 карточек с рисунками и фотографиями неопубликованных находок. Картотека после его смерти поступила в ИИМК (1927)⁶¹.

А. Миллер начал раскопки с 1902 г. В 1908 году он начал систематические раскопки и исследования курганного могильника и скифского городища в гирлах Дона. Как ученик А. Мортилье и Ф. Волкова, он выдвинулся систематичностью и научным характером раскопок. Поднял на большую высоту методику раскопок и исследований архе-

---

на 13 АС в Екатеринославе в 1905 г. В. Городцов приступил затем к составлению большой монографии о бронзовом веке на юге России, которая должна была выйти в качестве второго тома его «Археологии». Однако она уже не могла быть напечатана, так как не отвечала новым требованиям. Предварительные эскизы этой работы были опубликованы в Отчете ГИМ в 1914 г. в Москве, и отдельным изданием в 1916 г. Затем в окончательном виде, была напечатана схема работы под названием «Бронзовый период в СССР» в Большой советской энциклопедии, т. VII, стр. 621, Москва, 1927. Эта была первая попытка в русской археологии дать систематический обзор развития бронзовой культуры в России, с обозначением распространения культур на карте. Однако полная монография В. Городцова на эту тему так и не была издана. В качестве источников по культурам стерни бронзы имеются ценные материалы в отчетах В. Городцова о его раскопках в Изюмском и Бахмутском уездах, опубликованные в Трудах 12 и 13 АС.

61) А. Спицын опубликовал с 1895 по 1927 гг. множество сообщений и материалов характера публикаций раскопок и случайных находок в ИИАК и ЗРАО. Работ обобщающего характера и с выводами у А. Спицына почти нет. Немногочисленные его опыты в этом направлении не имели значения в русской археологии, как например, «Курганы с окрашенными костяками», ЗРАО, IX вып. 1—2, СПб. 1899.

логических памятников, последующее изучение материалов и их консервацию. В дальнейшем заведывал кафедрой археологии в ЛГУ и был главой эмпирического направления в России; подготовил целый ряд своих учеников, занимающих и сейчас руководящее положение в советской археологии, а с 1907 по 1933 гг. он заведывал Отделом Кавказа в Русском Этнографическом музее⁶²).

Н. Репников начал с раскопок могил в северной полосе России, но с 1902 г. перешел к многолетним систематическим раскопкам готских памятников на южном берегу Крыма и этими работами приобрел известность⁶³).

Н. Макаренко начал работать в средней полосе России, но затем перенес свою работу и вел ее на Украине, где и находился все время до самого ареста и ссылки в 1937 г.⁶⁴).

В 1902 г. археолог-любитель, сельский учитель В. Бабенко, в окрестностях с. В. Салтова Харьковской губ. открыл новую, так называемую Салтовскую культуру (Северокавказскую). Наличие этой культуры на таком далеком расстоянии от Кавказа, как и определение народности, оставившей эти памятники, вызвали дискуссию и обусловили целую литературу, посвященную этому вопросу⁶⁵).

Б. Фармаковский — специалист по классическим древностям, хороший методист, стал известным своими многолетними систематическими раскопками и исследованием остатков Ольвии, которые он вел с 1902 по 1914 гг. и с 1924 г. до своей смерти в 1927 г. Можно считать, что Б. Фармаковский выработал в русской археологии методику исследования остатков древнегреческих колоний. Помимо ряда отдельных статей его отчеты о раскопках Ольвии много лет печатались в ИИАК.

В 1902 году вновь назначенный директором Керченского музея **В. Шкорпил** начал массовые раскопки могил с греческой культурой на территории древнего Пантикея и на Таманском полуострове, которые и продолжал ежегодно до самой своей смерти в 1918 г. Имея специальное задание от АК спасти для науки возможно большее количество памятников от Керченских счастливчиков, которые разрушали

62) А. Миллер. Отчеты о раскопках и исследованиях курганов и городища Елизаветовского в устьях Дона. ОИАК, 1908. СПБ. 1912. СПБ. 1909, и 1910, СПБ, 1913—1915., СПБ. 1918 и ИИАК, вып. 35; СПБ. 1910.; вып. 56; СПБ. 1914, ТАС XIII и др.

63) Основные публикации Н. Репникова по раскопкам могильников Крымских готов; некоторые могильники области Крымских готов, ЗОО, XXVII, Одесса, 1907 и Раскопки Суук-Су, ОИАК, 1904, СПБ; 1907 и др. более мелкие.

64) Н. Макаренко. (1903—1935). Одна из крупнейших работ — «Мариупольский мотильник». Клев, 1933. То же на английском языке в ESA, IX, 1935.

65) В. Бабенко. Древне-Салтовские Придонецкие окраины. ТАС 12, Харьков, т. I. Москва, 1905; Разповсюдження стародавньої Салтівської та схожих на неї культур. Харьків, 1926. О Салтовской культуре писали также А. Спицын. Историко-археологические изыскания. Исконные обитатели Дона и Донца, ЖМНП, СПБ. 1909, т. 1, Ю. Готье. Кто были обитатели В. Салтова. ИГАИМК V, 1927 и др.

могилы и продавали находки заграницу. В. Шкорпил проводил раскопки с исключительной энергией, работая иногда в нескольких местах. Благодаря местным климатическим условиям, раскопки продолжались почти круглый год. О размахе раскопок В. Шкорпила можно судить, например, по тому, что за первые 10 лет раскопок (1902-1911), он раскопал 1681 могилу, в том числе много катакомбных (с подземными камерами), причем во многих могилах было до 10 и более погребений. (Отчеты о раскопках В. Шкорпила во всех ОИАК до последнего выпуска за 1915 г.).

В Херсонесе с 1891 по 1907 гг. раскопки производил К. Косцюшко-Валюжинич и с 1907 по 1914 гг. Р. Лепер. Раскопки последнего не были достаточно научными.

В начале 20 в. нашумел своими сенсационными открытиями киевский археолог В. Хвойко. Чех по национальности и пивовар по профессии, он сделался археологом-любителем, работая по переписке и по указаниям Л. Нидерле. Раскопки вел с большой энергией и быстрой, перебрасываясь с места на место. Однако его методы раскопок были совершенно не научными и не соответствовали требованиям даже того времени. Попспешность и небрежность в раскопках в значительной мере были обусловлены и его постоянной погоней за открытиями и сенсациями. Счастье сопутствовало В. Хвойко, и в короткое время он открыл известную Кирилловскую палеолитическую стоянку в Киеве и неизвестные до того Трипольскую культуру, поля погребальных урн с ла-тенской культурой и поля погребений с готской культурой⁶⁶⁾.

Н. Беляшевский — киевский археолог издавал журнал АЛЮР, в котором помещал много своих статей и заметок. Предъявляя высокие требования к методике раскопок и жестоко нападал на В. Хвойку, обвиняя его в варварском ведении раскопок и в уничтожении памятников.

Наряду с перечисленными выше новыми археологами, представившими в общем новое, прогрессивное направление, работали и старые археологи, по своим методам и представлениям связанные с прошлым столетием. Не поднялся выше любительства Д. Самоквасов, а кладоискательское направление представлял Н. Веселовский.

В провинции же приобрел известность Д. Эварницкий, директор Екатеринославского музея с 1902 г. Он производил раскопки больших курганов на средства помещиков в районе бассейна порожистой части Днепра. Раскопки, часто очень больших курганов, Эварницкий производил сквозной траншеей, несколько расширявшейся посередине. Благодаря этому раскопкой захватывалась лишь средняя часть кургана, в боковых же часто оставались погребения, каменные круги и т. д. В

66) В. Хвойко. Поля погребальных урн в Среднем Поднепровье, ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, СПБ. 1901, Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913; Раскопки в области Трипольской культуры, 1901, ЗАРАО. т. V. вып. 2: Киево-Кирилловская палеолитская стоянка и культура эпохи Мадлен. АЛЮР, Киев, 1903.

памятниках Д. Эварницкий не разбирался, записи вел самые суммарные, никаких зарисовок не делал, фотографировался на раскопках только сам со своими помощниками.

В то же время выдвинулись «археологические писатели», которые сами не вели раскопок, но своими исследовательскими научными работами значительно содействовали дальнейшему развитию русской археологии.

Из этого типа археологов необходимо упомянуть получившего в дальнейшем мировую известность профессора Петербургского университета М. Ростовцева. Античник по специальности, он изучал греко-скифские древности на юге России и написал ряд работ, имеющих значение и для настоящего времени⁶⁷⁾.

Другим археологическим писателем был В. Латышев, античник-филолог. Он занимался разбором и толкованием греческих и римских инскрипций, находимых в южной России. Его основными работами также пользуются до сих пор⁶⁸⁾.

Таким образом, русская археология, достигшая в период 1900—1914 гг. довольно высокого уровня развития в методике раскопок и в изучении отдельных археологических предметов, все-таки не дошла до больших работ с описанием материалов, их анализом, обобщением и выводами исторического характера, подобно работам, уже давно имевшимся в иностранной науке.

Работы обобщающего характера начали появляться постепенно, все время увеличиваясь количественно и улучшаясь качественно, но можно сказать, что лишь теперь, в наше время, археология в России уже имеет все необходимые предпосылки и переходит к большим работам по отдельным темам, имеющим характер монографий. Эти работы дают возможность восстановления до- и раннеисторических эпох в истории народов СССР.

В довоенной России первой попыткой написать работу обобщающего характера явились «Русские древности в памятниках искусства», в шести выпусках, написанные Н. Кондаковым и в нумизматической части И. Толстым.

Авторы на основе общей периодизации русских древностей, сложившейся к тому времени, дают в этой работе описание этих древностей с их сравнительным анализом и некоторыми выводами. Работа эта для своего времени стояла на достаточной научной высоте и сыграла

67) М. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. СПБ. 1914 г., Античная декоративная живопись на юге России. СПБ, 1913., «Курганные находки Оренбург. туб. эпохи раннего и позднего эллинизма». МАР 37. П. 1918 и ряд других.

68) Кроме работы, указанной в прим. 29, инскрипции из Причерноморья опубликовались им в МАР 23, СПБ, 1889, «Сборник греческих надписей христианских времен из южной России», СПБ, 1896. ИИАК 3, 1902, ИИАК 14. 1905 и др. Свои работы В. Латышев продолжал публиковать до выставок, устраивавшихся при АС, а также каталоги столичных и более крупных провинциальных музеев.

значительную роль в развитии археологии в России, но она для нашего времени совершенно устарела^{69).}

Другой попыткой составления обобщающей работы является «Каменный век» и «Бронзовый век» В. Городцова. Первая из этих работ значительно устарела. Гораздо большее значение имел «Бронзовый век». Выработанная В. Городцовым «схема периодизации и хронологии бронзовых культур в России долгое время господствовала в русской археологии. По мнению А. Талльгрена, каждый археолог, занимающийся вопросами бронзовых культур в России, в какой-то степени вынужден считаться с Городцовой периодизацией, даже если он относится к враждебному Городцову лагерю. (См. прим. 60).

Необходимо также упомянуть о тех вспомогательно-археологических изданиях разного объема и качества, которые вышли в довоенное время и имели известное значение для определения древностей. К таким работам относятся Каталог коллекции древностей Д. Самоквасова, Каталог коллекций древностей гр. А. Уварова⁷⁰), Каталог коллекций Н. Тарновского и Каталог коллекции древностей Н. Ханенко. Из этих изданий наибольшее значение имело последнее издание с текстом В. Антоновича и таблицами превосходных фототипий⁷¹.

Самый краткий и сжатый очерк истории развития археологии в России имеет большое значение потому, что дает представление о том научном наследстве, которое получили от дореволюционной науки большевики, и о тех предпосылках, от которых начала свое дальнейшее развитие археология в России, уже в послереволюционное время. Кроме того, в это дореволюционное время окончательно сложились и оформились те направления, школы и влияния в русской археологии, которые перешли и в послереволюционное время. Именно с этими школами, направлениями и влияниями европейской науки большевики повели в свое время беспощадную борьбу, уничтожая не только

69) И. Толстой и Н. Кондаков. «Русские древности» в памятниках искусства в шести выпусках, выходивших с 1889 до 1896 гг. Каждый выпуск посвящен определенной эпохе. Вып. 1-й — Классические древности Южной России, 2-й — Древности скифо-сарматские, 3-й — Древности времен переселения народов, вып. 4-й — Славянские древности и т. д.

70) Каталог собрания древностей А. Уварова по курганным раскопкам. Т. I. М. 1887.

Описание собрания древностей Д. Самоквасова указано в прим. 47.

71) «Каталог коллекции украинских древностей В. Тарновского». Киев, 1898. Предисловие В. Антоновича, текст Н. Беляевского. Коллекция состоит в основном из памятников века казацкого, но есть и небольшой археологический материал.

Б. И. и В. Н. Ханенко. «Коллекция. Древности Приднепровья. I. Каменный и бронзовый века». Киев, 1899, 2. «Эпоха предшествующая великому переселению народов». Киев, 1899, ч. I, 3. «Эпоха предшествующая великому переселению народов, ч. 2», Киев, 1900, 4. «Эпоха великого переселения народов». Киев, 1901 и 5. «Эпоха славянская (VIII—XIII вв.)» Киев, 1902. Ханенко, в особенности Богдан Иванович, очень богатый человек, известный меценат, собрал очень большую и ценную коллекцию, переданную им позже в Киевский Исторический музей.

эти школы, но и их представителей и создавая в то же время новую «советскую археологию». Именно этим процессом заполнена вся история русской археологии в послереволюционное время, особенно в 1930—1934 гг.

Схематически историю русской археологии в дореволюционное время можно представить в таком виде:

1) 18 в. Первые раскопки и добывание предметов древности с недостаточным еще их пониманием, главным образом из любопытства с помещением этих предметов в музеях (Кунсткамера, Эрмитаж).

2) **Первая половина 19 в.** Раскопки, стремящиеся к относительной научности с настоящим научным интересом и еще недостаточно удовлетворительным описанием предметов и условий их нахождения.

3) **Вторая половина 19 в.** Более глубокое изучение археологических предметов, их сравнительное изучение и описание, систематизация и хронологизация. Увеличение количества раскопок и расширение областей их распространения.

4) **Начало 20 в. до 1914 г.** Дальнейшее расширение археологических работ, улучшение методики, усиление влияния европейской науки. Изучение памятников в качестве источников для восстановления до- и раннеисторического периодов истории России. Попытки обобщающих работ.

В этих исторических условиях возникли и сложились основные направления в русской археологии:

1) Кладоискательское или дворянское. 2) Курганное. 3) Формалистическое. 4) Вещеведческое. 5) Эстетствующее. 6) Эмпирическое.

С этими основными направлениями, особенно с последними тремя, были связаны и влияния многочисленных европейских теорий по отдельным вопросам — миграционной, расовой, культурных кругов, эклектизма, диффузионизма, националистической и др.

В 1914 г. началась первая мировая война и мобилизация. Нормальные условия жизни все более и более нарушались. Война перешла в революцию и гражданскую войну. Затем наступили полный развал народного хозяйства и голод. В связи с этими историческими обстоятельствами полевые археологические работы в России были прекращены с половины 1914 до 1922 г. включительно. Это был мертвый перерыв в развитии науки, продолжавшийся в общем 8—9 лет. Лишь некоторые научные издания продолжали выходить до 1918—19 гг., а затем совершенно прекратились. За время войны мне известен лишь один случай, когда в 1915—16 гг., вслед за русскими войсками, которые вторглись в Малую Азию, была направлена археологическая экспедиция в составе Н. Марра, Н. Орбели и А. Миллера. Однако экспедиция эта работала немного и недолго и главным ее результатом было открытие неизвестной до того наскальной надписи Урартийского царя Русы. Раскопок же не производилось нигде.

ЧАСТЬ II.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Археология в СССР после революции. Эпоха нэпа (1922—1929)

Первая мировая война в России закончилась революцией и гражданской войной, которая продолжалась в основном до 1921 г. Страна была разорена, и попытки ввести сразу коммунистический строй парализовали промышленность, торговлю, сельское хозяйство и транспорт, население обнищало, и начался страшный голод. Советская власть, только что формировавшаяся, не имела необходимых средств и аппарата насилия. Наступил кризис, угрожавший потерей «революционных за-воеваний» и самому существованию советской власти. В этот момент В. Ленин выступил с предложением новой экономической политики, которая и была принята на 10-м партсъезде в конце 1921 г. Большое количество деятелей эпохи «военного коммунизма», боясь потерять свое диктаторское положение, особенно в провинции, оказалось проведению нэпа ожесточенное сопротивление и нэп распространился по всей стране лишь в начале 1923 г.

Нэп сводился в основном к тому, что была разрешена мелкая кустарная промышленность и частная торговля; разрешена как письменная, так и торговая связь с заграницей, предоставлен ряд концессий европейским промышленникам; произведена девальвация и введены бумажные и серебряные деньги нового образца. Вместе с допущением частной собственности и частной инициативы в народном хозяйстве, была допущена и относительная демократическая свобода в области науки.

Условия нэпа вызвали быстрый рост производительных сил и экономики в стране. Твердая, с высокой покупательной способностью валюта, развитие сельского хозяйства на базе мелкого частного землевладения, промышленности и торговли, обусловили быстрый подъем жизненного уровня населения.

Сокращение рабочего дня для всех форм интеллигентного труда до шести часов и сокращение рабочей недели до пяти дней давали достаточно свободного от службы времени. Относитель-

но высокие ставки заработной платы, высокая покупательная способность денег, обилие продуктов и фабрикатов, как местных так и заграничных, создавали благоприятные условия для развития внеслужебных интересов и занятий. Условия относительной демократии эпохи нэпа давали в свою очередь возможность формирования различных обществ, ассоциаций и групп, которые не допускались лишь в том случае, если их направление явно не совпадало с направлением советской внутренней политики.

Этот быстрый расцвет страны и относительная свобода общественной деятельности обусловили и вызвали, помимо развития науки, литературы и искусства, ряд других общественных явлений, из которых для археологии наибольшее значение имело возникновение и развитие так называемого «краеведческого движения». Правда, уже с самого начала все эти общества и организации находились под бдительным наблюдением ГПУ, но до поры до времени их не трогали и во многих случаях их работе оказывали содействие.

Краеведческое движение началось уже с 1922 г. и охватило всю страну. Не было ни одного областного и уездного города, в которых не было бы организаций «по изучению местного края». Обычно эти организации были более или менее близко связаны с местными музеями и опирались на них как на базу своей деятельности. Организации состояли обычно из местной интеллигенции — учителей средних школ, служащих, музейных работников, местных любителей-коллекционеров и т. д. В университетских городах в краеведческие организации входили и профессора. Фактическим организатором и душою каждой такой организации был какой-нибудь местный энтузиаст, любитель старины и археологии, старой, дореволюционной формации. Чаще всего эта «душа общества» фигурировала в качестве секретаря организации. Краеведческие кружки формировались и в школах из числа учащихся старших групп; члены-корреспонденты и сочувствующие выдвигались из среды рабочих на заводах и из крестьян в деревнях.

Многие краеведческие организации издавали свои труды в форме отдельных сборников или периодических изданий. Эти издания, содержащие местный фактический материал, высоко ценились археологами центров⁷²⁾.

72) В качестве местных изданий, кроме отдельных выпусков, в которых печатались материалы по археологии, можно назвать: Бюллетень ЦБК и Московский Краевед, Москва; Сборник Ржевского общества Краеведения, Ржев; Известия Иваново-Вознесенского общества Краеведения, Иваново-Вознесенск; Пермские краеведческие сборники, Пермь; Труды мологского о-ва изучения местного края, Молога, Вестник Рязанских краеведов, Рязань; Воронежские краеведческие сборники, Воронеж; «Древности Изюмчины», Изюм; Труды Нижне-Волжского общества археологии, истории и этнографии; Труды Нижне-Волжского Областного Научного общества Краеведения и «Нижнее Поволжье», Саратов; Записки Северокавказского общества археологии, истории и этнографии, Бюллетень СКБК; Советское краеведение в Азово-Черноморском крае; «Древности. Труды Ростовского н/Д. об-

Советское правительство того времени не только допускало краеведческие организации, но и возлагало на них известные надежды в том смысле, что эти организации, изучающие местные условия, помогут в выявлении природных богатств страны и старалось направить деятельность краеведческих организаций на разыскивание полезных ископаемых, организацию фенологических и метеорологических наблюдений и вообще на изучение производительных сил и природных условий на местах. С целью координации и направления деятельности краеведческих организаций, в Москве было создано Центральное Бюро Краеведения (ЦБК), издававшее руководящий периодический «Бюллетень ЦБК». Однако в условиях добровольной организации и работы краеведческих образований на местах, их разной формы и, отчасти, разной направленности как между ними, так и с центром, достаточной связи не было, а главное, еще не было той унификации, тоталитаризма и подчиненности центру и партийному руководству на местах, которые сделались столь характерными для страны после 1930 г.

В связи с развитием краеведения и его поддержкой со стороны правительства, все историко-археологические музеи в провинции были переименованы в краеведческие. Там, где были музеи природоведения, их объединяли с археологическими, а где не было, старались создать отделы местной природы, полезных ископаемых, местной промышленности и т. д.

Однако самым характерным явлением для всех без исключения краеведческих организаций эпохи нэпа было то, что несмотря на прямые и постоянные указания ЦБК, местных Политпросветов и руководящих органов на необходимость изучения местных природных богатств, промышленности и пр., краеведческие организации развивались исключительно в качестве археологических. Как молодежь, так и старых любителей более всего интересовала романтика археологии прошлого края — археологические экскурсии, собирание материалов, раскопки, местные исторические предания и т. д. Ни промышленностью, ни климатологией никто не интересовался. Это обстоятельство, особенно к концу эпохи нэпа, не мало беспокоило правительство и местные партийные органы, которые не без основания видели в этом стремлении нереволюционной части общества уйти от современности в архаику и уклониться от участия в строительстве социализма.

Вторым характерным моментом для всех краеведческих организаций

ластного музея», Ростов н/Д.; Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии Симферополь; Летопись археологического музея, Херсон; Известия общества исследования и изучения Азербайджана, Баку и множество других. Кроме того материалы по археологии печатались в «Известиях Архивных Ученых Комиссий», там, где эти комиссии сохранялись в эпоху импа еще от дореволюционного времени (Ставрополь, Симферополь и др.), а также в «Ученых трудах» и «Записках» провинциальных университетов и Педагогических Институтов.

заций было отсутствие среди краеведов членов партии и то, что в изданиях краеведческих организаций партийностью не пахло. Коммунисты в провинции в то время занимали ответственные, руководящие посты, были очень хорошо материально обеспечены и, в массе не достаточно интеллигентные люди, жили исключительно партийными интересами, собраниями и склоками. Конечно, никакой связи с историей и, тем более, с археологией местного края они не имели и заниматься такими вопросами не желали.

Поэтому краеведческое движение как по составу своего фактического руководства, так и по своей направленности являлось прямым продолжением и развитием дореволюционного местного любительства, которое после революции не было запрещено, что вызвало большой приток новых сил, придало движению массовый характер и уводило его в сторону от интересов и задач партии.

Краеведческие организации на местах, кроме выпуска своих изданий, проводили собрания с докладами, экскурсии с собираниями материалов, иногда даже раскопки, публиковали в газетах о своих работах и открытиях, выдвигали своих членов для руководства экскурсиями, проводимыми профсоюзами, помогали в работе местным музеям и т. д. Конечно, работа краеведческих организаций в общем имела дилетантский характер. Однако краеведческими организациями было сделано в области археологии немало интересных наблюдений и открытий.

Всероссийский археологический центр того времени в Ленинграде (РАИМК, затем ГАИМК), состоявший из профессиональных научных археологов старой генерации, образовавших собою замкнутую привилегированную касту, относились к провинциальным краеведческим организациям свысока и пренебрежительно, трактуя провинциальных краеведов-археологов как невежественных любителей, которые не понимают памятников и поэтому не изучают их, а лишь портят. Со своей стороны и местные краеведы относились к ленинградским большим археологам недоброжелательно и приезды из Ленинграда археологических экспедиций, которые увозили с собою после работ все наиболее ценные находки, называли даже в печати «лихими кавалерийскими налетами». Работники Московского центра (РАНИОН) относились к краеведам гораздо сочувственнее и в своих работах на местах искали с ними контакта и сотрудничества. Однако Московский центр в то время был слабым и немногочисленным.

Лишь в отдельных случаях молодым работникам, сформировавшимся в провинции и выдвинувшимся не только своими общими способностями, но и какими-нибудь особыми открытиями, удавалось пробить кастовую замкнутость в ГАИМК и попасть в число его сотрудников. Так попал в ГАИМК С. Замятин из Воронежского музея, благодаря открытию и работам на Палеолитических стоянках в с. Гагарино, М. Герасимов, народный учитель из-под Томска, благодаря открытию им знаменитой Мальтинской стоянки, также попал в ГАИМК и в дальнейшем сделался крупным скульптором-реконструктивистом.

Из крупнейших краеведческих организаций, сыгравших известную роль в развитии археологии советского времени, можно упомянуть Нижне-Волжское Ученое Краеведческое общество в Саратове. Во главе стоял известный археолог, ученик В. Городцева П. Рыков, занимавший кафедру археологии в Университете. Душою этого общества был археолог-любитель П. Шишкин. Выдвинулся также Кроткий, занимавшийся памятниками татарской эпохи. Из школы П. Рыкова вышел ряд талантливых археологов, работавших в Поволжье — П. Рау, Т. Минаева, Арзютов, Синицын. Н. В. О-во краеведения выпустило целый ряд изданий, из которых особенно ценными являются работы П. Рау.

Другой краеведческой организацией в Нижнем Поволжье было Сталинградское краеведческое общество, в котором работали находившиеся здесь бывшие ученики П. Рыкова, местные любители и некоторые высланные из Ленинграда научные работники (А. Бrim).

В Ростове н/Д. было сформировано Северокавказское Бюро Краеведения, секретарем которого был Б. Лунин, а также Северокавказское Общество археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ), в котором секретарем был тот же Лунин, а в состав правления входил ряд университетских профессоров — И. Козловский, П. Черняев, Черноусов и др. СКБК издавало свои бюллетени, в которых публиковало ценные сообщения и материалы по местной археологии. СКОАИЭ же выпускало периодически свои «Записки», в которых публиковались ценные археологические материалы.

В Таганроге работала Краеведческая ассоциация, которая производила археологические обследования и разведки, главным образом, северного побережья Азовского моря и публиковала свои сообщения в Записках СКОАИЭ, отчасти и в Бюллетене ЦБК. Таганрогская ассоциация сделала ряд открытий, выходящих за пределы местных интересов. Здесь руководителем археологических работ, как и всей ассоциации, был М. Миллер.

Краеведческая организация в Крыму, в Симферополе, также базируясь главным образом на учащихся, обследовала остатки средневековых городов и укреплений в горной части Крыма и также выпускала свои печатные издания.

По такому же типу были организованы и работали краеведческие организации в Воронеже, в Херсоне и во всех других городах СССР. Во всех случаях эти организации носили преимущественно археологический характер и были тесно связаны с местными музеями.

Непартийный и немарксистский характер и направление, которое неизбежно носили краеведческие организации эпохи нэпа, также неизбежно привели к тому, что с началом «Сталинской эпохи», в процессе «развернутого социалистического наступления», все без исключения краеведческие организации были разгромлены и закрыты навсегда, а их руководители, в большинстве, арестованы и сосланы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЭПОХИ НЭПА

Декретом Совнаркома от 18.4.1919 г., подписанным В. Лениным, Императорская Археологическая Комиссия была реорганизована в Российскую Академию Истории Материальной Культуры (РАИМК). Реорганизация ИАК в РАИМК была поручена Н. Марру, который и был назначен ее первым директором. В этой должности он пробыл до своей смерти в 1934 г. Некоторое время спустя, в 1924 г. РАИМК была переименована в ГАИМК и заняла помещение Мраморного Дворца. Н. Марр, который в то время был в большом почете у партии и пользовался большим авторитетом в высших кругах, много содействовал развитию и укреплению ГАИМК.

Так как крупнейших русских археологов той эпохи, бывших членов ИАК, заменить было решительно некем, то они полностью и вошли в качестве действительных членов в состав РАИМК-ГАИМК: сам Марр, А. Миллер, Б. Фармаковский, А. Спицын, С. Жебелев, П. Ефименко, и др. Все это были археологи старой генерации и дореволюционных взглядов. Естественным образом научное лицо и направление РАИМК не изменилось и мало отличалось от бывшей ИАК. Сам Н. Марр, в силу своего положения и как директор РАИМК, вступил в коммунистическую партию и выступал в печати против буржуазной науки. Его пресловутая яфетическая теория была направлена против основных положений европейского языкоznания. Но марксистом Н. Марр никогда не был. Таким образом руководство Н. Марром РАИМК-ГАИМК ни в какой мере не изменило ни его дореволюционной сущности, ни общей направленности археологических заданий и работ.

РАИМК, кроме прекрасного помещения, получила в наследство от ИАК также прекрасную специальную библиотеку и большой, ценный архив, обеспечившие дальнейшую успешную научную работу. После смерти А. Спицына в 1927 г. в ГАИМК поступили также его замечательные картотеки, которые он, пользуясь своим положением в ИАК, собирал всю жизнь.

РАИМК получила те же права высшего правительственного, руководящего всеми работами по археологии учреждения, которые имела и ИАК, сначала по РСФСР, а после преобразования в ГАИМК — по всему СССР. Позиция и авторитет ГАИМК усиливались еще тем, что в Ленинграде в эпоху нэпа были сосредоточены все русские крупнейшие археологические силы, находившиеся здесь и до революции.

В то же время в Москве к середине двадцатых годов сформировался второй археологический центр, который по традиции тотчас же стал в оппозицию к ГАИМКу. Этот центр был создан крупнейшим дореволюционным археологом, помощником П. Уваровой, профессором Археологического Института и заведующим кафедрой археологии в МГУ, — В. Городцовым. Этот центр был создан В. Городцовым в форме Археологической секции РАНИОН (Российская Ассоциация Науч-

но-Исследовательских Институтов Общественных Наук). Сотрудники В. Городцова были археологи относительно молодой генерации, его бывшие ученики: А. Арциховский, Б. Граков, С. Киселев и А. Брюсов. Близки были к РАНИОН'у также и крупнейший антрополог-археолог того времени Б. Жуков, а затем и его ученики — О. Бадер и М. Водовской, которые работали в кабинете антропологии при И МГУ.

В Ленинградском и Московском Университетах, еще от дореволюционного времени, существовали кафедры археологии. В 1922 г. Археологические Институты были закрыты и кафедры были преобразованы в АРХО (Археологические отделения). В Москве АРХО заведывал В. Городцов и в Ленинграде, после А. Спицына, с 1923 г. А. Миллер.

В ГАИМКе археологией каменного века руководил П. Ефименко, эпохи бронзы А. Миллер, античного мира С. Жебелев, по татарским древностям А. Якубовский. Отдельно стояла комиссия по раскопкам и полевым исследованиям, которой руководил А. Миллер. Эта комиссия руководила планированием работ, формированием экспедиций, заслушивала отчеты о работах и выдавала открытые листы на право раскопок. В дальнейшем эта специализация получила еще большее развитие и ГАИМК был разделен на ряд секторов.

Студенты, кончившие АРХО и проявлявшие интерес и способности к археологической работе и желавшие работать в этой области, принимались в Институт Аспирантуры, учрежденный при ГАИМК, где продолжали свое образование, специализируясь под руководством профессоров и каждое лето проходя практические занятия в экспедициях ГАИМК. После отбытия аспирантуры, в течение трех лет, более способные оставались при ГАИМК в качестве младших научных сотрудников для подготовки к ученой степени. Некоторые поступали в Эрмитаж или МАЭ (Музей археологии и этнографии). Менее способные студенты по окончании АРХО поступали на работу в музей, часто в провинциальные. Младшие научные сотрудники ГАИМК, после нескольких лет научных занятий в ГАИМК и практических работ в экспедициях, переводились в группу старших научных сотрудников, которые уже посыпались на экспедиционные работы с самостоятельными заданиями в качестве начальников небольших экспедиций.

Таким образом в СССР впервые начали подготавливать кадры настоящих, профессиональных археологов, с хорошей теоретической и практической подготовкой на базе цикла наук исторического факультета. Уже со временем аспирантуры будущие археологи специализировались на определенном археологическом периоде или на археологии какой-нибудь области. В результате новая генерация русских археологов, выступавшая с начала 1930 г., оказалась несравненно выше по своей подготовке и квалификации старых археологов, приходивших к археологии без всякой подготовки.

ХАРАКТЕР АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЭПОХУ НЭПА В СССР

На фронте исторической науки в СССР в эпоху нэпа положение было более благополучным и относительно прогрессивным. Здесь безраздельно господствовала школа М. Покровского, который в то время еще считался ортодоксальным марксистом.

Иное положение создалось в археологии. Во главе археологической науки и археологических работ продолжали стоять научные работники старой, дореволюционной археологии со своими взглядами и представлениями. И в то время, как на фронте исторической науки происходила перестройка, археология оставалась как бы в тени и на протяжении всей эпохи нэпа не происходило в ней никаких изменений и полностью сохранились все те школы и направления, которые выработались и сложились до революции в двадцатом и даже девятнадцатом веках. Своего М. Покровского археология не вытеснила.

Что же касается Н. Марра, то, хотя он и вступил в партию, задача его яфетического учения была деструктивна, а не конструктивна. Партия поддерживала Н. Марра и его учение, поскольку оно было революционным по отношению к «буржуазной» науке и направлено против нее. Однако для создания новой, марксистской археологии оно ничего не давало. Школы и направления, сложившиеся в России до революции (с дальнейшим развитием археологии в эпоху нэпа), получили свое завершение и окончательное оформление, но все эти направления и представления были немарксистскими и после окончания эпохи нэпа они то и подверглись жесточайшему разгрому, а их представители — репрессиям. Поэтому, для понимания периода строительства советской «истории материальной культуры» и затем советской археологии, очень важно иметь в виду эти школы в их историческом развитии. Некоторые из этих направлений присущи лишь русской археологии, возникли и сформировались под влиянием русских исторических условий. Эти направления были наименее научными и наиболее отсталыми. Другие школы сформировались позже, под влиянием европейской науки. Эти направления были наиболее прогрессивными и ведущими. Некоторые археологи были эклектиками, и в их направлении можно найти влияние нескольких школ. Основных школ было не так много, отдельных же направлений — очень много, причем некоторые из них были очень близки друг другу или переходили одно в другое.

Наиболее влиятельными и распространенными были школы формалистическая и эмпирическая, сформировавшиеся в России в первых десятилетиях 20 ст.

Формалистическая школа сложилась в России под влиянием работ Монтелиуса и Дешелета. Сторонники этой школы изучали предметы со стороны их формальных признаков, располагая их по типологическим рядам. Изучение это отрывало предметы от общества, которое их создало, поэтому изменение форм предметов в их развитии рассматривалось не как результат развития культуры и техники об-

щества, а как бы в результате действия внутренних сил, заложенных в самих предметах. Представители этого направления часто сравнивали между собой предметы из разных концов мира и разных времен, вне времени и пространства, только на основе их внешнего, формального сходства, давали подробнейшее их описание и анализ и на основе такого сопоставления делали выводы, которые по существу были глубоко ошибочными, так как исходили из неверных предпосылок.

Формалистическая школа, на известном этапе развития археологии, была относительно научной и прогрессивной. Определенная система в расположении предметов устанавливала связь между их формами, основные этапы их развития, а вместе с тем и относительную хронологию. Однако дальше «вещеведения» это направление не могло идти и, достигнув своего максимального развития, становилось консервативным.

Крупнейшим представителем и главою формалистической школы в русской археологии был В. Городцов. Он выпустил в эпоху нэпа специальную работу в защиту типологического метода⁷³⁾ и плакаты с типологическими рядами ведущих предметов русской археологии, расположенные в хронологическом порядке и по периодам. Рисунки на таблицах были цветными и самые таблицы сопровождались пояснительным текстом, претендующим быть начальным пособием при изучении русской археологии и при определении предметов древности. В таблицах и тексте приводилась археологическая терминология, установленная самим В. Городцовым. Схемы эти, как и терминология В. Городцова, в дальнейшем в русской археологической науке не получили признания. Типичными «вещеведческими», псевдонаучными, являлись также многие работы археолога-писателя Богаевского⁷⁴⁾.

Эмпирическая школа (прозванная Сталиным «ползучим эмпиризмом»), возникла также под влиянием европейской науки. Одним из первых начинателей этого направления являлся А. Спицын. Направление это считало основным и единственным заданием археологии отыскание и возможно более точное и подробное описание памятников, без дальнейших обобщений и выводов.

Любимым выражением А. Спицына было:

«Наша задача — фиксировать, фиксировать и фиксировать».

Таким образом все задачи археологии сводились лишь к фиксации памятников. Типичным эмпириком из провинциальных археологов был В. Гамченко. Но наивысшего своего развития эмпиризм достиг в работах А. Миллера. Методику археологических исследований и изучение памятников он поднял на небывалую до того в России высоту, до-

73) В качестве работ В. Городцова, пропагандирующих типологический метод, кроме его типологических таблиц, можно указать: «Типологический метод в археологии», Рязань, 1927 и «Археологическая классификация».

74) В. Богаевский. Раковина в росписной керамике Китая, Крита и Микен. ГИЗ, Ленинград, 1924.

водя технику раскопок и изучение отдельных частей памятника или отдельных предметов до того, что они часто превращались в самоцель. В то же время иногда, увлекаясь углублением изучения деталей, он ограничивался этими деталями, не охватывая памятника в целом. От широких выводов он, как и А. Спицын воздерживался, считая, что такие выводы преждевременны и являются проявлением дилетантизма. Эмпиризм сыграл большую роль в развитии русской археологии, именно в борьбе с дилетантизмом и кустарницей, поднял методику исследований на большую высоту и повысил требования к изучению памятников. Эмпиризм долгое время имел прогрессивное значение.

Примером эмпирических работ могут служить отчеты А. Миллера о работах СКЭГАИМК в низовьях Дона, так же как и его руководство к археологическим разведкам⁷⁵⁾.

Кладоисследательское или дворянское направление сводилось к тому, что его представители считали достойными в археологии внимания и разыскания лишь вещи, драгоценные в историко-художественном отношении или сенсационные. Все свои работы они направляли в сторону погони за такими вещами и на их розыски. Памятники, хотя бы и ценные в научном отношении, но бедные и не показные, они игнорировали и, обычно, выбрасывали, в том числе и остеологические материалы. Направление это возникло первым по времени и было очень сильно на протяжении всего 19 в., лишь постепенно, с начала 20 в., уступая место новым, научным направлениям. Со смертью Н. Веселовского в 1918 г., крупнейшим представителем этого направления остался Д. Эварницкий, работавший и в двадцатых годах. Д. Эварницкий археолог-дилетант, раскопал очень большое количество курганов, главным образом в районе Днепровских порогов. В своих раскопках он, как и Веселовский, доходя до скорченных потребений эпохи бронзы, которые он считал неолитическими, он прекращал раскопки, оставляя курган недописанным.

В 1930 гг. среди археологов новой генерации уже не могло быть «кладоисследователей», однако у некоторых, особенно молодых работников, еще можно было проследить отражения этого направления, которые выражались в стремлении преувеличить и приукрасить отчеты о разведках, чтобы выставить их результаты в более выгодном свете.

Курганное направление. Представители этого направления, главным образом, археологи 19 в., считали археологическими памятниками, подлежащими исследованию — исключительно курганы. Бытовых памятников — остатков поселений, стоянок, городищ — они не понимали, не ценили и никогда не исследовали. Поэтому в России долгое время и не существовало никаких методических пособий по исследованию бытовых памятников.

Наиболее видными представителями курганного направления являлись почти все крупные археологи 19 в.: И. Забелин, Н. Бранден-

75) А. Миллер. Археологические разведки. Л. 1934 г.

бург, А. Ивановский, те же Веселовский и Д. Эварницкий; в эпоху нэпа: В. Гамченко и, еще позже, в значительной степени — С. Руденко и Грязнов.

Эстетствующее направление не являлось специфически русским, как предыдущие, и возникло под влиянием европейской науки. Главным средоточием и учреждением, в котором это направление культивировалось, был Эрмитаж. Именно характер Эрмитажа с его собраниями замечательных памятников античного и средневекового искусства, создал условия для возникновения и развития этого направления. Выражалось оно в том, что его представители считали археологическими памятниками достойными внимания, лишь памятники искусства античного или феодального времени, изделия и украшения из драгоценных металлов, расписные вазы, резьбу по кости и т. д. Представители этого направления подходили к археологическим памятникам с точки зрения искусствоведческой, изучали и описывали предметы в отрыве от создавшего их общества и эпохи, писали целые монографии, посвященные одной какой-либо вещи с глубочайшим художественным анализом и эстетическим любованием. Эти упражнения в результате ничего не давали и совершенно не использовали вещь в качестве исторического источника. Направление это было консервативным, так как не содействовало развитию науки и по своим результатам было бесплодным⁷⁶.

Теория культурных кругов исходила из представления о том, что все культуры во всем мире делятся на несколько кругов и что каждая культура принадлежит к какому-то определенному кругу. Всякое развитие культуры происходит в результате влияния и воздействия на эту культуру соседней из более высокого круга. Переход к высшим формам культуры происходит не в результате спонтанного развития, а вследствие перехода к высшему культурному кругу. Представителем и пропагандистом этой теории в СССР в эпоху нэпа был известный этнограф-историк материальной культуры — Тан (Богораз), директор музея истории религии АН⁷⁷.

Близкая к предыдущей теория циклизма, распространенная главным образом среди античников, сводилась к тому, что развитие культуры происходит по кругу. Поэтому единства и абсолютного прогресса нет, а есть движение по кругу. Все культуры закрепляются за теми или иными культурными кругами, которых в истории человечества — несколько. Исторический процесс сводится к движению

76) Образцами этого направления могут служить: Лукьянин и Гриневич. Керченская скальница 1906 г. МАР, 36, П. 1918, работа М. Артамонова о старинной русской иконе в Сборнике аспирантов ГАИМК, I, 1929. А. Башкиров. Деревянные двери Дагестанского аула Кара-Корейш. Труды секции археологии РАИОН, II, М., 1928 и некоторые другие того же автора.

77) Тан (Богораз). Теория культурных кругов. Л., 1926.

по кругу, по окончании которого начинается новое движение, повторяющее все те явления, которые уже были однажды.

Эклектизм — соединение разнородных и, часто, противоположных точек зрения. Эклектизм в некоторых случаях может переходить в прямое выписывание текстов из разных авторов, в пLAGIAT. В советской археологической литературе эпохи нэпа эклектиком считался С. Жебелев, которого особенно упрекали за его «Введение в археологию», в которой находили прямые выписки из иностранных авторов. Эклектиком считался также В. Никольский, в его «Истории первобытной культуры»⁷⁸⁾.

Миграционная теория, согласно представлениям которой смена культур происходила не в результате внутреннего, спонтанного развития общества на месте и перехода к высшим этапам развития, а в результате принесения более высоких культур другими народами. Таким образом все смены культур происходили в результате миграций, переселений народов. В Западной Европе теория эта возникла еще в половине 19 в., в России же ее влияние сказывалось очень долго.

Националистическое направление развивалось археологами народов, входящих в состав СССР. Проявлялось главным образом в том, что его представители использовали археологию для выводов, подкрепляющих идеи самостоятельности национальных культур. Представителями этого направления были Н. Макаренко, М. Рудинский, Акчокраклы и др.

Диффузионизм выражался в представлениях о развитии культуры в результате взаимного проникновения и влияния между отдельными культурами.

Модернизация представляла собою перенесение особенностей и черт общества и техники более поздних общественно-экономических формаций на доисторические.

Расовая теория, считавшая расы извечными и неизменными категориями, связанными с определенными комплексами антропологических и духовных особенностей. В связи с чем «высшие расы» были создателями и носителями культуры. Низшие же расы играли в истории культуры второстепенную, подсобную роль, только воспринимая культуру от высших в ограниченной степени.

Все эти школы, теории, направления и представления, иногда в каком-либо сочетании, господствовали в советской археологии в эпоху нэпа, свободно развивались и пропагандировались их представителями. История же социально-экономических отношений и самого общества, создавшего памятники материальной культуры, археологов не интересовала и относилась ими уже к области истории. Археологи-

78) С. Жебелев. «Введение в археологию. I. История археологического знания». П., 1923. 2. Теория и практика археологического знания» П., 1923. В. Никольский. «Очерк первобытной культуры». М., 1925.

ческие памятники и материалы изучались не как источники для восстановления историко-культурных и исторических процессов, а как самостоятельный, изолированный от общества, объект. Археологи в большинстве уклонялись от применения к археологии законов исторического материализма, заявляя, что археология сама по себе является наукой материалистической, поскольку ее содержанием является изучение предметов только материальной культуры.

Кроме этих немарксистских направлений, в работах по археологии проявлялись идеалистические представления об историческом процессе, механистические, вульгарного марксизма и других философских систем.

Связь с европейской наукой. Либерализм эпохи нэпа проявлялся также в совершенно свободных отношениях и связях советских археологов с Европой и заграничными научными кругами. Связь установилась довольно тесная и, благодаря этому, европейская, «буржуазная» наука продолжала оказывать влияние на развитие археологии в СССР. Общее представление сводилось к тому, что археологическая наука в Европе находится на гораздо большей высоте, чем археологическая наука в СССР, и передовые советские археологи того времени открыто или скрыто подражали западноевропейским. Западноевропейская археологическая литература цитировалась в советских изданиях, приводились взгляды на те или иные вопросы крупнейших европейских археологов, которые считались авторитетами в своей области. Господствовало мнение о том, что лишь европейская наука находится на такой высоте, что ее представители могут писать большие, обобщающие труды, определяющие, систематизирующие и оценивающие материалы с соответствующими выводами хронологизации и закономерности процессов развития. Археология же в СССР еще далеко не дошла до такого уровня развития, и поэтому основной задачей археологов является нахождение, описание и определение материалов. Конечно, в этих представлениях была значительная доля истины.

Советские археологи совершенно свободно и беспрепятственно печатали свои работы заграницей: А. Миллер, С. Жебелев, А. Семенов, А. Коцевалов, В. Бартольд, А. Захаров, Л. Мацулович, А. Шмидт, В. Равдоникас, Ф. Шмидт, Г. Боровка и др.⁷⁹⁾

П. Рау печатал в СССР свои работы на немецком языке, но особенно много советских археологов участвовало в журнале, издававшемся А. Талльгреном в Гельсинфорсе на трех европейских языках, под названием «*Evrasia Antiqua Septentrionalis*», и посвященном ис-

79) Работы ков. археологов печатались заграницей и в журналах: „Philologische Wochenschrift”, „Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft”, „Anthropologischer Anzeiger”, „Archeologia Hungarica”, „Encyclopaedia of Islam”, „Amer. Journal Phys. Anthropol.”, „F.U.F. Anzeiger”, „Jahrbuch für prähistorische und ethnografische Kunst”, „Revue antropologique” и др., во Франции, Англии, Америке, Швеции, Финляндии, Венгрии и, в Германии.

ключительно вопросам археологии в России. Журнал широко открыл двери для всех русских археологов и принимал к печати статьи, материалы, публикации и заметки, переводя их на европейские языки, за свой счет. Благодаря этому в журнале принимало участие множество русских археологов, в том числе и провинциальных, иногда совсем малоизвестных. В 1-м № ESA, вышедшем в 1927 г., русских авторов было 62%, в третьем (1928) — 50%, в четвертом (1929) — 74%, в пятом (1930) — 40%. Публикации советских авторов в ESA, уже из числа рукописей накопившихся в редакции, продолжались еще некоторое время по инерции, но затем, после окончания эпохи энха в СССР и разгрома археологии, резко упали и прекратились совсем. Это обусловило и ликвидацию самого издания ESA.

С другой стороны, европейские археологи свободно приезжали в СССР. Так, А. Талльгрен был в СССР в 1917, 1924, 1925 и 1928 гг. Он свободно ездил по всей стране, изучал провинциальные музеи, бывал на раскопках и поддерживал близкие личные отношения со многими советскими археологами того времени. В связи с политикой коммунистической партии того времени, он был избран даже почетным членом ГАИМК. Кроме А. Талльгрена приезжали в СССР и некоторые другие археологи — Ф. Ганчар из Вены, Арнэ из Стокгольма, А. Баллодис из Латвии, А. Сальмони из Венгрии и др. На съезде геологов-четвертичников, происходившем в Ленинграде в 1931 г., находились археологи В. Антоневич (Польша), Абсолон и Скутиль (Чехословакия), совершившие после съезда поездку по ряду городов СССР.

Некоторые европейские археологи специализировались на археологии России и выпустили большие труды, посвященные вопросам археологии в СССР. А. Талльгрен и Е. Миннс имели много друзей среди советских археологов и переписывались с ними, а М. Эберт сам был в России⁸⁰⁾. Ф. Ганчар приобрел известность большим количеством публикаций русских археологических материалов, главным образом с Кавказа. Публикации эти он продолжает помещать в немецких археологических изданиях и до сих пор.

В ESA публиковались, например, А. Шшидт, П. Рыков, В. Смолин, М. Худяков, Л. Якунина-Иванова, Б. Граков, М. Егоров, Б. Жуков, М. Воеводский, О. Бадер, А. Збруева, О. Кривцова-Гракова, И. Фабрициус, А. Потапов, Т. Минаева, Т. Пассек, Б. Латынин, М. Рудинский

80) A. Tallgren „La Pontide préscytique après l'introduction des métaux”, ESA, II, Hels. 1926.

E. Minns „The Scythians and the Northern Nomads”. Cambr., Ancient History, III, cap. IX, 1925.

M. Ebert „Südrusslands im Altertum”. Berl. 1921. То же в обработ. виде в Reallexikon der Vorgeschichte, B. XII, Berl. 1929.

Интересовались вопросами археологии в России и публиковали статьи по отдельным вопросам: А. Brückner, I. Brutzkuss, B. v. Richthofen, T. Arne, A. Salomony, A. Alföldi, G. Childe, G. Merhart, I. Bryk, M. Burkitt, N. Cleve, E. A. Golomshtok („The Old Stone Age in European Russia” Phila. 1938), Fr. Hancar и многие другие.

и очень многие другие. Характерно для того времени, что в ESA, вместе с советскими археологами, печатались и русские археологи белоэмигранты — В. Саханев, Н. Толль, В. Толмачев, Л. Савицкий и др., и открытые враги советской власти, как польский археолог И. Костржевский. Сама ГАИМК издала классическую работу о скифах белоэмигранта и ярого врага советской власти М. Ростовцева⁸¹⁾.

Свобода в высказываниях мнений, связи с заграницей и публикаций там, привели даже к тому, что С. Жебелев в 1928 г. поместил в эмигрантской печати статью, содержавшую неодобрительные отзывы об Октябрьской революции, чем, по словам советской печати, «возбудил негодование советской общественности». (БСЭ, т. XXIV, М. 1932, стр. 655).

Однако партия и советская власть эту свободу и связь с заграницей из своих политических расчетов до поры до времени терпели и надо сказать, что эта связь была для развития археологии в СССР очень благотворной. Помимо взаимного обмена материалами, знаниями и мнениями, под влиянием этой связи, в СССР появляются первые большие работы по археологии обобщающего характера.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР ЭПОХИ НЭПА

Литература эпохи нэпа полностью соответствовала характеру и духу эпохи. Содержание и направление литературы определялось господством в археологии старых, дореволюционных археологов. О возможности и необходимости новой, марксистской методологии в археологии и о том, в чем эта методология должна заключаться и как выражаться еще не только не знали, но и не думали. Основными, руководящими были издания РАИМК-ГАИМК. Академия выпускала в качестве периодического издания сначала «Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры», сохранивших даже дореволюционное название «Известий», и в дальнейшем «Известия Государственной Академии Истории и Материальной Культуры». «Известия» выходили ежегодно по одному толстому тому. Всего вышло 5 томов. С 1926 по 1929 гг. издание было переименовано в «Сообщения ГАИМК» именно для того, чтобы избежать сходства с дореволюционными ИИАК. Сообщений вышло 2 тома и затем, с окончанием эпохи нэпа, это издание было прекращено⁸²⁾.

Для того, чтобы представить себе содержание и направление ИРАИМК-ИГАИМК и СГАИМК, достаточно просмотреть имена основных, руководящих сотрудников этого журнала. Это были крупнейшие научные работники дореволюционного времени, не только далекие от такого бы то ни было марксизма, но и вообще враждебные ре-

81) М. Ростовцев. Скифия и Боспор. ГАИМК, л. 1924.

82) Известия РАИМК, т. I, л. 1921, т. II, л. 1922, Известия ГАИМК, т. III, М. 1924, т. IV, л. 1925, т. V, л. 1927. Сообщения ГАИМК. I, л. 1926 и т. II, л. 1929.

волюции: Айналов, Алексеев (синолог, враг Н. Марра), В. Бартольд, О. Вальдгауэр, А. Васильев, А. Ильин, В. Латышев, Н. Марр, А. Миллер, А. Орешников, А. Лихачев, Малицкий, Р. Фасмер, Тройницкий, Б. Тураев, Б. Фармаковский, Ольденбург. Все они имели большую, обычно европейскую, известность в ученом мире. И из всех лишь один Н. Марр проявлял революционность со своей яфетической теорией, критикуя европейскую «буржуазную науку». Однако на эти позиции он переходил постепенно, изменяя содержание яфетидологии и идя в этом направлении вовсе не под влиянием марксизма, а в силу постепенной выработки и развития своей теории и противопоставления ее общепринятым в научном мире филологическим началам. Компартия, особенно с развитием противоречия в учении Н. Марра с европейскими началами науки, всячески поддерживала и пропагандировала «яфетидологию». Создан был целый культ Н. Марра и его учения, которое в частных разговорах иронически называли «марризмом». Однако, когда марризм сыграл свою воинствующую роль и был более не нужен, Сталин разоблачил Н. Марра, и его учение оказалось антимарксистским. Обо всех же остальных тогдашних столпах археологических наук можно говорить лишь как о более или менее открытых врагах и революции, и марксизма, и компартии. К счастью все это были представители старого мира, пожилые люди, и из приведенных здесь семнадцати имен ученых, одиннадцать успели умереть спокойно до 1930 г. или в начале тридцатых годов. Из остальных шести — пять было арестовано и сослано и один бежал заграницу.

Московский археологический центр, Археологический сектор РАНИОНа, выпустил 4 больших тома своих трудов с 1927 по 1930 гг. В трудах РАНИОНа, выходивших под редакцией В. Городцова, участвовал сам В. Городцов, И. Бороздин, А. Захаров, П. Рыков и, особенно в последних томах, ученики В. Городцова: А. Арциховский, Б. Граков, А. Брюсов и С. Киселев. Характерно, что Б. Жуков, заведывавший кафедрой и кабинетом антропологии Московского Университета и бывший во враждебных отношениях с В. Городзовым, сотрудничал в РАЖ и изданиях РАИМК-ГАИМК. В то же время А. Спичин, не ладивший с Н. Марром, сотрудничал в РАНИОН.

Тогда же, отдельными изданиями выходили крупные работы обобщающего характера по вопросам археологии и истории первобытного человечества как русских, так и заграничных археологов. Так были изданы работы В. Городцова, М. Ростовцева, В. Бузескула, С. Жебелева, Б. Жукова и В. Никольского⁸³⁾. Работы эти, хотя не одинако-

83) Кроме работ, указанных в прим. 71) и 81), также работы В. Бузескул «Открытия XIX и начала XX вв. в области истории древнего мира. I Восток. Л. 1922, «II. Древнегреческий мир». Л. 1924. В. Бузескул. «Студіювання стародавностей Північно-Черноморського Надбереїжжя і їхня вага з погляду грецької та світової історії». Юблейний збірник на пошану акад. Д. Багалія. ВУАН, К., 1927.

В. Бузескул «Открытия и научные достижения за последние годы в области изучения древнего Востока». Східний Світ, 1927, № 1.

вого качества, все-таки представляли собою шаг вперед, как первые в русской археологии попытки больших, обобщающих и руководящих работ. В этом качестве большинство из проведенных работ оказало значительное влияние на провинциальных и начинающих археологов и образовало собою базу для дальнейшего развития науки.

Вместе с тем переводились на русский язык и издавались некоторые работы заграничных ученых, оказавшие также влияние на формирование научной мысли в то время в СССР. Были переведены и изданы работы Г. Осборна, Ж. де-Моргана, Гернеса, Боаса⁸⁴⁾.

Поднятие интереса к археологии в массах и развитие краеведческого движения, обусловили появление в это время руководств по методике археологических разведок и раскопок — А. Федоровского, А. Спицына и А. Миллера⁸⁵⁾.

Те же причины, вместе с требованием коммунистической партии популяризации и демократизации науки и научных знаний, повели к тому, что в эту эпоху публиковалось множество популярных статей, заметок и сообщений в неархеологических журналах как «РАЖ», «Этнографический Бюллетень ЦБК», «Східний Світ» и особенно в популярных «Красная Нива», «Народный Учитель», «Хочу все знать», «30 дней», «Огонек», «Что читать» и др. Много отчетов об археологических работах и находках, как и других материалов, публиковалось в большом количестве провинциальных краеведческих изданий и особенно много публикаций в центральных и почти во всех без исключения провинциальных газетах. В этих популярных публикациях принимали участие и крупные археологи «демократы» — В. Городцов, А. Спицын и провинциальные работники.

ПОПЫТКИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ В СССР

Старые дореволюционные традиции русской археологии настолько довлели над сознанием археологов эпохи нэпа, что в это время были

Б. Городцов. Бронзовый период в СССР . БСЭ, т. VII, М. 1927, стр.621.

П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранне-неолитического возраста . РАЖ, 1924, вып. 3.

Б. Жуков. Происхождение человека . М. 1925, также некоторые работы М. Рудинского.

84) Г. Осборн. Человек древнего каменного века . Л., 1924.

Ж. де Морган. Домосторическое человечество . М., 1926 г.

Гернес. 1. Каменный век, 2. Бронзовый век, 3. Железный век , в издательстве Библиотеки Гешен ,Берлин 1922—24 гг.

Боас. Ум первобытного человека . М. 1928 г.

Леви-Брюль. Первобытное мышление . 1930 г.

85) По методике археологического исследования. А. Федоровский Инструкции и программы археологических разведок и сбора археологических материалов . Труды Экспедиции для изучения Изюмского края. Изюм 1923.

А. Спицын. Разведки памятников материальной культуры . Л. 1927. Работа А. Миллера, указанная в примечании 4).

сделаны даже попытки возродить прежние Археологические Съезды, игравшие столь большую роль в развитии археологии в России на протяжении полустолетия. Инициатива в этом направлении исходила по традиции от Московского археологического центра, в лице Археологической секции РАНИОН.

Однако попытки эти были исторически обречены на неудачу. Не было тех общих условий, характерных для старого дореволюционного общества, которые в свое время создавали базу для такого рода работы. В условиях новой советской общественности уже не было ни правительственной поддержки для съездов, ни необходимых средств. Старые, крупные археологи — Н. Веселовский, Д. Самоквасов, А. Спицын, Б. Фармаковский и другие, бывшие столпами съездов, уже умерли или отошли от работы. Археологи же новой, советской генерации только формировались и еще не имели своего лица и толоса. Советская власть и партия во время нэпа не вмешивались в эти конференции и не мешали им, но ни в какой степени не сочувствовали им и не поддерживали их, считая такого рода предприятия для советской власти и ее направленности ненужными.

При таких обстоятельствах не могли быть созданы ни Предварительные Комитеты с их работой, ни публикации их трудов, как и трудов самих съездов. К тому же ГАИМК, вокруг которого группировались крупнейшие археологи того времени, от участия в этой работе уклонялся и ограничился лишь посылкой на первую археологическую конференцию своего наблюдателя, в то время еще малоизвестного археологического писателя Л. Мацулевича. Так же игнорировали конференцию и украинские археологи с ВУАКом во главе. В такой общей обстановке Московской группой археологов во главе с В. Городцовым был создан археологический съезд в 1926 г. в Керчи, который и состоялся под названием «I-ой Археологической Конференции археологов СССР». В конференции приняли участие, кроме В. Городцова, главным образом археологи второго разряда и провинциальные работники. Конференция прошла довольно вяло и на ней не было ни одного доклада, который обратил бы на себя внимание и принес бы что-то новое для науки, как это бывало почти на всех прежних археологических съездах. В тех же условиях в следующем 1927 г. была проведена вторая конференция в Севастополе (Херсонес), еще более малочисленная по составу и слабая по своим результатам.

Труды Конференции изданы не были. Опубликован был лишь краткий отчет Л. Мацулевича о I-ой археологической конференции⁸⁶⁾. Доклады некоторых участников конференции (Ю. Марти, И. Бороздин) были в дальнейшем опубликованы в форме статей в археологических изданиях.

Так закончились попытки восстановления Археологических съездов и на дальнейшее развитие археологии в СССР эти попытки ни

⁸⁶⁾ Л. Мацулевич. Конференция археологов в Керчи . СГАИМК, I, Л., 1926.

малейшего влияния не оказали. Из отношения же советского правительства и коммунистической партии, молчаливо-наблюдательного и сдержанно-недоброжелательного, было ясно, что правительство и партия лишь терпят до поры до времени проявления общественного начала и самодеятельности в области археологии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА НОВОСТРОЙКАХ

В 1928 г. был принят первый пятилетний план народного хозяйства, имевший своей главной задачей индустриализацию страны.

С новостройками были связаны большие земляные работы и затопление водою больших площадей, что деформировало территорию, изменяло географию данной местности. В процессе этих работ погибали археологические памятники, которые обычно были сосредоточены в долинах рек. Поэтому уже с начала проектирования больших работ, среди научных работников-археологов возникла тревога за судьбу этих памятников и начал обсуждаться вопрос о возможных мерах, если не к спасению памятников, то к их разысканию, фиксации и изучению, на территориях, подлежащих деформации.

В дальнейшем, с развитием так называемого большого строительства, при каждом из них формировались специальные археологические экспедиции, которые до и в процессе деформации территории, исследовали эту территорию, раскапывали и изучали находившиеся на ней памятники.

Археологические работы на новостройках значительно увеличили число точек, в которых производились разведки, исследования и раскопки, расширили территории обследования, выдвинули новые вопросы методики, собрали громадное количество материала и сделали ряд открытий. Таким образом археологические работы на новостройках сыграли значительную роль в развитии археологии в СССР. Недостатком этих работ являлось то, что они исключали возможность составления и проведения единого тематического плана работ в СССР, а производились лишь в тех местах, где сооружались новостройки.

Одной из первых крупнейших новостроек был Днепрострой — сооружение Днепровской гидроэлектростанции с плотиной у г. Запорожья (бывш. г. Александровск). Основные работы по строительству были начаты в 1927 г. и продолжались до 1932 г. включительно. Здесь была организована и провела свои работы в те же годы первая и, вероятно, самая большая из археологических экспедиций на новостройках — ДАЭНКУ (Днепровская археологическая экспедиция Наркомпроса Украины).

Основная задача строительства заключалась в том, чтобы ниже порогов, у колонии Кичкас, соорудить плотину с турбинами, которая должна была перерезать весь Днепр, от берега до берега. Благодаря сооружению плотины вода в этом месте должна была подняться до 40 м в высоту, в результате чего Днепр, выше плотины, превращался

в озеро, местами до 12 км шириною, постепенно сужавшееся вверх по Днепру. Этот подъем воды заливал берега и отразился в большей или меньшей степени на побережьях Днепра, вверх по течению, до самого Днепропетровска и низовьев р. Самары, т. е. на протяжении до 100 км. Вся площадь, подлежащая затоплению, называлась площадью деформации и на эту площадь были составлены подробные карты в больших масштабах. В территорию деформации также входила верхняя часть большой возвышенности на левом берегу Днепра, ниже плотины. Эта возвышенность подлежала нивелировке и превращению в совершенно ровную площадь для строительства на ней нескольких заводов. Большие земляные работы производились также на правом берегу Днепра близ плотины, где также выравнивалась площадь для постройки электростанции.

На территории деформации, на берегах и островах Днепра было сосредоточено громадное количество различных археологических памятников, особенно остатков поселений и рыболовных стоянок эпохи каменного века и бронзы. Равным образом и на площади, подлежащей нивелированию на высоте левого берега, было насчитано свыше 80 курганов. Большое количество курганов оказалось и на правом берегу, где производились также земляные работы.

Инициатива организации специальной археологической экспедиции, которая должна была произвести обследование территории и изучение памятников в связи с Днепростроем, исходила из ВУАКа. Средства давались главным образом Наркомпросом Украины. Начальником экспедиции был назначен престарелый украинский академик, директор Днепропетровского музея, археолог-дилетант Д. Эварницкий. Этот же музей являлся и базой экспедиции, откуда шло снаряжение и куда сдавались все материалы и отчеты. В экспедиции, которая еще не была достаточно организована, но уже приступила к работам в 1927 г., участвовали вначале и члены ВУАКа, впоследствии отправившие и приглашавшиеся Д. Эварницким провинциальные археологи.

Старшими археологами были М. Миллер (Таганрог), А. Добровольский (Херсон), П. Смолич (Чернигов). Из них первые два работали до конца экспедиции. В дальнейшем П. Смолич отошел от работ экспедиции, но после открытия палеолита был сформирован специально палеолитический отряд под руководством И. Левицкого (Харьков). Младшими археологами были П. Козарь, В. Гринченко и Т. Тесля (палеолит). В работах по исследованию палеолитических стоянок принимали участие и геологи-четвертичники. Число научных работников экспедиции временами достигало 20 человек.

Самым замечательным явлением, выработавшимся в экспедиции, была организация «нарад». На нарады съезжались все археологи экспедиции. Каждый делал сообщение о своей работе и дальнейшем плане. Эти отчеты обсуждались и на их основе складывались планы дальнейшей работы всей экспедиции — передвижение отрядов, выполнявших свое задание, на новые места, перегруппировки отрядов в связи с новыми прибывающими работниками и т. д.

С 1931 г. заместителем начальника экспедиции на месте был назначен М. Миллер, после чего наряды в значительной степени утратили свое значение и затем прекратились.

Из крупнейших открытий экспедиции необходимо отметить: открытие палеолитической стоянки эпохи Мустье и целого ряда стоянок позднего палеолита, не известных ранее по Днепру ниже Киева. Открыто и изучено множество стоянок и других памятников эпохи неолита и особенно бронзы. Для последней особенно важно открытие ряда каменных лабиринтообразных сооружений, кромлехов, менгиров и других сооружений из камня. Открытие полей погребений и характерной для них культуры почти на всем протяжении обследованной прибрежной полосы. Открытие памятников Салтовской (северокавказской) культуры. Нахodka и изучение Кичкасского клада, близкого по культуре к Перецепинскому и содержащему несколько сот золотых украшений. Открытие и изучение славянских поселений и пр. Эти открытия, как и многие другие, более мелкие, имели большое значение для выяснения основных вопросов доистории и ранней истории не только Приднепровья и всей Причерноморской степной полосы, но и для Восточной Европы в целом.

Экспедиция собрала до 40 000 предметов, около 6 000 негативов фотографических снимков, сделала много планов, чертежей, рисунков, моделей древних горнов и т. д. Было сделано до 20 вырезок с грунтом, погребений, палеолитических очагов, монолитов с культурными слоями и пр.

К сожалению, материалы Днепровской археологической экспедиции остались отраженными лишь в предварительных отчетах. Дальнейшей научной обработке, как и лабораторной, они подвергнуты не были. Не был опубликован хотя бы общий отчет о работах. В настоящее время лишь один экземпляр общего описания работ экспедиции имеется в архиве УВАН в Мюнхене. Напечатано было лишь несколько мелких публикаций об открытых экспедицией палеолитических стоянках⁸⁷⁾.

Между тем организация работы и опыт ДАЭНКУ, в связи с разворачиванием работ на новостройках, имели большое значение для дальнейшего развития археологии в СССР и к археологическим работам ДАЭНКУ весь научный археологический мир СССР, особенно же ГАИМК, проявлял большой интерес.

Лишь в 1932 г. М. Миллер (научная часть), И. Лепикаш (геолог) и

87) Лишь отчеты А. Добровольского и П. Смолича за первый год работ Экспедиции (1927) были опубликованы в издании «Збірник Дніпропетровського Історико-археологічного музею» т. I, Дніпропетр. 1929. Общие сведения о Надпорожном палеолите приведены у П. Ефименко в работе «Первобытное общество». Очерки по истории палеолитического времени. М. 1953 (3-е изд.). Более подробные сведения о работе М. Миллера «Палеоліт Надпіріжжя». УВАН, Аугсбург, 1948. Там же приведены все отдельные публикации по Надпорожскому палеолиту.

А. Ходак (административная часть) сделали подробные доклады в ГАИМКе о работах экспедиции.

Во время работ экспедиции правительство и компартия направляли каждое лето, в целях пропаганды, на Днепровское строительство очень большое количество экскурсий из разных мест СССР. Экскурсии состояли из писателей, студентов, учителей, рабочих и пр. Экскурсанты от Днепропетровска спускались вниз по Днепру на «дубах» (большие лодки) и все заезжали на раскопки, где археологи показывали им исследуемые памятники, находки и читали соответствующие лекции.

По окончании основного строительства плотины и пуска в ход турбин в конце 1932 г. состоялось торжественное открытие ДНЕПРОГЭСа, на которое прибыли представители правительства, ЦК партии, иностранные гости и несколько тысяч представителей партийных, профессиональных и прочих организаций. В то же время, ко дню открытия, в Запорожье была организована под руководством М. Миллера выставка работ ДАЭНКУ под названием «От каменного топора до Днепростроя». В день открытия, во время произнесения торжественных речей с восхвалением партии и правительства и принудительных митингов с вынесением благодарности и т. д., вся публика бежала на археологическую выставку, на которой за первый же день открытия перебывало до 10 000 человек. По этому поводу устроителям выставки было высказано неодобрение.

В дальнейшем материалы экспедиции несколько лет пролежали в сарае при Днепропетровском музее, часть же была использована в экспозиции. Потом материалы были перевезены в Киев, причем за эти годы, благодаря отсутствию наблюдения и ответственности, частью погибли, частью были разворованы. Во время войны остатки материалов, в том числе и отчетов, были перевезены в Германию, а затем, по окончании войны, остатки остатков были снова возвращены в Киев.

В 1929 г. экспедиция ГАИМК под руководством А. Миллера, в связи с намечавшимся планом строительства Волго-Донского канала, прошла разведкою от Сталинграда на Волге до Калача на Дону и затем, вниз по Дону до стан. Аксайской. В этом случае задачи экспедиции, связанной с новостройкой, были чисто разведочные. Экспедиция, пройдя всю трассу будущего канала, лишь отметила и нанесла на карту обнаруженные ею на этом пути археологические памятники.

Однако наибольшее распространение и развитие археологические работы на новостройках получили лишь в 1930-х годах.

ВЕДУЩИЕ АРХЕОЛОГИ ЭПОХИ НЭПА И КОНЕЦ ЭТОЙ ЭПОХИ

Крупнейшими руководящими археологами СССР в эпоху нэпа являлись в Ленинграде, в ГАИМКе:

А. Миллер, профессор, действительный член ГАИМК, заведывав-

ший АРХО в Ленинградском университете и отделом Кавказа в Русском Этнографическом музее и читавший лекции в Институте Востоковедения в Москве, куда выезжал каждую неделю. Он имел очень много учеников, которые составляют большинство среди крупнейших археологов СССР и в настоящее время.

П. Ефименко, профессор, действительный член ГАИМК, специализировавшийся на палеолите. Он заведывал в ГАИМК сектором «Дородового общества», в то время, как А. Миллер специализировался на культуре эпохи бронзы и заведывал сектором «Родового общества». Из учеников П. Ефименко выдвинулся лишь один П. Борисковский.

В. Городцов — глава Московской группы археологов, профессор, заведывавший АРХО в Московском университете. До конца своей деятельности он оставался универсалом в археологии и не признавал специализации. Он воспитал группу крупных археологов, работающих и сейчас в СССР.

Кроме этих трех археологов, имевших всесоюзное значение, были крупные и известные археологи и в провинции, из которых можно упомянуть, как имевших известное влияние на развитие археологии в СССР, — на Украине (Киев), членов ВУАК — **М. Рудинского** и **Н. Макаренко** (М. Рудинский заведывал кабинетом антропологии в Киевском университете и издавал журнал «Антропология»); в Белоруссии (Минск) — **Поликарпович**, в Керчи **Шульц** и **Марти**, в Саратове — **П. Рыков** (заведывал в университете кафедрой археологии и воспитал несколько провинциальных археологов); в Ростове н/Д археологический писатель и энергичный деятель — **Б. Лунин** и другие. Все упомянутые археологи (кроме Б. Лунина) принадлежали к старой генерации, но все без исключения были представителями старой, «буржуазной» идеологии.

Конец эпохи нэпа характеризовался тем, что в связи с «развернутым социалистическим наступлением» начался натиск и на археологию, в частности на археологические общества и краеведческие организации, а также и на отдельных работников. В 1929 г. появляются первые тревожные симптомы в виде статей в партийных журналах и газетах. В этих статьях выдвигаются обвинения краеведческих и других, подобных им, общественных организаций в том, что они не понимают и не хотят понимать задач социалистического строительства и уклоняются от участия в нем. Вместо этого они уходят в архаику и занимаются вопросами, если не прямо враждебными интересам компартии, то и не имеющими никакого практического значения и «не созвучными эпохе». Таким образом они отвлекают силы и внимание общества от задач, поставленных компартией и совгравительством в сторону, назад к прошлому, и занимаются восхвалением и любованием этим прошлым. В то же время начались нападки и на собраниях и в печати на отдельных, более крупных научных работников, главным образом профессоров, за то, что они уходят в архаику от современности.

менной советской жизни и укрываются в краеведческих и археологических обществах. Для ознакомления с деятельностью краеведческих и прочих общественных организаций в них стали назначать представителей от Горкомов партии и Политпросветов. Их участие в работе организаций пока ограничивалось контролем, наблюдением и изучением отдельных работников организаций. Однако в связи с «развернутым социалистическим наступлением», все более и более отражавшимся на общих условиях жизни и работы, для всех было ясно, что надвигается гроза. И эта гроза разразилась в следующем периоде 1930—1934 гг.

ЧАСТЬ III.

РЕВОЛЮЦИЯ В АРХЕОЛОГИИ (1930—1934 гг.)

Общие условия эпохи

В конце 1927 г. состоялся 15-й съезд ВКП(б).

Съезд констатировал обострение классовой борьбы внутри страны и усиление борьбы международного капитала против СССР. В связи с этим положением съезд постановил «расширить и укрепить социалистические командные высоты... как в городе, так и в деревне».

В 1930 г. состоялся 16-й съезд ВКП(б), объявивший «развернутое социалистическое наступление по всему фронту», а в 1934 г. — 17-й съезд ВКП(б), который признал построение социализма в его первой стадии — законченным, почему и съезд был назван «съездом победителей». Однако в числе задач 2-й пятилетки съезд выдвинул «преводоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей». В резолюции предлагалось «усилить идеально-политическую работу, систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных классов и враждебных ленинизму течений».

Следующий, 18-й партсъезд состоялся лишь в 1939 г., а 19-й в 1953⁸⁸⁾.

Уже из этой тематики съездов в 1927-34 гг. и боевого характера их постановлений видно, что в этом периоде компартия, во главе со Сталиным, пришедшим к власти, проявила особую активность и энергию в «развернутом социалистическом наступлении», в расширении и укреплении «социалистических командных высот». И Сталин, с полным основанием мог назвать эту эпоху «годами великого перелома».

Практически переход от «ленинизма» к «сталинизму» выражился в ликвидации нэпа, отмене частной инициативы и собственности в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. Жестокими методами была проведена коллективизация в деревне и ликвидация кулачества как класса. Страшный голод, массовые высылки на принудительные работы сопровождали «развернутое социалистическое насту-

88) «ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК». Ч. 2. 1924 — 1933. М. 1933.

пление» и «построение социализма». Вместе с тем велась такая же бешеная борьба и на идеологическом фронте с «пережитками буржуазной идеологии» в сознании людей. В этом порядке проводилось массовое закрытие церквей, ссылки и расстрелы духовенства, перестройка всей литературы, искусства и науки с превращением их в средства коммунистической пропаганды. Для всех советских граждан, от дощохозяек и до профессоров включительно, было введено обязательное изучение истории и программы партии вместе с работами «классиков марксизма-ленинизма».

В этих условиях и обстановке была произведена революция и в археологии. Археология до конца эпохи нэпа находилась почти полностью в своем дореволюционном состоянии. Этому участку на фронте исторической науки не придавалось особо важного, ведущего значения, поэтому его социалистическая перестройка запоздала, и ко времени «развернутого социалистического наступления» археология оказалась «в глубоком прорыве». Такое положение было обусловлено спецификой и историческим развитием этой науки, описанными в предыдущих главах. В результате археология находилась все время в руках старых, дореволюционных ученых, далеких от марксизма. Наиболее же революционный из старых ученых, официально поставленный во главе советской археологии, Н. Марр работал в области филологии, увлекаясь фантастическими построениями своей яфетической теории и нападками на «буржуазную науку». О том же, какою должна быть новая, марксистская археология, он не имел никакого понятия. Для революции в археологии необходимо было создать и воспитать кадры новых, молодых, революционных археологов-марксистов, членов партии. Такие кадры готовились, главным образом, в АРХО и аспирантуре ГАИМК и стали созревать лишь к концу эпохи нэпа. Только опираясь на этих молодых партийцев, партия смогла приступить к разгрому старой археологии и созданию новой, советской.

В результате создавшейся общей обстановки и наибольшего отставания археологии из всех наук в СССР, археология потерпела наибольший разгром, и здесь было уничтожено наибольшее количество научных работников.

ЛИКВИДАЦИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ

Уже в 1929 году, вместе с мероприятиями по ликвидации нэпа, компартия, в силу постановлений и директив из Центра (от Политбюро через обкомы, затем горкомы и райкомы партии) начала прибирать к рукам археологические организации, особенно же краеведческие. Во всех краеведческих и археологических организациях и обществах появился партийный надзор в виде прикомандированных наблюдателей. Эти представители партии почти не вмешивались в дела обществ, ограничиваясь лишь изучением и надзором за дея-

тельностью. Наблюдатели командировывались из Политпросвета или Агитпропа, из более грамотных работников этих организаций. Зимой 1929-30 гг., по распоряжению партии все без исключения краеведческие и археологические общества и организации по всему СССР были закрыты. Повсюду НКВД произвело аресты более крупных краеведов. В обществах краеведов и археологов были арестованы их правления в полном составе. Большинство арестованных, после продолжительного заключения в НКВД с допросами, было сослано или ре-прессировано.

В то же время закрыты были и все краеведческие и археологические издательства на местах и прекращены их издания. Лишь значительно позже, после окончательного разгрома и ликвидации этих учреждений были созданы официальные, правительственные «Краеведческие бюро» в областных центрах, как бы для руководства краеведческой работой, в действительности же для наблюдения за тем, чтобы краеведческое движение в обществе не возродилось снова.

Председателем Областного Краеведческого Бюро назначался один из работников Обкома партии, обычно не имевший никакого отношения и интереса к краеведению. Секретарем же назначался обычно какой-либо из уцелевших краеведов или лиц, имевших какое-либо отношение к краеведению, член партии или «беспартийный большевик». Однако краеведческое движение периода нэпа (беспартийное по своему характеру и далекое от марксизма) было настолько основательно разгромлено, что оно уже не могло возродиться ни в какой форме: все краеведы-энтузиасты, музейные работники и археологи-любители были сосланы или изолированы от краеведческой работы.

Областные Бюро Краеведения носили официальный, не общественный характер и никакой краеведческой работы не проводили.

РЕВОЛЮЦИЯ В ГАИМКЕ

Одновременно с ликвидацией краеведения и археологии по всему СССР, производилась революция и в ГАИМКе, где она приняла особенно решительный и жестокий характер в связи с тем, что ГАИМК был центральным и руководящим учреждением в области археологической науки.

Уже к концу двадцатых годов в ГАИМКе была создана коммунистическая ячейка, а затем комфракция, состоявшие почти исключительно из молодых работников-аспирантов и научных сотрудников ГАИМК. Секретарем партийной части ГАИМК назначался какой-либо партийный работник горкома партии, конечно, не имеющий никакого отношения к археологии. Партийная организация ГАИМКа, постепенно увеличивавшаяся и усиливавшая свое влияние, являлась основной базой для надзора и идеально-политического руководства жизнью и деятельностью ГАИМК. Парторганизация ГАИМК была связана по восходящей линии через своего секретаря с горкомом партии,

последний с ЦК партии и Политбюро. По этой линии, сверху вниз, шли все руководящие директивы и указания.

Началось наступление на старых ученых археологов по всему фронту, которое проявилось в жестокой критике, травле и нападках, переходивших обычно в политические доносы. На многочисленных собраниях молодые научные работники-комсомольцы и студенты, по поручению своих партийных ячеек, критиковали с партийных позиций концепции старых ученых археологов и их отдельные работы. Критика носила характер простых нападок и открытых обвинений в антимарксизме и антисоветских установках. На лекциях в АРХО студенты-комсомольцы кричали профессорам:

«Снимите маску», «Откройте свое лицо», «Как Вы относитесь к марксизму?» и т. д.

От старых профессоров и научных работников требовалось, чтобы они публично отрекались от своих старых взглядов, каялись в своих ошибках и заявляли о своей приверженности к марксизму и советской власти. Вся археологическая литература в это время приняла характер взаимной злобной критики и политических доносов. Среди археологов старой генерации наступила полная растерянность. Некоторые из них, может быть и добросовестно, или спасая свою жизнь и хотели бы перейти на рельсы новой науки, новой идеологии, но никто не знал, какую же должна быть марксистская археология и чем она должна отличаться от буржуазной. Еще М. Бакунин писал о том, что настоящий революционный пафос проявляется в разрушении, но не в созидании. Так и в данном случае: яростная борьба велась против старой науки, но никто не знал, какую же должна быть новая, советская.

В конце 1929 г. действительный член ГАИМК проф. В. Равдоникас, по поручению парторганизации, сделал в ГАИМКе доклад на тему «За советскую историю материальной культуры»⁸⁹⁾. В этом докладе впервые подверглись самой резкой критике концепции старых археологов. Доклад этот еще не давал четких определений того, какую должна быть новая, советская археология, но предлагал вместо старой археологии «марксистскую историю материальной культуры». Не было сомнений в том, что этот вопрос был предварительно обсужден в вышестоящих партийных организациях. Доклад Равдоникаса произвел впечатление разорвавшейся бомбы и вызвал ожесточенные дискуссии, продолжавшиеся на нескольких собраниях. Доклад был напечатан и издан под тем же названием.

Работа Равдоникаса, таким образом, как известная партийная и политическая программа для того времени, разошлась по всему СССР, произвела революцию во взглядах на археологию и вызвала многочисленные отклики. В центре же археологической мысли и работы, в ГАИМКе, эта работа послужила сигналом и началом травли старых

89) В. Равдоникас. За советскую историю материальной культуры ИГАИМК, т. VII, вып. 3—5. Л., 1930.

археологов, взаимной ожесточенной критики и самокритики, переходивших в политические доносы, искания и отречения от собственных взглядов.

Самое слово «археология» было отвергнуто и запрещено, как определяющее буржуазную, враждебную марксизму науку и заменено «марксистской историей материальной культуры».

На пленуме ГАИМК в мае 1932 г., на котором присутствовало значительное количество провинциальных археологов, паргчастью ГАИМКа была устроена выставка советской археологической литературы, на которой были представлены работы и статьи крупнейших советских археологов за время с 1917 г. Выставка была организована таким образом, что она иллюстрировала главнейшие старые школы и направления в археологии по отдельным столам. Над каждым столом была надпись, определяющая данное направление: «ползучий эмпиризм», «буржуазный национализм», «формализм» и т. д. Для всех стало ясно, что судьба авторов, попавших на эту выставку — решена. Начались аресты, в результате которых были ликвидированы почти все старые археологи и очень много молодых, которые не сумели или не пожелали приспособиться к новым требованиям. Некоторые старые археологи делали, однако, всяческие попытки, чтобы приспособиться к новым требораниям и показать себя марксистами, чтобы не лишиться научной работы, но эти попытки носили смешной и жалкий характер. Другие, наоборот, несмотря на нависшую над ними смертельную опасность, до конца сохраняли свое научное достоинство, продолжали чисто академическую работу и не делали ни малейших попыток приспособления к новым требованиям, не упомянули ни в одной из своих работ ни Маркса, ни Сталина, не видя в этом научной необходимости.

Ужасная эпоха тридцатых годов была наполнена исключительно борьбою на идеологическом фронте. Полевые работы и изыскания сошли с кратилиц и отошли на самый задний план. Среди археологов этого времени выдвигались не полевые работники, раскопщики, исследователи и научные работники, а политические писатели и критики, начетчики, наизусть цитировавшие высказывания «классиков марксизма». Эти дискуссии в литературе, как и на бесконечных собраниях и заседаниях, часто принимали схоластический характер. С не меньшей яростью велись нападки в литературе на старых русских и, особенно, европейских крупнейших археологов, представителей буржуазной, антимарксистской науки. Подвергались беспощадной критике и разоблачению не только старые авторитеты в археологической науке — Монтелиус, Гернес, Мортилье, Дешелет, Капитеен, но, главным образом, и современные. Из последних особенно нападкам подвергались Менгин, фон Рихтгофен, Коссина, Ястржембский, Брейль, Буль и др.

В процессе этой всеобщей войны в археологии всех против всех, постепенно, в результате осуждения и отбрасывания все большего и

большего количества отдельных положений и толкования марксистской идеологии в применении к вопросам истории первобытного общества, стали выясняться контуры новой, советской истории материальной культуры, заменившей собою археологию.

Основные положения этой новой, советской истории материальной культуры сводились к тому, что археологический памятник является не самоцелью для его изучения, а лишь источником к пониманию и восстановлению общества его создавшего.

Таким образом конечно задачею истории материальной культуры является восстановление форм и этапов развития докапиталистических обществ, со стороны их экономической базы и техники, производительных сил, производственных отношений и идеологии.

В основу изучения процессов развития общества была положена марксова схема социально-экономических формаций. Как известно, Маркс все свое внимание и труды посвятил изучению капиталистического общества его времени. О предшествующих же этапах развития упоминал лишь вскользь, в черновых набросках и заметках. Разделяя общество в его развитии, по признаку производственных отношений, на отдельные этапы — социально-экономические формации, Маркс говорит о первобытном родовом обществе, азиатском способе производства, рабовладельческой формации, феодальной и капиталистической. Способ производства в азиатских деспотиях настолько близко напоминал строительство социализма в СССР, что после ожесточенной дискуссии в конце двадцатых годов представление об азиатском способе производства, как об отдельной, самостоятельной социально-экономической формации, было признано неверным, антимарксистским и самое упоминание о нем было запрещено. В результате больших и ожесточенных дискуссий о социально-экономической периодизации, была выработана и принята в качестве ортодоксальной и обязательной следующая детализированная схема развития общества:

I). Доклассовое общество:

- а) становление человеческого общества;
- б) дородовой период;
- в) родовое матриархальное общество;
- г) родовое патриархальное общество;
- д) стадия разложения рода (переростание родовой общины в сельскую).

II. Классовое общество. Рабовладельческая формация в двух этапах ее развития:

- а) восточное, примитивно-рабовладельческое общество и б) развитое, античное рабовладельческое общество.

III) Феодальный строй в двух этапах его развития:

- а) раннего феодализма и б) развитого или позднего феодализма.

IV) Капиталистическое общество и V) Бесклассовое общество в двух этапах его развития —социалистическом и коммунистическом, из которых последний является окончательным и дальнейшим изменениям не подлежит.

В толкованиях этой схемы Ленин выдвинул положение и даже учение о чистоте формаций, что всякая формация определяется лишь по господствующему в ней способу производства, так как в каждой формации имеются пережитки предыдущих и возникают элементы последующей. Формация же в совершенно чистом виде представляется категорией теоретической. В дискуссиях о формациях принимали участие археологи, историки, экономисты, социологи и философы, наиболее крупные марксисты того времени. Предметом изучения истории материальной культуры были признаны докапиталистические формации, в связи с чем были отменены и запрещены прежние названия и понятия в археологии, каменный век, бронзовый век, железный век, как буржуазные, вытекающие не из представления о развитии самого общества, а из представлений о преобладающем материале в развитии техники.

От археологов стали требовать не только описания исследуемого и изучаемого памятника, а, самое главное, восстановление, на основе изучения памятника, общества его создавшего с точным определением социально-экономической формации и стадии ее развития. Центром внимания сделались производственно-бытовые памятники, стоянки, остатки поселений, мастерских. На основе исследования материала делались выводы об основной, ведущей хозяйственной форме, о развитии техники, о социальном строе и идеологических представлениях производственных групп, оставивших данный памятник. Курганы, могильники и вообще погребения исследовались значительно меньше, главным образом, для восстановления идеологических представлений и, отчасти, социального строя.

Таким образом, новой наукой, заменившей собою прежнюю археологию, явилась история докапиталистического общества, для которой памятники материальной культуры использовались лишь в качестве источника. Другими дисциплинами источникового, подсобного характера, для восстановления истории тех же периодов, явились этнография, антропология — изучение современных отсталых народов. Это изучение давало возможность восстановления и понимания многих явлений в археологии первобытного общества, представлявшихся без таких параллелей непонятными. Для выяснения окружающих природных условий и хозяйственных форм, применялись дисциплины — историческая геология, палеоботаника (пыльцевой анализ), палеозоология.

Для рабовладельческого общества, в котором вместе с возникновением государства появляется и письменность, памятники последней уже являются основным источником для восстановления истории этого общества. Памятники материальной культуры еще имеют большое значение, но уже не первостепенное. В дальнейшем, с развитием письменности и увеличением количества письменных памятников, значение вещественных памятников соответственно уменьшается. Соответственно этому в феодальном периоде письменные источники занимают уже основное, ведущее положение. Памятники же материальной

культуры имеют значение лишь для выяснения второстепенных вопросов техники, быта и других фактов, дополняющих общую картину развития общества.

Построение новой, советской науки вместо прежней археологии сопровождалось и в значительной степени определялось яростными нападками на буржуазные концепции и теории. Отталкиваясь от буржуазных представлений и удаляясь от них, советские археологи-теоретики постепенно впадали в обратную крайность.

Особенно одиозною была объявлена миграционная теория. В связи с этим было запрещено и изъято из пользования не только понятие, но и самое выражение «великое переселение народов». В отношении всех народов и племен, особенно на территории СССР, было объявлено их местное, автохтонное и стадиальное развитие. Эта новая установка в применении к генезису племен и народов и их историческому развитию доводилась до абсурда, явно противоречащего археологическим и историческим данным.

Так, из политических соображений было выдвинуто положение о том, что Крымские готовы вовсе не принадлежали к германскому племени, а сформировались на месте, в Крыму. Работа по подтасовке материала была поручена одному из самых видных трубадуров новой советской истории материальной культуры — В. Равдоникасу. В большой научнообразной статье, с привлечением почти всех исторических и, отчасти, археологических источников и однобоким критическим разбором их—В. Равдоникас не только полностью отверг Иордана и его сообщения о миграции готов, но и все другие данные, в том числе и археологические, о пребывании готов на Днепре. О Кавказских готовах и оставленных ими памятниках В. Равдоникас, в расчете на недостаточную подготовленность большинства читателей, — просто умолчал. С Крымскими же готовами создалось наиболее затруднительное положение, благодаря слишком большому количеству открытых здесь готовских памятников и их широкой известности в Европейской литературе, а также большому количеству и письменных исторических сведений о пребывании здесь готов и сохранении ими своей национальности по крайне мере до 16 в. включительно. Именно здесь В. Равдоникас был вынужден доказывать совершенно невероятное положение, что, хотя готовы в Крыму и были, но вовсе не германского происхождения:

«Реальность исторических готов мы не отрицаем, но думаем, что причерноморские готовы **автохтонно и стадиально** образовались из ранее здесь бывших племен, путем скрещивания. Готы, на наш взгляд, собирательный и весьма условный термин, под которым скрываются, повидимому, различные этнические группировки».⁹⁰⁾.

90) В. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готовская проблема в связи с стадиальным развитием Северного Причерноморья. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8. Готский сборник. Л., 1932.

Как до приведенных выводов, так и после, на многих страницах В. Равдоникас приводит множество фактов, подобранных, подтасованных или просто искаженных, с односторонним тенденциозным освещением.

Другой археолог М. Артамонов, несколько лет исследовавший остатки Саркела на Дону и другие памятники Хазарской державы и культуры, на основе своих исследований, написал историю хазар, в которой, как и в других работах на тему о хазарах, доказывал, что хазары ниоткуда не пришли на Дон и Северный Кавказ, а сформировались на месте, следовательно не были тюрками, а по образцу Равдоникасовских готов, представляли собою «результат автохтонного этногенеза, образовавшись путем скрещения местных племен»⁹¹⁾.

Археолог М. Худяков в своих лекциях в Казанском университете доказывал, что Волжские татары ниоткуда не пришли, не были тюрками, а образовались также на месте, путем скрещения местных племен.

Точно так же объяснялось образование русской нации и европейских народов.

Эта марксистская формула спонтанного, автохтонного и стадиального формирования и развития народов основным своим направлением была обращена против индо-германской теории и учения о расах. Но, отрицая и резко выступая против положений этих теорий, «автохтонное происхождение народов» впадало в другую крайность и доходило до абсурда. Если по этой гипотезе все народы формировались на месте путем скрещивания местных племен, то оставалось совершенно непонятным, что это за племена и почему из одних и тех же племен, на одной и той же территории, и в ближайшем соседстве, в результате одних смешений формировались славяне, других — финны и третьих — тюрки.

С. Быковский, директор ГАИМК, в своей работе, посвященной происхождению восточных славян, в частности русских, доказывал, что восточные славяне и русские ниоткуда не пришли, а сформировались в результате длительного процесса, интеграции и дифференциации различных местных племен и народов, образовавши, таким образом, и русский народ.⁹²⁾

Равным образом производились яростные нападки на проявления миграционной теории в западноевропейской археологической литературе в трудах Г. Брейля и других исследователей.

Такими нападками полна советская археологическая литература того времени и на проявления в иностранной литературе «буржуазного национализма», подводящего научную базу под шовинистические и империалистические тенденции. Анализируя и разоблачая такие построения, советские археологи указывали на то, что в современных

91) М. Артамонов. Очерк древнейшей истории хазар. Л., 1936.

92) С. Быковский. Яфетический предок Восточных славян — киммерийцы. ИГАИМК, т. VIII, вып. 8—10. Л., 1931.

условиях обострения классовых и международных противоречий археология, из науки как будто бы наиболее академической и аполитичной, превратилась в науку наиболее политически острую и боевую.

Японских археологов, например, обвиняли в том, что, идя в передних рядах войск, занимавших в то время Манчжурию, они производили раскопки, публиковали материалы, главным образом, керамику и, сопоставляя ее с древнеяпонской, доказывали генетическую связь японской культуры с манчжурской. Этим они наглядно подтверждали, что предки японского народа вышли из Манчжурии и этим обосновывали лозунги:

«Манчжурия — страна наших предков», «Назад, на родину наших предков» и т. д.

Во многих местах Прибалтики, особенно в Ладоге, Старой Русе, по верхнему течению Волги, по течению Днепра до Чернигова и др. местах, давно известны находки погребений и предметов так называемого «скандинавского» или «варяжского» типа. В советское время, именно в эпоху борьбы за советскую материальную культуру, вся эта бывшая скандинавская культура была объявлена славянской, и на шведских археологов начались нападки за то, что они продолжали считать эту культуру скандинавской и на этом основании объявляли ряд старорусских городов (Ладога, Ярославль, Смоленск, Чернигов, Киев), для определенной эпохи — скандинавскими колониями.

Финских археологов обвиняли в том, что все финские племена, населяющие Северную Россию и Приволжье, они продолжали считать финскими, а древние культуры в этих местах (Дьяковскую и др.) считали прафинскими и раннефинскими и на этом основании заявляли исторические права финского народа на всю северную Россию до Зауралья и отчасти среднюю, вместе с Поволжьем, как на «Великую Финляндию».

В европейской археологической литературе того времени велась ожесточенная полемика между польскими и немецкими археологами (Ястржембский, Коссина, ф. Рихтгофен) по вопросу о принадлежности Лаузицкой (Лужицкой) культуры — славянам или германцам. Советские археологи публиковали эти установки и аргументы обеих сторон с издевательскими комментариями и не без основания, доказывали, что во время существования и развития этой культуры (неолит — бронзовый век) ни славянских, ни германских племен еще не существовало и что носители Лаузицкой культуры могли в дальнейшем, в процессе этногенеза, войти частично как в состав германского, так и славянского народа.⁹³⁾.

Такая же жестокая критика и яростные нападки произошли и на другие буржуазные концепции и их отражение в русской и совет-

93) В. Равдоникас. Археология на службе у империализма. СГАИМК, № 3—4, Л., 1932.

Г. Мосберг. Об эстонской буржуазной исторической науке. ПИДО № 6, 1934 г.

ской археологической литературе — эмпиризм, формализм, модернизация, особенно же на проявление механизма и идеалистических представлений. Вместе с тем, во взаимных критических выступлениях и нападках старались находить друг у друга переживания или «протаскивания контрабандой» каких бы то ни было «уклонов» от теневой линии партии. Эта критика среди советских археологов всегда носила не академический, а личный персональный характер взаимных политических обвинений, клеветы и доносов.⁹⁴⁾.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ.

Соответственно задачам момента совершенно изменила свой характер и археологическая литература, в которой описания раскопок¹ и археологических материалов с их анализом и выводами почти полностью были заменены критикой буржуазных теорий и концепций, взаимной критикой и самокритикой и попытками формирования новой, марксистской истории материальной культуры, путем разбора и анализа, на базе марксистского миропонимания, отдельных явлений археологического порядка. По существу археология была заменена историей докапиталистических формаций и их материальной культуры. Первое место заняли вопросы реконструкции, на основе высказываний основоположников марксизма и археологических материалов — социальной структуры, экономики, промышленной и технической базы и идеологии отдельных социально-экономических этапов в развитии дофеодального общества.

В основу построения новой науки и понимания всех ее явлений были положены высказывания классиков марксизма-ленинизма, в первую очередь, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса⁹⁵⁾, работы лишенной малейшей самостоятельности и представлявшей собою пересказ в сокращенном виде и популярной форме выводов из работ американского ученого Л. Моргана

94) Примерами политических доносов могут служить статьи: И. Смирнов. Националистическая контрреволюция на Украине под маской исторической науки. ПИДО № 6, 1934.

В. Мавродин. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани. ПИДО № 9—10, 1935.

К. Тревер. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья и многие другие в археологических изданиях ГАИМК 1930—34 гг.

95) Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздан.

Почти для каждого нового издания делался новый перевод, иногда в порядке толкования немецких фраз и слов с значительными изменениями, отражавшими в действительности новейшие установки партии в данных вопросах. Эта работа также находится во всех изданиях собрания сочинений Маркса-Энгельса.

По поводу «Происхождения семьи...» статья Е. Кричевского «К 50-ти летию «Происхождения семьи...» Энгельса. ПИДО № 9—10, 1934.

на, исследовавшего родовой строй у индейцев — ирокезов⁹⁶). Эту работу археологи без конца «прорабатывали», должны были изучать буквально наизусть, все время ссылаясь на нее в своих работах и каждая фраза из этой работы, как и все вообще высказывания классиков марксизма, считались абсолютной истиной и постулатом, не подлежащим обсуждению. Ввиду того, что высказывания классиков марксизма-ленинизма о рабовладельческом и особенно доклассовом обществе далеко не многочисленные, разбросаны во многих работах и статьях, иногда мало известных, были составлены и изданы сборники этих высказываний. Эти высказывания классиков марксизма подвергались бесконечным интерпретациям и толкованиям и использовались для взаимных обвинений в неправильном и вредительском толковании и понимании марксизма. Все и всякие высказывания классиков марксизма-ленинизма принимались безоговорочно, как открытия и констатации объективных законов развития человеческого общества.

В начале реконструктивного периода были изданы и некоторые работы иностранных авторов — Г. Вейнера о происхождении человека, Боаса и Л. Брюля об уме и мышлении первобытного человека⁹⁷) Эти работы были допущены условно, как написанные авторами — стихийными материалистами, поскольку в советской литературе того времени ортодоксальных работ на эти важные темы еще не было. Впоследствии же они были осуждены и попали в советский *Index librorum prohibitorum*. Была сделана попытка издания ряда статей советских археологических писателей на тему о родовом обществе. Однако этот сборник, тотчас же после выхода, был подвергнут жестокой критике, с обвинением его авторов в уклонах и антимарксистских ошибках⁹⁸). К концу периода была сделана первая попытка

96) Л. Мортан. Древнее общество. Л., 1934.

Л. Мортан. Дома и домашняя жизнь американских индейцев. Л., 1934.

97) Г. Вейнер. Происхождение человечества М.—Л., 1935.

Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930 г.

Боас. Ум первобытного человека. М., 1930 г.

Б. Жуков. Происхождение человека. М., 1925 (рекомендована в эпоху энха, но затем была осуждена как антимарксистская и запрещена).

98) «Родовое общество». Сборник статей под редакцией А. Маторина. Л., 1931.

После выхода в свет почти все статьи этого сборника были более или менее резко осуждены и самий сборник запрещен. Тогда был выпущен новый сборник, более идеологически выдержаный: «Из истории родового общества на территории СССР». ГАИМК, 1934. (М. Воеводский, О. Бадер, П. Дмитриев, А. Збруева, П. Третьяков и А. Шмидт). Этот сборник был составлен московскими археологами (исключая одного А. Шмидта), тогда как первый — ленинградскими. И в этом случае, как и во многих других, проявился соперничество и борьба между двумя археологическими центрами. Причем, если ранее эта борьба велась на научном фронте, то теперь она приняла характер научно-политический.

изложения истории дородового общества (палеолит) по археологическим материалам.⁹⁹⁾

Почти вся литература этого времени носит социологический характер, а публикации чисто археологического характера в изданиях этого периода полностью исчезли. Их помещали в конце, в объеме, не превышавшем 1/10 всего печатного материала. На изданиях того времени как периодических, так и отдельных выпусках, можно проследить это постепенное утверждение социологической тематики. В 1930 г. социологических статей было относительно не много, в 1931 г. их количество уже значительно увеличивается. В 1933—34 они уже полностью господствуют и в 1935 году принимают уже не столь полемический, но более устойчивый и общепринятый характер. Перестройка археологической идеологии к этому времени заканчивается.

Все археологические издания эпохи нэпа, в том числе и «Труды» археологической секции РАНИОН в Москве, как и издательство ВУАК в Киеве и все другие провинциальные издания археологического, антропологического и этнографического характера были ликвидированы навсегда. Вместо них ГАИМК начал выпускать в качестве руководящего издания в 1930—31 гг. СГАИМК, затем в 1932—33 гг. ежемесячный журнал ПИМК, переименованный с 1933 г. в ПИДО. Эта перемена названия была обусловлена тем, что в ПИМК помещалось еще значительное количество статей по истории материальной культуры, близких к археологии. Это создавало впечатление того, что материальная культура развивалась самостоительно, в силу каких-то заложенных внутри этой культуры и ей свойственных сил, как бы независимо от развития самого общества. В марксистском же понимании исторического процесса развивается человеческое общество в силу своих внутренних противоречий и лишь в результате этого процесса развивается материальная культура. Следовательно примат в развитии всех сторон исторического процесса — материальной культуры, искусства, идеологии и т. д., принадлежит обществу, которое и создает все эти формы и проявления культуры. Памятники же материальной культуры (археология) изучаются не сами по себе, а лишь как источники для восстановления отдельных этапов и форм развития общества.

Издания ГАИМК в это время приобрели значение не столько публикации научных работ, сколько идеологического и методологического руководства. ПИМК, особенно же ПИДО, за эти годы производят странное впечатление изданий дискуссионного и еще не установленвшегося характера. Передовая статья — обязательно руководящего политического характера. Далее идут статьи, приводящие и комментирующие работы и высказывания классиков марксизма по истории докапиталистических обществ. Затем статьи по самым разнообразным и не связанным между собою темам по вопросам производства, социального строя и отношений, техники, классовой борьбы, материаль-

⁹⁹⁾ П. Ефименко. Дородовое общество. ГАИМК. Л., 1934.

ной культуры и идеологии, — в пределах того же огромного периода от происхождения человека до капиталистической формации, с марксистским анализом описываемых явлений и соответствующими выводами. Часто привлекались темы и из этнографии, истории и быта европейских народов, особенно же отсталых народов Австралии, Африки и Америки. Затем помещались 2-3 статьи археологического порядка, в качестве материала, и под конец — отдел критики и рецензий с ожесточенными нападками как на европейских археологов, так и на советских.

Кроме ПИМК-ПИДО, ГАИМК продолжал издавать и ИГАИМК, получившие совсем иное, новое оформление и задачи. С 1930 г. ИГАИМК, вместо прежних толстых сборников научных работ, стал издаваться в форме отдельных выпусков (до 1933 г.), сохранявших порядковую нумерацию томов, а затем издававшихся под собственной порядковой нумерацией. Каждый выпуск содержал какую-либо одну статью, но были выпуски и характера сборника из нескольких статей, обязательно посвященных одному вопросу. До 1935 г. было выпущено около 150 изданий ИГАИМК. Тематика статей в ИГАИМК была та же, что и в ПИДО, и на этих выпусках также можно проследить постепенное вытеснение археологической и материальной тематики, социологической и методологической. С конца 1932 г. марксистская тематика стала господствовать полностью. Эта тематика характеризовалась такими вопросами, как «О развитии взглядов Маркса на первобытное общество»¹⁰⁰), «Маркс-Энгельс и проблемы истории доклассового общества»¹⁰¹), «Маркс и проблемы древнейшего периода доклассового общества»¹⁰²), «Маркс и проблемы языка»¹⁰³), «Вопросы языкознания в «Немецкой идеологии» Маркса»¹⁰⁴), «Учение Маркса о первоначальном накоплении»¹⁰⁵), «Значение «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса» в изучении античного общества»¹⁰⁶), «Теория Энгельса о происхождении человека и морфологические особенности костных остатков синантропа»¹⁰⁷), «Энгельс и вопросы развития социальной организации австралийских племен»¹⁰⁸), «Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей всплеснуло»¹⁰⁹) и т. д., «О периодизации истории доклассового общества»¹¹⁰), «К вопросу об использовании Лениным опыта борьбы с фео-

100) А. Шмидт и В. Равдоникас. ИГАИМК, т. IX, вып. 5—6, 1932. А. Шмидт. О взглядах Маркса-Энгельса на первобытное общество.

101) В. Равдоникас. Маркс-Энгельс и основные проблемы истории доклассового общества. ИГАИМК, вып. 81, л., 1934.

102) П. Ефименко. ИГАИМК, вып. 81, л., 1934.

103) Н. Марр. ИГАИМК, вып. 82, л., 1934.

104) С. Кацнельсон. ИГАИМК, вып. 82, л., 1934.

105) П. Щеголев. ИГАИМК, вып. 84, л., 1934.

106) С. Ковалев. ПИДО, № 7—8, 1935.

107) ПИДО, № 7—8, 1935.

108) ПИДО № 7—8, 1935.

109) А. Брюсов. ПИДО № 9—10, 1935.

110) В. Равдоникас. ПИДО № 7—8, 1934.

дализмом в Западной Европе»¹¹¹), «Ленин и проблема самодержавия в России»¹¹²), «К вопросу о диалектике развития доклассового общества»¹¹³), «Источники изучения восстаний в древнем мире»¹¹⁴), «К 400-летию Мюнстерской коммуны»¹¹⁵) и т. д.

Руководящие вводные статьи в ПИДО помещались на такие темы, как «17-й съезд партии»¹¹⁶), «17-й съезд партии и задачи историков докапиталистических формаций»¹¹⁷), «50-ти летие «Происхождения семьи, частной собственности и государства»¹¹⁸), «С. Киров»¹¹⁹), «Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР»¹²⁰), «Задачи историков в свете постановлений ЦК ВКП(б) и СНК от 16.5.34 г.»¹²¹), «За качество работы советских историков»¹²²) и т. д.

Были изданы ГАИМКом в форме отдельных изданий — «Маркс и Энгельс об античности»¹²³) и «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о первобытном обществе»¹²⁴). Эти сборники включали в себя все высказывания классиков марксизма-ленинизма в отношении дофеодальных формаций и сыграли большую роль в развитии марксистских представлений у советских археологов. Затем был выпущен сборник статей, посвященных Марксу¹²⁵), и один из номеров ПИДО был посвящен полностью по своему содержанию — Ф. Энгельсу¹²⁶).

Таким образом тематика археологической литературы в СССР 1930—1934 гг., в основном социологического и критического характера настолько отошла от академической литературы по археологии предыдущего периода, что при сравнении этих двух периодов между ними нельзя найти почти ничего общего.

111) С. Лотте. ПИДО № 2, 1934.

112) Н. Смирнов. ПИДО № 1, 1934. А. Пригожин. Ленин и основные проблемы докапиталистических формаций. Там же и Е. Кричевский. Ленин и проблема родового строя.

113) В. Равдоникас. ПИДО № 2, 1934.

114) С. Жебелев. ПИДО № 9—10, 1934.

115) А. Розенберг. ПИДО № 5, 1935.

116) ПИДО № 2, 1934.

117) ПИДО № 3, 1934.

118) Е. Кричевский. ПИДО № 9—10, 1934.

119) ПИДО № 11—12, 1934.

120) ПИДО № 6, 1934.

121) ПИДО № 5, 1934.

122) «Маркс и Энгельс об античности», ГАИМК, 1932.

123) «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о первобытном обществе», под редакцией и со вступительной статьей А. Пригожина. ГАИМК 1935 г. Это издание было выпущено в ящике и раздано участникам Пленума ГАИМК.

124) Сборник «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». ИГАИМК, № 90, 1934.

125) ПИДО № 11—12, 1935.

126) Работы ГАИМК на новостройках в 1932—1933 гг. ИГАИМК, т. I, вып. 109, Л., 1935.

И. Мещанинов. Археологические работы на новостройках. ПИДО № 5, 1934.

АРХЕОЛОГИ ПЕРИОДА РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕОЛОГИИ

О ведущих археологах, как полевых работниках и исследователях в этом периоде, почти не приходится говорить. Археологические раскопки велись в очень небольших размерах, в том числе и на новостройках. (Метрострой в Москве)¹²⁷⁾. Однако все внимание было сосредоточено исключительно на социалистической перестройке самой археологии, ее содержании, методологии и методике, а отчеты или описания археологических работ почти не публиковались. Научные работники, в большинстве с европейской известностью и связями, заполнившие своими трудами археологические издания предшествующих периодов, в частности эпохи нэпа, исчезли. В изданиях с 1930 г. уже нет Г. Айналова, Боровки, Бартольда, О. Вальдгауэра, А. Васильева, А. Захарова, В. Латышева, А. Лихачева, Ольденбурга, А. Орешникова, А. Спицына, Б. Тураева, Р. Фасмера, Б. Фармаковского, Ф. Шмидта, А. Миллера и многих других. Надолго замолчали В. Городцов и его ученики, исчезли и крупнейшие украинские археологи — Н. Макаренко, М. Рудинский и др. Правда, многие из приведенных ученых старой генерации умерли своею смертью, но большинство было арестовано и сослано. Археологи, правильнее, археологические писатели эпохи «революции в археологии», были почти исключительно новыми, молодыми людьми. Это были молодые археологи Гаймковской школы, с хорошей партийно-идеологической подготовкой или историки, этнографы, антропологи, филологи и ученые других специальностей, в большинстве партийцы или «беспартийные большевики», занявшиеся марксистской перестройкой археологии. Наконец, были партийцы-писатели, занимавшиеся вопросами марксистской философии.

В новых изданиях ГАИМК руководящее положение заняли: В. Равдоникас, — археолог среднего поколения, (род. в 1886 г.), человек выдающихся способностей, считавший себя в полевой археологии учеником А. Спицына, затем некоторое время занимавшийся германистикой и владевший языками. Одаренный большой памятью, блестящий диспутант и критик, В. Равдоникас всеми своими рефлексами и пониманием принадлежал новой, марксистской археологии, состоял в партии, но затем был исключен. В формировании новой, марксистской археологии, В. Равдоникас сыграл исключительную роль. Им были написаны почти все ведущие, наиболее ответственные работы методологического порядка, он же давал и уничтожающую критику старой и буржуазной археологии, формируя, таким образом, новую, советскую археологию. Несомненна его постоянная связь с вышестоящими партийными органами и то, что большинство своих программных работ этого времени он написал по заданию партии. В. Равдоникас жив и сейчас, но как полевой археолог, он имел всегда вто-

127) А. Арциховский. Археологические работы на Метрострое. ПИДО № 5, 1934.

ростепенное значение; раскопками не увлекался, не увлекал и других. Небольшие полевые работы, которые он время от времени производил, скорее проводились им для того, чтобы не потерять ценз и репутацию археолога. По существу же это был типичный археологический писатель-философ и социолог эпохи построения марксистской истории материальной культуры.

Следующее место в рядах археологов этой эпохи, хотя и значительно ниже В. Равдоникаса, занимал **Е. Кричевский**.

Е. Кричевский, молодой археолог, ученик школы А. Миллера и Гаимковской аспирантуры, был членом комсомола, но затем был исключен, как выходец из буржуазного класса. Е. Кричевский отличался выдающейся памятью. Во время борьбы за партийную науку, на заседаниях и собраниях, в сомнительных случаях обращались к Кричевскому и он на память цитировал из классиков марксизма нужные места, указывая издания, том и страницу. Его называли «марксистским талмудистом» и «начетчиком». Писал много статей и участвовал в дискуссиях по вопросам марксистского понимания археологии, хотя его работы далеко не имели такого значения, как работы Равдоникаса. Его изложение и анализ отличались некоторой туманностью и путанностью, а также многословием, однако он был близок к Равдоникасу в борьбе за создание новой науки, но как полевой работник был слабый и полевыми работами мало интересовался. Когда закончился период реконструкции археологии, Е. Кричевский начал принимать участие в полевых работах, главным образом, по Трипольской культуре и писал статьи о неолите. Особенным авторитетом в настоящей науке не пользовался.

Далее шла целая плеяда лиц разных специальностей, занимавшихся теоретическими вопросами археологии: **С. Быковский, А. Приожин, А. Удальцов, В. Алтекарь, А. Бернштам, А. Золотарев, М. Худяков, П. Борисковский, И. Мещанинов, П. Ефименко, С. Ковалев, А. Маторин, Жаков, Кагаров, Зеленин, А. Мишулин** и многие другие.

Для того периода борьбы за новую науку и, в то же время, за свою жизнь, довольно многочисленен был тип научных работников, никогда до того не печатавшихся, никому неизвестных и неизвестно откуда появившихся. Многие из них публиковали одну-две статьи марксистского характера и затем исчезали навсегда.

Если сопоставить издания ГАИМК до 1930 г. с изданиями после 1930 г., то оказывается, что в тематике этих периодов нет ничего общего и состав научных работников-писателей совершенно иной.

Совершенно ничтожному количеству ученых археологов старой формации удалось перепрыгнуть через барьер тридцатых годов, «перевооружиться» и сделаться археологами-марксистами. Н. Марр не идет в счет, так как он в то время был членом партии, считался марксистом и этот барьер обошел. Из других же археологов дореволюционного времени это сальто-мортале в марксистскую идеологию удачнее всех совершил П. Ефименко. Он хороший полевой работник

старой школы, специализировался в двадцатых годах на палеолите и затем занялся разработкой марксистского понимания вопросов додорового общества, опубликовал несколько статей в этом направлении, признанных более или менее удачными, что и сохранило ему жизнь и положение до настоящего времени (род. в 1881 г.).¹²⁸⁾

Перебрались в новую «историю докапиталистических формаций» С. Жебелев и Б. Богаевский. Однако оба они взяли барьер с большими трудностями, под непрерывными ударами и преследованием со стороны партийно-идеологических органов. Объехал барьер с большими препятствиями, уцепившись за Марра, филолог и халдовед эпохи иэпа И. Мещанинов (род. в 1883 г.). Он притворился первым учеником и беззаветным последователем и сторонником яфетической теории Марра, выступая в качестве пропагандиста и популяризатора этой теории. Он сделался первым учеником, сотрудником и помощником Марра и, благодаря последнему, неожиданно для всех, попал в Академию Наук СССР, совершенно не имея для этого достаточных оснований. По этому поводу в ГАИМКе и во всех археологических и научных кругах говорили, что Марр ввел Мещанинова в Академию, как римский император Калигула своего коня в Сенат.

В условиях ожесточенной борьбы за жизнь и положение, путем попыток перехода на новые марксистские рельсы, взаимной злобной критики, переходящей в политические доносы, усиленного старания доказать свою марксистскую правоверность и преданность партии и советскому правительству, всеобщая борьба всех против всех вместе с стремлением подделяться к новым политическим требованиям, принимала комический, а иногда и унизительный характер. Такими были некоторые попытки В. Городцова, А. Башкирова и др.¹²⁹⁾.

Однако среди старых археологов с немарксистскими взглядами оказались и такие, которые сохранили свое личное достоинство и академическую свободу. Они отказались подделяться к новым требованиям и, конечно, все погибли.

Когда в 1935 г. в Ленинград приехал А. Талльгрен и узнал о произведенном среди археологов разгроме, он ужаснулся, хотя получил сведения лишь о нескольких, пострадавших своих знакомых ученых, так как общие сведения обо всех репрессированных, конечно, не публиковались и до сих пор не собраны даже здесь, в эмиграции. По возвращении в Финляндию он опубликовал открытое письмо с протестом против преследования советских ученых и затем, в

128) П. Ефименко. Значение женщины в Ориньякскую эпоху. ИГАИМК, XI, л. 1933. Также работы, указанные в прим. 99 и 102. Эти опыты П. Ефименко в марксистском анализе археологических вопросов давали ему возможность публиковать археологические материалы без их социологического освещения, как например, «Итоги работ в Костенках в 1933 г.» ПИДО № 4, 1934, «Жилище эпохи бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях с. Костенки». ПИДО № 5, 1934 и др.

129) В. Городцов. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки. СА, № 3. л., 1936.

статье о советской археологии, привел имена погибших своих знакомых археологов и стихи из Горация о доблестных мужах, исполняющих свой долг, не страшась грозных взглядов тиранов:

Justum et tenacem propositi virum
Non civium ardor prava iubencium
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solidam...¹³⁰⁾

Конечно, после этого долголетняя дружба А. Талльгрена с русской археологией и археологами была окончена. А. Талльgren был исключен из почетных членов ГАИМК, и въезд в СССР ему был запрещен. В дальнейшем А. Талльгрен уже ни разу более не был в СССР до самой своей смерти (1945).

СВЯЗИ С ЗАГРАНИЦЕЙ.

С 1930 г. были прекращены и все формы связи с заграницей — поездки туда, приезды иностранных археологов, переписка и публикации статей в иностранных журналах. Археологам, которых арестовывали, если они публиковали ранее свои статьи заграницей, это становилось вину, как связь с врагами СССР, хотя публикации заграницей в свое время не запрещались. Особую роль и значение с этого времени приобрело ВОКС. Основанное еще в 1925 г. для культурной связи с заграницей советских научных организаций, учреждений и научных работников и обмена между ними научными изданиями, ВОКС с 1930 г. превратилось в отдел НКВД, взявшись эту связь в свои руки полностью и наблюдало за тем, чтобы не возникали какие-либо связи помимо ВОКС. ВОКС имело список ученых в Европе, которые считались относительно благонадежными в отношении СССР. В этот список входили: Фильд (США), Ф. Ганчар (Вена), Абсолон и Скутиль (Прага), В. Антонович (Варшава). Если кто-либо из советских ученых хотел послать оттиски своей статьи заграничным ученым, то он должен был послать их в ВОКС, а последнее уже рассыпало их по своему списку. Равным образом оттиски статей европейских ученых поступали в ВОКС и последним рассыпались советским ученым. Таким образом непосредственная связь между учеными не только в форме писем, но и в форме обмена статьями, была прекращена. Прекращены были также поездки советских ученых заграницу, так как большинство командированных предпочитали остаться там и в СССР не возвращались.

Равным образом и заграничная археологическая литература почти полностью перестала поступать в СССР. Литература выписывалась вообще с большим трудом, по лицензиям, на золотую валюту. В результате в провинции европейская археологическая литература отсутство-

130) A. Tallgren. Archeological Studies in Soviet Russia. ESA, X, 1936.

вала полностью и кое-что можно было встретить лишь в библиотеке ГАИМК.

Некоторыми из результатов сооружения китайской стены вокруг СССР явилось прекращение связи советской науки с европейской, прекращение публикации советских научных работ заграницей и прекращение выхода ESA, — одного из лучших журналов, посвященных археологии России, издававшегося А. Талльгреном на трех европейских языках в Гельсинки. В журнале этом, из поступивших ранее в редакцию статей советских археологов, в 1931 и 1932 гг. было помещено еще 40% по отношению к общему числу работ. В 1933 г. этот процент понизился до 17, в 1934 — до 4-х и затем статьи советских археологов исчезли совсем. В последующие годы половину статей в журнале писал сам издатель-редактор А. Талльгрен по своим старым запискам. Наконец, в 1938 г. вышел последний № ESA с прощальной статьей от редакции, и журнал прекратил свое существование.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ.

В то же время была произведена коренная реорганизация археологических центров и соотношения между ними. ГАИМК был признан наиболее передовой и авторитетной археологической организацией. В результате он был расширен и получил более четкую структуру. Коллегия Наркомпроса РСФСР в заседании от 7.1.1934 г. отметила большую положительную работу ГАИМК и постановила реорганизовать Академию по системе научно-исследовательских институтов, в соответствии с социально-экономическими формациями:

- 1) Институт истории доклассового общества.
- 2) Институт истории рабовладельческого общества.
- 3) Институт истории феодального общества.
- 4) Институт исторической технологии трех научно-организационных секторов.

Секторы:

- 1) Полевых исследований.
- 2) Музееоведения.
- 3) Подготовки научных кадров.

В каждом Институте учреждались кафедры по отдельным социально-экономическим периодам.¹³¹⁾

После смерти Н. Марра в 1934 г. директором ГАИМКа был назначен С. Быковский — историк из Казанского университета, а его заместителем — Кипарисов (коммунист).

В порядке организации единого руководящего археологического центра была ликвидирована полностью Археологическая секция РАНИОН в Москве, одновременно с самим РАНИОНом. Вместо нее

¹³¹⁾ ПИДО № 1, 1934.

был организован МОГАИМК (Московское отделение ГАИМК), директором которого был назначен историк А. Уdal'цов — коммунист. В 1933 г. был полностью ликвидирован также ВУАК в Киеве и вместо него создан СИМК (Сектор истории материальной культуры Академии наук Украины). Все работники ВУАКа были ликвидированы или отстранены, поэтому СИМК был полуфактивным учреждением, существовал лишь временно, затем и он был ликвидирован.

В провинции нигде и никакие археологические учреждения или общества, вместо уничтоженных, созданы не были. Таким образом, в результате реорганизационного периода 1930—34 гг., ГАИМК занял высшее и руководящее положение в централизованной системе археологии в СССР.

РАЗГРОМ АРХЕОЛОГОВ.

В ту же эпоху «великого перелома» и «революции в археологии», одновременно с яростной борьбой на идеологическом фронте против всех и всяких проявлений старых научных представлений и за создание новой, «марксистской истории материальной культуры», проявившейся во взаимной критике, обвинениях и доносах, одновременно с разгромом старой археологии, происходил разгром самих археологов, непрерывное физическое уничтожение всех носителей немарксистских идей. Ликвидировались не только явные немарксисты, но и подозреваемые в недостаточном марксизме. Кому не удавалось или кто не хотел выслуживаться перед партийным руководством и советским общественным мнением и доказать свою верность и преданность марксистским установкам в науке, тех арестовывали и ссылали, в очень редких случаях просто снимали с работы, заставляя переходить на другую специальность или оставаться безработным. Тем или иным способом нежелательного работника заставляли замолчать навеки. Об арестах не только не писали, но избегали упоминать и в разговорах. Имена репрессированных вычеркивались из науки, литературы и жизни. Их имени нельзя было упоминать в печати и на их работы нельзя было ссылаться.

При таком положении сейчас очень трудно восстановить имена всех репрессированных и их общее количество, хотя бы среди одних археологов, которых было вообще говоря не много, и которые по научным работам почти все знали друг друга. Однако надо думать, что число всех репрессированных в эти годы достигло не менее 85% научных работников, по крайней мере в археологии.

В первую очередь разгрому подверглись группы старых, беспартийных археологов и старой, дореволюционной генерации. Наконец, не мало было ликвидировано и работников молодой генерации, главным образом, воспитанников Ленинградского АРХО и ГАИМКа, в большинство комсомольцев и кандидатов партии. В то же время не мало было сослано и партийных руководителей археологических уч-

реждений и, особенно, музеев. Большинство сосланных археологов, вскоре погибло в ссылке. Некоторые покончили самоубийством. Лишь немногим удалось начать работу по специальности, по отбытии своих сроков в концлагерях, в местах ссылки.

Наибольшее количество археологов находилось в Ленинграде; здесь был руководящий центр; здесь происходила наиболее резко выраженная идеологическая борьба; здесь же было произведено наибольшее количество арестов.

За время с 1930 по 1934 гг. в Ленинграде были реэспрессированы:

С. Быковский — директор ГАИМКа после смерти Н. Марра, в прошлом профессор Казанского университета, историк, член партии. Сослан.

Кипарисов — директор ГАИМКа после С. Быковского, член партии. Сослан.

А. Миллер — действительный член ГАИМКа проф. Ленинградского университета, зав. АРХО. Сослан в Сибирь, где был поставлен под надзор энкаведиста, который издавательствами над А. Миллером довел его в скором времени до смерти.

Ф. Шмидт — действительный член ГАИМКа, проф., специалист по византийским памятникам. Сослан в Алма-Ату, где служил почтальоном. Затем снят с работы, как бывший осужденный по политической статье. Умер от голода.

Проф. С. Теплоухов — действительный член ГАИМК, специалист по археологии Приуралья. Во время обыска на квартире и ареста, вышел в соседнюю комнату и покончил жизнь самоубийством.

Проф. Г. Боровка — специалист по скифским древностям. Сослан.

Проф. С. Руденко — крупнейший русский этнограф и археолог. Сослан.

В. Фармаковский — археолог-художник, известный своими рисунками реставрационного характера. Отбыл ссылку и был возвращен.

Р. Фасмер — действительный член ГАИМК, крупнейший в то время нумизмат, директор Мюнц-кабинета в Эрмитаже. Сослан.

Ю. Спасский — молодой нумизмат, помощник и ученик Фасмера. Сослан.

Б. Жуков — крупнейший советский антрополог и археолог, работник Академии наук. Сослан и в ссылке вскоре умер.

Г. Бонч-Осмоловский — специалист по палеолиту Крыма. Сослан. По отбытии ссылки возвратился но, не имея права проживать в Ленинграде, жил за линией 100 км от Ленинграда, куда приезжал только нелегально.

Малицкий — специалист по церковным и византийским древностям. Сослан.

М. Худяков — воспитанник и затем Старший научный сотрудник ГАИМК, специалист по археологии Волго-Прикамья. Сослан.

М. Грязнов — воспитанник и старший сотрудник ГАИМК. Сослан. Через несколько лет начал снова работать в Сибири.

И. Лихачев — действительный член ГАИМК, специалист по сграфитике. Сослан. По отбытии ссылки возвращен, но от научной работы отошел.

К. Болтенко — воспитанник и младший научный сотрудник ГАИМК. В 1932 г. участвовал в работах ДАЭНКУ. Сослан.

Б. Латынин — воспитанник и старший научный сотрудник ГАИМК. Был выслан в Самару. Там снова начал работать по специальности, но снова арестован и сослан в Сибирь.

С. Чернышев — член Института исторической технологии при ГАИМК, консерватор и реставратор металла. Сослан.

М. Исакова — член Института исторической технологии при ГАИМК, специалист по консервации и реставрации тканей. Сослана.

Почти все перечисленные работники были членами и научными сотрудниками ГАИМК. Из них **С. Руденко**, сосланный в Сибирь, после нескольких лет пребывания в концлагерях, снова начал работать по специальности и выдвинулся своими полевыми исследовательскими работами. Судьба всех, о которых ничего не сказано — неизвестна, из них никто не вернулся и, поскольку со временем их ссылки прошло 20 лет, надо думать, что их уже нет в живых.

Кроме перечисленных сослано было еще много других научных работников, близких к археологии, главным образом директоров и служащих музеев — Русского этнографического, Эрмитажа и МАЭ.

В Москве долголетний глава Московского археологического центра, заведующий секцией археологии РАНИОН, заведующий АРХО и директор ГИМ проф. В. Городцов, был снят со всех должностей и отстранен от работы. Его крупнейшие ученики — Арциховский, Граков, Киселев и Брюсов, боясь быть скомпрометированными и спасая свою жизнь, опубликовали, наделавшее много шума, открытое письмо, в котором в крайне резкой форме критиковали и осуждали своего учителя Городцова за его немарксистские взгляды в науке, заявив, что отрекаются от него и не имеют с ним ничего общего. Благодаря этому письму и другим статьям, в которых ученики Городцова старались доказать свою приверженность марксизму и коммунизму, они уцелели и вошли в состав МОГАИМК.

Эти события и моральные удары крайне тяжело отразились на престарелом В. Городцове. Он открыто заявил, что, если после всего им перенесенного его опять пригласят на научную работу, то он никогда более в таких условиях работать не будет и предпочитает сесть на улице и чистить ботинки прохожим.

Для того, чтобы как-то компенсировать В. Городцова за отстранение его от работы и понесенные им тяжкие оскорблении и в то же время отметить его большие, исторические заслуги перед русской археологией, некоторые члены Академии наук СССР выдвинули его кандидатуру в члены Академии. Однако на предварительной проверке кандидатур, которую проводил Деборин, ему было представлено

письмо В. Городцова к одному из его учеников, в котором Городцов, под влиянием пережитого писал, перефразируя Пушкина:

«чорт надал с умом и сердцем, работать в Советском Союзе».

После этого кандидатура В. Городцова в Академики была немедленно снята. Некоторое время спустя, советское правительство наградило В. Городцова орденом красного знамени, однако ни в одной из своих прежних руководящих должностей он восстановлен не был. В дальнейшем В. Городцов еще проводит раскопки и помещает в археологических изданиях свои статьи и даже пытается некоторым вопросам придавать марксистское освещение, но его роль в советской археологии уже была окончена. Его сторонились и в литературе упоминали в порядке критики и осуждения. Умер В. Городцов в 1945 г. в глубокой старости, забытый и всеми покинутый, в полном одиночестве и, в силу происходивших в то время событий, смерть его прошла незамеченной и нигде неотмеченной.

Так сошел со сцены один из крупнейших русских археологов, игравший большую роль в развитии археологии в России на протяжении почти пятидесяти лет.

Из других Московских археологов были репрессированы:

Проф А. Захаров — археологический писатель эпохи нэпа, хорошо владевший европейскими языками, печатавший много своих статей также и в заграничных изданиях. Был сослан, несмотря на то, что последние годы своей жизни был парализован и передвигался в кресле.

К. Гриневич — археолог, публиковавший много статей по археологии Крыма и Херсонеса в эпоху нэпа. Получил известность сенсационным открытием и исследованием «подводного Херсонеса». Это свое открытие он широко рекламировал в то время и в заграничной прессе, за что был осужден в советской археологической литературе. После войны в советских изданиях снова появилось его имя, из чего можно заключить, что во время войны он был освобожден.

А. Башкиров — археолог и искусствовед, работал в Крыму и на Кавказе. Сослан.

П. Рыков — действительный член ГАИМК. Профессор Саратовского университета по кафедре археологии, коммунист, в прошлом — ученик В. Городцова. Он известен своими исследовательскими работами в Нижнем Поволжье, выпустил ряд своих учеников-археологов Поволжья. Сослан.

П. Рау — наиболее способный и выдающийся археолог Поволжья, из учеников П. Рыкова. Публиковал свои работы на русском и немецком языках. Приобрел известность своими раскопками, изучением и интерпретацией культур эпохи Римского влияния в Поволжье. В 1932 г., когда он заехал к себе домой в колонию, возвращаясь с полевых работ, он нашел весь дом и двор совершенно опустошенными. Оказалось, что в его отсутствие, его семья была раскулачена и сослана. П. Рау пошел в конюшню и там повесился.

Т. Минаева — археолог, заведующий музеем в Сталинграде, ученица П. Рыкова. Сослана в Сибирь. По отбытии ссылки ей было разрешено пребывание на Кавказе.

П. Шишкін — известный археолог-любитель и краевед Н. Поволжья. Сослан. По отбытии ссылки получил разрешение на пребывание на Кавказе. От археологической деятельности, как и Минаева, отошел.

Н. Захаров — археолог, профессор Краснодарского Педагогического Института. Сослан.

А. Лещенко — археолог, долголетний директор Краснодарского музея. Сослан.

Б. Лунин — археологический писатель, секретарь Археологического общества в Ростове н/Д и секретарь СКБК. Был заключен в НКВД, но после года заключения освобожден и вступил в компартию.

Акчокраклы — татарский археолог в Крыму. Сослан.

На Украине ликвидация археологов, искусствоведов, антропологов, этнографов и музейных работников носила особенно массовый характер, вместе с уничтожением украинской интеллигенции. Здесь эта расправа с интеллигенцией недостаточно коммунистически настроенной, усиливалась еще борьбою с «буржуазным национализмом». Уничтожение интеллигенции началось известным делом СВУ, по которому была сослана вся руководящая верхушка АНУ и около 5 000 человек по всей Украине. Закончилась эта акция в конце 1934 года одновременным расстрелом 25 украинских известных писателей, поэтов и артистов. На протяжении 4-х лет происходили непрерывные аресты, ссылки и расстрелы. Мы приводим ниже лишь часть научных работников археологов или связанных с археологией. Директоров же, заведующих музеями и научных сотрудников музеев, если они имели другую специальность, не приводим. Также не упоминаем и о тех работниках, которые отделались снятием с работы.

В Киеве, вместе с ликвидацией ВУАКа, был снят с работы и ее долголетний председатель **Новицкий**.

Н. Макаренко — один из крупнейших украинских археологов, бывший научный работник Эрмитажа, действительный член ВУАК. Во время разгрома старинных церквей в Киеве, выступил на защиту этих замечательных исторических и художественных памятников. Помимо обращений к ряду научных учреждений и научных работников, Н. Макаренко, в защиту Михайловского Златоверхого монастыря обратился с обширной телеграммой к Сталину и лично к Постышеву. В результате бесстрашный ученый и патриот был арестован и сослан. В ссылке он вскоре умер.

Проф. М. Рудинский — один из крупнейших украинских археологов. Заведующий Антропологическим кабинетом Украинской Академии наук и издатель журнала «Антропология». Сослан. В послевоенной советской археологической литературе снова появилось имя Рудинского, из чего можно заключить, что во время войны он был освобожден.

Д. Щербакивский — известный украинский археолог, был затравлен коммунистами. В результате клеветы, обвинений и преследований, покончил жизнь самоубийством.

Проф. П. Клим-енко — историк и археолог-писатель. Сослан.

Ф. Козубовский — директор Института археологии Академии наук УССР, коммунист. Во время следствия и пыток в НКВД сошел с ума. После занятия Киева немцами расстрелян ими вместе с другими душевнобольными.

Т. Тесля — молодой археолог, получил известность открытием палеолитических стоянок в порожистой части Днепра, работал в составе ДАЭНКУ. Сослан.

В. Гринченко — молодой археолог, работал в составе ДАЭНКУ известен находкой так наз. «Кичкасского клада». Сослан. По некоторым сведениям можно думать, что во время войны был освобожден.

С. Магура — молодой археолог. Сослан.

П. Коршак — молодой археолог. Сослан.

В. Бильный — этнограф, председатель Этнографической Комиссии Академии наук СССР. Сослан.

М. Маламуш — этнограф. Сослан.

М. Ткач — антрополог, сотрудник антропологического кабинета Академии наук СССР. Сослан.

А. Носов — антрополог. Сослан.

Н. Захаревич-Захаревский — нумизмат, замучен в НКВД во времена «золотой лихорадки».

В других городах Украины:

К. Чирвак — известный молодой этнограф, директор Музея Слободской Украины в Харькове. Сослан.

Т. Киранов — археолог, участник работ ДАЭНКУ, директор музея в Никополе. Под влиянием преследований со стороны коммунистов под угрозой ареста повесился.

Ф. Молчановский — археолог, директор музея в Бердичеве. Получил известность исследованиями Райковецкого городища. Сослан.

В. Бабенко — старый археолог, директор музея в Волчанске. Получил в свое время широкую известность открытием и исследованиями «Салтовской» культуры. Сослан.

Проф. Болтенко — одесский археолог. По отбытии срока ссылки, вернулся.

Мелисавлевич — нумизмат в Одессе. Сослан.

С. Барап-Бутович — черниговский археолог. Сослан.

И. Лепикаш — молодой, выдающийся геолог-четвертичник. Работая по палеолиту, в частности в ДАЭНКУ, был назначен секретарем советского комитета Международного Конгресса геологов-четвертичников. Сослан.

Кроме перечисленных выше научных работников, прямо или косвенно связанных в своих интересах с археологией, были сосланы почти все заведующие музеями, искусствоведы, инспектора по охране памятников истории и культуры, историки, архивисты и т. д.

Из всех сосланных, необычная судьба постигла одного, малоизвестного Московского этнографа-археолога Б. Куфтина. По отбытии ссылки, ему было разрешено пребывание в Закавказье. Здесь он снова начал производить раскопки и случайно натолкнулся на действительно замечательные богатые погребения древнегрузинских племенных царей эпохи поздней бронзы. За эту находку он был награжден Сталинской премией I-й степени, получил известность и авторитет¹³²⁾.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сказанному, необходимо оговориться, что изложение периода тридцатых годов, очень важного в истории археологии в СССР, имеет несколько общий характер. Более подробное изложение с привлечением большего количества фактов и материалов, как и ссылок на литературу, неизбежно вызвали бы расширение этой главы далеко за рамки, определенные для нее общим планом работы. Однако, из приведенных в главе сообщений, можно сделать некоторые выводы, определяющие эпоху тридцатых годов в развитии археологии. Эти выводы в основном, в самой краткой и сжатой формулировке, сводятся к следующему:

- 1) Ликвидация старой археологии (до 1930), как буржуазной, антимарксистской и контрреволюционной науки.
- 2) Борьба на идеологическом фронте за создание коммунистической партийной науки.
- 3) Археологическая литература эпохи характеризуется проблематической и социологической тематикой.
- 4) Археология заменяется историей материальной культуры, а затем историей докапиталистических обществ.
- 5) Физическое уничтожение всех археологов, не сумевших или не пожелавших перейти на новые, марксистские рельсы в науке.
- 6) Подчинение археологии задачам партии с идеологической и плановой централизацией в ГАИМКе.
- 7) Новая советская наука формируется путем отрицания всех прежних понятий и представлений и утверждения на их место противоположных.

Это движение доводит новую, советскую «историю докапиталистических обществ» до крайностей, противоположных направлению европейской науки.

В порядке диалектического процесса развития эти крайне положения определяют собою направление и характер синтеза для развития науки в следующем периоде.

---

132) Б. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Т. I, Тбилиси, 1941.

ЧАСТЬ IV.

ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1935—1941)

Общеполитические условия периода и вызванный ими характер археологии

1934 год является годом, завершающим период революционной реконструкции археологии в СССР. Эта революция выразилась в ликвидации идей старой, буржуазной археологии, носителей этой археологии и в формировании новой, советской археологии.

Таким образом, вместо науки с конкретным содержанием, утвердились бесплодные сколастические рассуждения на марксистские темы. Позже, примерно с 1935 г., началось движение синтеза, которое стремилось отбросить революционные крайности предыдущего периода, сделать некоторые уступки старым, буржуазно-европейским представлениям.

Общеполитические условия, определявшие задачи партии на ближайшее время, заключались в следующем:

17-й партсъезд, состоявшийся в 1934 г., был назван коммунистами «съездом победителей»¹³³⁾.

Сталин, в отчетном докладе отметил коренные преобразования, которые произошли за отчетный период (1930—1934):

«СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья... Из страны темной, неграмотной и некультурной, он стал, вернее, становится страною грамотной и культурной»...

В то же время стало совершенно ясным, что расчеты большевиков на близкую мировую революцию безнадежно провалились. К этому времени Западный мир вышел из политического и экономического кризиса начала тридцатых годов. В мире наступила эпоха, которую коммунисты называли «временной стабилизацией капитализма». Большевики были вынуждены изменить политику и перейти к укреплению внутреннего фронта.

133) Политсловарь, ГИПЛ, 1940 г. и др.

Переход к укреплению положения внутри страны выразился в крутом повороте от интернационализма к советскому патриотизму, который в своем дальнейшем развитии переходит от советского к русскому национальному патриотизму. В этих условиях в области народного образования, как и науки в целом, выдвигается требование непрерывного роста и подъема как общего образовательного уровня, так и науки. К научным работам и работникам предъявляются требования не только высокого идеологического уровня, но и глубокого знания и использования фактического научного материала. Вводятся учёные степени и защита диссертаций, отмененные с начала революции.

Окончание предыдущего и начало нового периода в археологии проявились в ряде явлений принципиального характера. Прежде всего, в 1935 г. уже были прекращены репрессии по отношению к археологам. Очевидно компартия пришла к уверенности в том, что все кадры учёных, старых и молодых, идеологически недостаточно выдержаны или непринявшими марксизма-ленинизма, уничтожены и остались лишь работники новой генерации, воспитанники советской власти. Оставлено было и ничтожное количество старых, которые сумели или старались доказать свою лояльность к советской власти. За весь период 1935—1941 гг. уже не было произведено ни одного ареста среди археологов.

В январе 1935 г. на пленум ГАИМКа в Ленинграде приехал из Москвы заведующий МОГАИМКом Уdal'цов, который сообщил сенсационную новость: название науки археологии восстанавливается полностью, как и содержание этой науки. Однако, в отличие от буржуазной, археология СССР должна носить название «советской археологии». Понятие, как и термин материальной культуры, остаются, но в своем непосредственном значении, охватывая цикл специальных вопросов и черпая для себя материал из данных археологии. Вместе с тем были восстановлены и запрещенные ранее термины и понятия — каменный век, бронзовый век, палеолит, мезолит, неолит и т. д. Причем эти термины были восстановлены не только в области вопросов развития техники, но и в археологии в целом. Восстанавливлось понятие миграции, но не как основного, решающего явления в историческом процессе, а в форме «частичных миграций». Равным образом были допущены и понятия культурных влияний и заимствований.

Новые установки, привезенные Уdal'цовым из Москвы в качестве директив партии, свою неожиданностью вызвали растерянность и испуг археологов, особенно тех, которые перед этим особенно яростно нападали на восстанавливаемые понятия. Однако советское воспитание и перевоспитание вместе с инстинктом самосохранения и борьбой за жизнь сделали научных работников настолько беспричинными и эластичными и в такой мере отучили их мыслить самостоятельно, что те же самые «трубадуры» партии через короткое время «перевооружились» и стали отстаивать то, что перед тем отвергали.

Проблематическая и социологическая тематика, господствовавшие в предыдущем периоде и определявшие собою характер и направле-

ние советской археологии, были оставлены полностью. В советской литературе социологические, скорее политические темы в изданиях 1935 г. встречаются лишь в виде исключения в работах по отдельным вопросам, в связи с тем, что вообще 1935 г. явился переходным от предыдущего периода к новому, почему в нем, хотя и редко, но еще можно встретить некоторые пережитки предыдущего периода. В дальнейшем же проблематическая тематика исчезает полностью. Отход от этой тематики был обусловлен окончанием реконструктивного периода и, вместе с тем, окончанием формирования «советской археологии». В. Равдоникас, по поручению партийных органов, опубликовал статью руководящего значения, в которой обращал внимание на то, что советские археологи развиты достаточно в политическом отношении, но не обладают необходимыми знаниями и пониманием фактического материала, иначе сказать не достаточно образованы как специалисты. Между тем, европейские ученые с буржуазной идеологией, смертельные враги советской власти и науки, обладают очень большими и углубленными знаниями в области своей науки. Поэтому для того, чтобы успешно бороться с западноевропейской наукой, необходимо высоко поднять общий научный уровень советской археологии.

В то же время были предъявлены требования к научным работникам о повышении их ученого уровня. Для аспирантов ГАИМКа, как в сущности и для всех археологов, было предъявлено требование составления и публичной защиты диссертаций на ученые степени, сначала кандидата исторических наук (старший научный сотрудник ГАИМКа), а затем доктора исторических наук (действительный член ГАИМК). ГАИМК получил право присуждения ученых степеней после проведения и защиты диссертаций в заседании Ученого Совета.

Поворот от интернационализма к советскому патриотизму обусловил так же ряд других изменений: не рекомендовались и были крайне ограничены ссылки на иностранных авторов и использование их трудов, за исключением античных и средневековых, которые были сохранены в качестве источника. Старые русские археологи и историки, которые приводились ранее лишь для оскорбительной критики и поношений¹³⁴), были восстановлены в своих правах. Даже уцелевший до последнего времени престарелый В. Городцов, который в предыдущем периоде был подвергнут жесточайшей критике и нападкам, своими же учениками и отстранен от преподавательской, директорской и научной работы, теперь был возвеличен и восстановлен в своем значении в истории русской археологии¹³⁵.

Была восстановлена и допущена к использованию и старая русская научная литература, в то время, как послереволюционная

134) М. Худяков. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Библиотека ГАИМК, № 13, Л., 1933.

135) «Старейший русский археолог Василий Алексеевич Городцов», КСИИМК, 5, 1940 г.

литература 1917—1930 гг. была почти полностью запрещена и изъята. Дискуссионная же литература 1930—1934 гг. с проблематической тематикой, как содержавшая в себе много гипотез, крайностей и ошибок и как уже сыгравшая свою роль, также была объявлена устаревшей и несоответствующей требованиям нового времени. Партийное руководство, отказавшись от огульного осуждения и отрицания дореволюционной русской археологии и восстановив некоторых старых русских археологов, в то же время заставило советскую археологию отойти от западноевропейской, как буржуазной и классово-враждебной. Однако с окончанием реконструктивного периода и переходом к производительной научной работе прекратились и нападки на европейских археологов.

ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Новое, патриотическое направление в советской науке проявляется в истории восстановлением старых русских героев-патриотов. В археологии же, в связи с требованием поднятия общего научного уровня, развивается специализация научных работников. Старый тип археологов-универсалов совершенно исчезает. Новые же археологи специализируются на отдельных периодах и их культуре. В то же время происходит разделение и по территориям изучения. Археология, в связи с теми же задачами патриотизма, получает свое основное задание: направить все усилия и труды на выяснение «генезиса восточных славян» в том смысле, чтобы доказать археологическими материалами, что исторические славяне, как и их доисторические предки, были исконными жителями и обладателями территории Европейской части СССР. Задача была трудная, чтобы не сказать невозможная, так как эта историческая концепция, продиктованная политическими требованиями, не находила себе подтверждения в данных археологии.

В связи с этим заданием выдвигаются на первое место археологи «феодалы», специализировавшиеся и ранее на восточно-славянских древностях и археологии славянских поселений и древнерусских городов. Задание восстановления генезиса восточных, т. е. русских славян, имеет в этом, и в последующем периодах, такое большое и острополитическое значение, что в области славянской археологии, кроме «феодалов» — Б. Рыбакова, Н. Воронина, П. Третьякова, А. Арциховского, М. Каргера, с отдельными эпизодическими работами по частным вопросам этого цикла выступает и ряд археологов совершенно других специальностей П. Ефименко, М. Артамонов, М. Водоводский, О. Бадер, С. Толстов, И. Ляпушкин и др. Таким образом, на выполнение основного задания партии были мобилизованы все археологические кадры. По вопросам генезиса восточных славян про-

водились в Академии Наук и ГАИМК конференции и совещания археологов и историков. По этому комплексу тем было сделано много докладов и напечатано большое количество статей и целые сборники. Чрезвычайно были расширены раскопки и исследования уже известных памятников славянской и раннерусской культуры и, особенно, поиски новых. Однако нельзя сказать, чтобы в разыскании археологических памятников древнерусских славян на территории Европейской части СССР удалось много сделать. Основные археологические материалы по этому вопросу остались почти те же, что были и до революции¹³⁶⁾.

Вторым, частным заданием партии для археологии в периоде 1935—1941 гг. было требование (при археологических разведках и раскопках), путем расспроса местных жителей и сбиения от них всяких сведений и преданий о местной металлургии, находить и устанавливать места, в которых в древности производилась добыча руды. Это задание касалось, главным образом, Кавказа, Урала, Сибири и

---

136) До этого периода в советской литературе было лишь две работы, посвященные вопросам генезиса восточных славян: А. Арциховский. Курганы Вятской. РАНИОН, М., 1930 и Б. Рыбаков. Радзімічы. Працы БАН, секция Археологии Ин-та гісторіі. Т. III, Менск, 1932.

В периоде 1935—1941 гг. работ по археологии славянской и древнерусской вышло очень большое количество. Из более интересных можно привести следующие:

П. Третьяков. 1. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СА, 4, 1937. 2. Археологические памятники восточно-славянских племен в связи с проблемой этногенезиса. КСИИМК, 2, 1939. 3. Некоторые вопросы этногенезиса Восточных славян. КСИИМК, 5, 1940.

Б. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1, 1939.

М. Артамонов. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК, 6, 1940.

А. Арциховский. В защиту летописей и курганов. СА, 4, 1937.

В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в 10—14 вв. Ученые записки Педагогического Института им. Герцена, т. II, №, 1939. (Рецензия на эту работу в ВДИ, 1.10.1940):

И. Ляпушкин. Славянско-русские поселения 9—12 вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. КСИИМК, 6, 1940.

Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, 12, 1944.

М. Каргер. 1. Рюриково городище. 2. Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг. ИИМК, I, 1941. 3. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. КСИИМК, I, 1939.

Кроме приведенных, большое количество работ отчетного и описательного характера и по отдельным вопросам в связи с усиленными раскопками и исследованиями в этом периоде остатков древнерусских городов — Новгорода, Пскова, Киева, Рязани, Москвы и др. Статьи, главным образом, Н. Воронина, А. Арциховского, М. Каргера, Н. Чернятина и др.

отчасти Донбасса и других территорий СССР. В отношении Кавказа было поставлено определенное задание отыскать места древних разработок медных руд, свинцово-серебряных и золотых приисков (Аргонавты и Золотое руно). В этом направлении на Кавказе работали Круглов, Подгаецкий, особенно же Деген-Ковалевский и Иессен. Советское правительство и партия не ограничивались в этом направлении археологическими разысками, но разрешили также частную инициативу и кустарничество, по типу сибирских золотоискателей-старателей. Было разрешено всем желающим, в одиночку или группами, артелями, разыскивать места древнерудных разработок. Все находки металлов сдавать в казну, за что уплачивались соответствующие премии. Развилась страшная для археологии практика. Группы деклассированных, неграмотных людей бросались искать золото, раскапывать курганы и могильники. Эти дикие поиски в результате ничего не дали правительству, но окончательно погубили все памятники на Кавказе эпохи развития обработки ценных металлов.

А. Иессен, узнав о том, что где-то в северной Осетии или Дагестане «старатели» нашли залежи золота и сдают в казну большие ценности, а еще больше продают на сторону, прибыл в Диорию, где оказался, действительно, один могильник, из группы еще не окончательно разграбленных знаменитых могильников 7—10 вв. с богатыми погребениями и замечательными ювелирными украшениями, широко известными в русской археологии. Старатели нашли такой могильник и бросились его грабить, и в короткое время могильник был уничтожен.

Равным образом раскапывались, грабились и уничтожались и курганы. В Ростовский Областной музей передавалась масса вещей из этих раскопок. Десятки железных коротких мечей-акинак, копий, 2 прекрасных медных греческих шлема, замечательная серебряная чаша с литыми и чеканными изображениями вакханалии вокруг и надписью по гречески на дне «Пара базилеос Пакору». Повидимому, чаша была подарена Парфянским царем Пакором II, правившим во 2 веке нашей эры, какому-то варварскому вождю, с которым эта чаша и была положена в могилу. Поступило также в Ростовский музей и несколько замечательных изделий из стекла, в том числе уникальное навершие на посох—очевидно, знак власти (скептрон).

Цинизм местных партийных руководителей, вытекавший из их подхалимства и невежества, доходил до того, что, например, заведующая Областным бюро по охране памятников в Ростове некая Долженко говорила в моем присутствии одному из руководителей старательских партий, явившемуся в Ростов по делам отыскания золота:

«Вы, пожалуйста, копайте курганы, находите вещи, золото и серебро сдавайте в казну, а горшочки нам».

Все попытки возобновить добычу металлов на местах древнерудных разработок, конечно, ничего реального не дали. Но они привели к окончательному уничтожению знаменитых могильников Дигории и многих курганов с замечательными погребениями.

АРХЕОЛОГИ ЭПОХИ, ИХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И РАБОТЫ

В результате реконструкции археологии и «чистки» археологов в предыдущем периоде, руководящая роль переходит к археологам молодой формации, ученикам Ленинградской школы (А. Миллер) и Московской (В. Городцов), в подавляющем большинстве комсомольцам и членам партии. Все они были уже проверены в своем понимании марксизма и отношения к коммунизму и достаточно декларировали в своих статьях «преданность советской власти и партии». Наряду с ними заканчивали свою работу случайно уцелевшие старые археологи, главным образом, из числа второстепенных работников в количестве не более двух-трех человек.

П. Ефименко специализировался на палеолите и продолжал свои многолетние исследования палеолитических стоянок на Верхнем Дону¹³⁷⁾.

В. Равдоникас — полевой археолог, производил раскопки в области Онежского озера¹³⁸⁾ и играл в предыдущем периоде руководящую роль в качестве социолога и создателя марксистской археологии, но в связи с новыми требованиями и установками полностью отошел от проблематической тематики.

Е. Кричевский — один из наиболее активных социологов и дискутантов предыдущего периода, оставил полностью социологическую тематику и перешел к полевым археологическим работам и соответствующим статьям. Он больше всего работал по неолиту и Трипольской культуре на Украине. Однако полевой археологией не увлекался и хорошим археологом не считался. Большинство статей носит скорее обобщающий и теоретический характер¹³⁹⁾.

А. Иессен — специализировался на эпохе бронзы на Северном

137) Общее описание работ П. Ефименко указано в прим. 99. Также: П. Ефименко. Село Костенки 1934–36 гг. Археолог. исслед. в РСФСР в 1934–36 гг. ИИМК, 1941; Значение женщины в Ориньякскую эпоху. ИГАИМК, XI, 1938 и др.

138) В. Равдоникас. 1. Наскальные изображения Белого моря. АН СССР, 1938. 2. Неолитический могильник на Онежском озере, СА, 6, 1940.

139) Е. Кричевский. Мезолит и неолит Европы. КСИИМК, 4, 1940. Основные проблемы украинского неолита. Доклад на 4-й конференции по неолиту и бронзе Украины в Киеве. I, 1941.

Кавказе, выдвинулся своими серьезными изысканиями и описаниями древней металлургии на Северном Кавказе¹⁴⁰).

Б. Деген-Ковалевский — археолог любитель, начал работать довольно поздно в экспедициях А. Миллера, специализировался на древнем металле Кавказа, относился к числу археологов средней величины. В своих работах находился в конкурирующих и враждебных отношениях с А. Иессеном¹⁴¹).

Б. Пиотровский — ученик А. Миллера, по аспирантуре — В. Струве, специализировался на археологии Закавказья, в частности царства Урарту. В дальнейшем приобрел известность раскопками Кармир-Блурда¹⁴².

П. Борисковский — единственный ученик П. Ефименко, специализировался на палеолите Украины, опубликовал несколько статей по частным вопросам, но выступал и по вопросам принципиального характера¹⁴³.

А. Круглов — молодой, еще не развернувшийся полностью археолог, работал главным образом по бронзе Северного Кавказа, публиковал статьи преимущественно конкретного содержания¹⁴⁴.

Ю. Подгаецкий — молодой, еще не вполне оформившийся археолог, специализировался по культуре бронзы, публиковал статьи главным образом отчетного характера¹⁴⁵.

С. Замятин — выдвинулся из работников провинциального музея, специализировался по палеолиту, приобрел известность исследованиями палеолитических стоянок у с. Гагарино, и, особенно, открытием первых найденных в СССР остатков культуры нижнего палеолита (Ашель), в окрестностях Сухуми¹⁴⁶.

Г. Бонч-Осмоловский — крупнейший специалист по палеолиту Крыма, в реконструктивном периоде он был сослан и провел несколько лет в ссылке, но был возвращен. Г. Бонч-Осмоловский приобрел

140) А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, 1935. Олово Кавказа. ИГАИМК, 110, 1935.

141) Б. Деген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья. ИГАИМК, 120, 1935.

142) Б. Пиотровский. Урарту. Л., 1939. История и культура Урарту. Ереван, 1944.

143) П. Борисковский. Палеолитическая стоянка Пушкари I. КСИИМК, 2, 1939.

144) А. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, 5, 1940.

145) Ю. Подгаецкий. Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону. КСИИМК, 2, 1939.

146) С. Замятин. Раскопки у Гагарина. Палеолит СССР. ИГАИМК, 118, 1935. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатур. СА, 3, 1937. Первая находка палеолита в долине Сейма. КСИИМК, 8, 1940.

известность первой находкой в СССР остатков неандертальского человека в Крыму (кисть и стопа)¹⁴⁷⁾.

С. Бибиков — археолог второстепенного значения, работал в Крыму и на Южном Урале, главным образом по палеолиту, несколько лет был секретарем ИИМК¹⁴⁸⁾.

Н. Прокошев — молодой археолог второстепенного значения, работал в Приуралье, специализировался на неолите и бронзе¹⁴⁹⁾.

И. Ляпушкин — молодой археолог, ученик Н. Артамонова, продолжал начатые последним исследования средневековых городищ на Среднем Дону¹⁵⁰⁾.

В. Гольмстен — старый археолог, в далеком прошлом — ученица В. Городцова, участвовала в полевых работах последний раз в 1936 г., а затем публиковала обзры археологических работ по СССР, специализировалась главным образом по вопросам культуры эпохи бронзы. Умерла в 1939 г.¹⁵¹⁾.

Н. Репников — старый археолог, копавший с 1902 г. готские памятники в Крыму, закончил полевые раскопки 1936 г. и вскоре умер, заведывая последние годы жизни архивом ИИМК¹⁵²⁾.

Л. Мацулович — археологический писатель, специалист по варварским древностям византийской эпохи. Во времена чисток был отстранен от работы в Эрмитаже, но затем, в восстановительном периоде, был снова привлечен к работе. По этому поводу в ленинградских археологических кругах говорили, что Л. Мацулович был выброшен из Эрмитажа через парадный ход, а затем потихоньку выпущен обратно через черный ход. Выброшен был как археолог с буржуазной идеологией, а восстановлен как незаменимый специалист¹⁵³⁾.

М. Каргер — специалист по археологии феодального времени, глав-

147) Г. Бонч-Осмоловский. Палеолит Крыма. М., 1939. Кость ископаемого человека из грота Кийик-Оби и ее значение в проблеме этногенезиса. КСИИМК, 2, 1939.

148) С. Бибиков. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Южный Урал). КСИИМК, 3, 1940.

149) Н. Прокошев. 1. Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. КСИИМК, 2, 1939. 2. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, 1, 1940.

150) И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цимлянского городища. КСИИМК, 2, 1939.

151) В. Гольмстен. Обзор археологических работ в 1937 г. ВДИ, 3/4, 1938. О происхождении скорченных костей в погребениях родового общества. ПИДО 5—6, 1935.

152) Н. Репников. Городище Эски-Кермен 1936 г. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. ИИМК, 1941.

153) Л. Мацулович. Писал не много. Наиболее ценные его работы: Серебряная ваза из Керчи и Погребение варварского князя в Восточной Европе в отдельных изданиях ГАИМК.

ным образом по памятникам каменного зодчества. Много работал в Киеве¹⁵⁴⁾.

Н. Воронин — специалист по русским памятникам эпохи раннего феодализма¹⁵⁵⁾.

П. Третьяков — специалист по древнерусской и славянской культуре¹⁵⁶⁾.

Из археологов, работавших по Сибири, главным образом, по палеолиту, был более известен **Г. Сосновский**, работавший по этим памятникам с начала двадцатых годов¹⁵⁷⁾.

В качестве исследователя Сибирского палеолита выдвинулся также местный археолог (Томск) **Н. Ауэрбах**, умерший в 1935 г.

М. Герасимов — прославившийся несколько лет тому назад открытием палеолитической стоянки на Мальте (недалеко от Томска) с замечательными женскими фигурками и украшениями из кости, после переезда в Ленинград, отошел от полевых работ и специализировался в качестве археологического скульптора¹⁵⁸⁾.

Курганы ранних кочевников на Алтае продолжали раскапывать находившиеся в ссылке **С. Руденко** и **М. Грязнов**.

На археологии и ранней истории Туркестана окончательно специализировался **С. Толстов**¹⁵⁹⁾.

А. Окладников — молодой, энергичный археолог, специалист по каменному веку, работал на Алтае и в Сибири и выдвинулся сенсационной находкой первого на территории СССР погребения неандертальца. Череп неандертальца был реставрирован и тип реконструирован М. Герасимовым¹⁶⁰⁾.

А. Бернштам — один из наиболее активных социологических писателей предыдущего периода, перешел на археологию Средней Азии, опубликовал и продолжает публиковать много статей¹⁶¹⁾.

154) М. Кафгер. Работы, указанные в прим. 4. Также: Раскопки древнего Киева. Наука и Жизнь, 2, 1940. Тайник под развалинами Десятинной церкви. КИИМК, 10, 1941.

155) Н. Воронин. Работы, указанные в прим. 4, также: Основные проблемы истории культуры древней Руси. КСИИМК, 7, 1940. К вопросу о взаимоотношениях Галицко-Волынской и Владимиро-Сузdalской архитектуры 12—13 вв. КСИИМК, 3, 1940.

156) П. Третьяков. Работы, указанные в прим. 4.

157) Г. Сосновский. Поселение на Афонтовой горе и другие статьи в сочинении Палеолит СССР, глими, 1936. Там же в КСИИМК, 6, 1940 и др.

158) М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в Мальте. Палеолит СССР, ГАИМК, 1935.

159) С. Толстов. Хорезмская экспедиция 1939 г. КСИИМК, 6, 1940. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, I, 1941 и др.

160) А. Окладников. О находке в пещере Тешик-Таш. ВДИ, 1939 г. Там же в КСИИМК, 2, 5, 1940 и др.

161) А. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. М. 1940. Археологические работы в Семиречье в 1939 г. КСИИМК, 4, 1940, и много др.

Во главе Института античной археологии, изучавшего материальную культуру и историю древнегреческих колоний Северного Причерноморья, продолжал стоять престарелый С. Жебелев¹⁶²⁾.

В. Гайдукевич — один из крупнейших археологов-античников. Исследовал главным образом вновь открытые остатки греческих колоний в районе Керчи, опубликовал много статей, продолжает публиковать и сейчас¹⁶³⁾.

Т. Книпович — специалист по античной керамике, работала в экспедициях А. Миллера, затем в Ольвии¹⁶⁴⁾.

С. Капошина — малоквалифицированный археолог, попала на работу в ГАИМК как жена Е. Кричевского, работала с античниками в Ольвии.

В Московском археологическом центре, **В. Городцов** в периоде 1935–41 гг. уже отошел от археологической работы и ведущее положение заняли, главным образом, его бывшие ученики. Последние его полевые работы были связаны с Тимоновской палеолитической стоянкой¹⁶⁵⁾.

А. Арциховский — продолжал работы по раскопкам древнерусских городов и изучению древнерусской культуры, главным образом Новгорода и Москвы¹⁶⁶⁾.

А. Брюсов — продолжал исследования неолитических стоянок, главным образом в Карелии и по берегам Белого моря¹⁶⁷⁾.

• 162) С. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, 104, 1935. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. ВДИ, 1/2, 1938. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. Последняя работа как восстание рабов и проявление классовой борьбы в древнем периоде истории СССР, получила высокую оценку со стороны руководящих кругов партии, перерабатывалась автором и издавалась три раза.

163) В. Гайдукович. Описания раскопок и их результатов на местах древнегреческих колоний Боспора-Тиритаки и Мирмекия, с 1932 по 1939 гг. ВДИ, I, 1937; ВДИ 3/4, 1940; КСИИМК, 4, 1940. По отдельным вопросам статьи в ИГАИМК, 104; СА, 6, 1940; МИА, 4 и др.

164) Т. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам СКЭГАИМК, 1928 г.; ИГАИМК, 104, 1935. Археический некрополь на территории Ольвии. КСИИМК, 6, 1940.

165) В. Городцов. Последние работы в своей жизни вели по исследованию Тимоновской палеолитической стоянки в 1935—36 гг. Основной задаче он считал восстановление палеолитического жилища в виде овальной ямы, накрытой стволами деревьев, которое он теоретически детально реконструировал. Однако в советской археологии его реконструкция принята не была.

166) А. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. СА, 3, 1937 и много др. статей.

167) А. Брюсов. Отчет о раскопках 1938—39 гг. Труды ГИМ, вып. XII, М. 1941 и др.

Б. Граков — работал в этом периоде на Нижнем Днепре в связи с Никопольским строительством. По специальности — античник¹⁶⁸⁾.

С. Киселев — продолжал многолетние раскопки в Минусинском крае и на Алтае¹⁶⁹⁾.

Кривцова-Гракова работала по культуре эпохи бронзы.

М. Воеводский — выдающийся археолог, ученик Б. Жукова, специалист по палеолиту. Опубликовал большое количество работ¹⁷⁰⁾.

О. Бадер — ученик Б. Жукова, специалист по каменному веку, опубликовал большое количество статей среднего значения, приобрел известность открытием изображения животных на потолках гротов Каменной могилы вблизи Мелитополя. Его интерпретация этих изображений встретила серьезную критику, особенно со стороны Землякова¹⁷¹⁾.

Т. Пассек — ученица Ленинградской археологической школы А. Миллера, переехала в Москву и специализировалась на Трипольской культуре, и получила известность своими исследованиями¹⁷²⁾.

Б. Рыбаков — выдающийся археолог по культуре Восточных славян и Киевской Руси¹⁷³⁾.

Крупнов работал главным образом в Крыму и на Кавказе по памятникам эпохи бронзы.

Б. Земляков — геолог-четвертичник, производил раскопки и исследования, главным образом, памятников палеолита¹⁷⁴⁾.

---

168) Б. Граков. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, I, 1939. Погребальные сооружения палеометаллической эпохи в районе Никополя. Доклад на конференции в Институте Археологии АН УССР в Киеве, 1941 и др.

169) С. Киселев. Результаты работ Саяно-Алтайской археологической экспедиции. ВДИ, I, 1937 и ВДИ, I (6) 1939. Карасукские могилы по раскопкам 1939, 1931, 1932 гг. СА, 3, 1937 т. и др.

170) М. Воеводский. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. СА, 5, 1940. Также статьи в АИ ЧПЕ, 5, 1934; СА, I, 1936; ВДИ, 2 (3) 1938; СА, 3, 1937; ВДИ, 1 (6) 1939; КСИИМК, 4, 1940 и др. (Summary Report of Khvanism Expedition. In-t for Iran Art and Archeology. V, N 3, 1938.)

171) О. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. Сборник «Палеолит и неолит СССР» ИИМК, 1937. Две экспедиции по изучению палеолита в Северном Причерноморье. АЖ, 2, 1936; АЖ, 4, 1936; АШ I, 1937. Также статьи на различные темы в АИЧПЕ, 6, 1937; СА, 6, 1940; КСИИМК, 2; 1939; СА, 3, 1937; СМ, 5, 1937; ВДИ, 1 (6) 1939 и др.

172) Т. Пассек. Исследования Трипольской культуры в УССР. СА, 3, 1937, также, ВДИ, 4/5, 1938, ИГАИМК, 122; в сборнике: Трипольская культура, I, К, 1940 и др.

173) Б. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси 10—12 ст. СА, 6, 1940. Работа, указ. в прим. 4 и др.

174) Б. Земляков. О последелниковых колебаниях климата и их значении в археологии. ПИДО, 2, 1934. Об изображении мамонта из «мамонтова трота в Каменной могиле. КСИИМК, 2, 1939. Арктический палеолит на Севере СССР». СА, 5, 1940.

В. Блаватский — работник Музея изобразительных искусств в Москве, античник с уклоном в сторону искусствоведения, работал на Таманском полуострове и менее в Крыму¹⁷⁵).

Провинциальных археологов, живших и работавших на местах, после разгрома и чистки археологов в предыдущем периоде осталось немного. Особенно пострадало Поволжье, где не осталось ни одного местного археолога. Большинство из них работало в местных провинциальных музеях или средних школах в качестве преподавателей. Хотя они не были археологами-профессионалами со специальным образованием и подготовкой, какими являлись археологи Ленинграда и Москвы, археологические работы вели эпизодически, не имея для этого никаких ассигнований, однако выдвинулись своими работами и сыграли известную роль в развитии археологии в СССР.

Такими провинциальными археологами были: в Узбекистане **М. Массон**, на Кубани — **М. Покровский** и **Н. Анфимов**¹⁷⁶). В Закавказье — **Я. Гуммель**¹⁷⁷). В Керчи продолжал раскопки (начатые еще с 1920-х гг.) директор Керченского музея **Ю. Марти**¹⁷⁸), в Крыму продолжал работать главным образом по памятникам Средневековья, директор Симферопольского музея **Н. Эрнст**, остатки Херсонеса продолжал исследовать директор Херсонесского музея **Г. Белов** и научный сотрудник этого музея **А. Тахтай**¹⁷⁹). В Крым приезжал для раскопок также профессор Харьковского Педагогического Института **С. Семенов-Зусер**, вышедший из Ленинградской школы археологов.

В Ростове н/Д. работал **М. Миллер**, исследовавший со студентами-историками остатки сарматских поселений и другие культуры в Низовьях Дона¹⁸⁰.

На Украине, где чистка археологов, в связи с дополнительным обвинением в «буржуазном национализме», носила особенно ожесточенный характер, были ликвидированы все более крупные археологи.

В Киеве уцелели только **П. Куриный**, работавший директором «Музейного городка», помещавшегося в Киево-Печерской Лавре, **Е. Лагодовская** (коммунистка) и **Н. Кордыш**. В Херсоне — **И. Фабри-**

175) В. Блаватский. Описание раскопок в Фанагории в 1936—39 гг. ВДИ, 3/4, 1940 и раскопок в 1940 г. в ВДИ, I (14), 1941.

176) М. Покровский и Н. Анфимов. Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья. СА, 4, 1937 и др. Ими же открыты и частично обследованы остатки поселений с готской культурой на Средней Кубани и остатки славянских селищ на Нижней Кубани.

177) Я. Гуммель. Статьи в АЗФАН №№ 4 и 5, 1939, 2 и 6, 1941; СА, I, 1936; СА, 6, 1940, и др. Во всех статьях описываются находки и раскопки местных культур.

178) Ю. Марти. Статьи в ВДИ, 2, 1939; ВДИ, I, 1941 и др. Все статьи с описаниями Керченских памятников и находок.

179) А. Тахтай. Статьи в ПИДО 5—6, 1935, КСИИМК, 4 и 5, 1940.

180) М. Миллер. Танис. Р. н/Д., 1940: ряд статей в местных археологических изданиях 1935—41 гг. о памятниках, находках и раскопках остатков греко-сарматской культуры в Низовьях Дона. О стоянках и культуре эпохи энеолита и бронзы на Днепре в ПИДО № 3—9, 1935.

циус, работавшая в музее, и в Одессе — А. Добровольский. В Харькове находился И. Левицкий, бывший коммунист, исключенный из партии, специалист по палеолиту, работавший также в музее, почти прекративший полевые работы. В Киеве с 1938 г. находился Л. Славин, переехавший из Ленинграда, ученик Ленинградской школы. С 1939 г. после захвата большевиками Галиции и присоединения ее к Украине, к украинским археологам присоединились львовские украинцы — проф. Я. Пастернак, ученик Л. Нидерле¹⁸¹) и доцент М. Смишко.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРЕДВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

В 1935 г. археологическая периодика соответственно новым требованиям резко изменилась по своему содержанию. В этом переходном году еще продолжали выходить ПИДО и ИГАИМК, но уже с иным содержанием. Но с 1936 г. ПИДО прекратились навсегда и вместо них, в качестве основного, ведущего археологического журнала, начала выходить «Советская Археология». В этой перемене названий отразилась и смена направлений с «проблематики» на «археологию». В начале «Советская Археология» (СА) выходила еще недостаточно регулярно и до 1941 г. включительно вышло всего 7 томов. Редактором издания был Б. Греков (историк), заместителем редактора — В. Равдоникас, ответственным секретарем С. Замятин, членами редколлегии — М. Артамонов, А. Аричковский, С. Киселев и А. Якубовский. Проблематическая и социологическая тематика в журнале полностью отсутствовала. Очень редко встречались передовые статьи, отражающие какие-либо крупнейшие политические события. В общем весь материал носил чисто научный характер с большим количеством статей даже отчетного и описательного характера. Конечно, археологические понятия и явления рассматривались и трактовались с марксистских позиций и на основе схемы социально-экономических формаций, однако преобладали работы академического характера, в которых нет и следа назойливой советской пропаганды предыдущего периода и восхваления партии. СА издавалась на хорошей бумаге, с большим количеством удовлетворительных иллюстраций и приближалась не только своим научным уровнем, но и внешностью, к хорошим европейским изданиям. СА в форме квартальника (4 раза в год) продолжает выходить и сейчас, являясь основным, руководящим археологическим журналом СССР.

С 1939 г., кроме СА, стали выходить «Краткие сообщения и известия о докладах и полевых исследованиях Института Истории Материальной Культуры» (КСИИМК). Это издание выходило нерегулярно, по

¹⁸¹) Выдающаяся работа Я. Пастернака. Старый Галич. Львов, 1934, дает исторический обзор всех раскопок, находок и других известий о Галиче и описание многолетних раскопок памятников Галича — автором.

несколько выпусков в год. До 1941 г. вышло 12 №№. Издание выходит на бумаге значительно худшей, чем СА, печатается мелким шрифтом с иллюстрациями. По содержанию КСИИМК дают краткие отчеты о последних археологических работах и открытиях, сообщения о собраниях и докладах в ИИМК, пленумах, конференциях и т. д., статьи по отдельным вопросам. Ответственным редактором журнала является А. Удальцов (историк), заместителем редактора — Т. Пассек, членами редколлегии: С. Бибиков, С. Киселев, А. Монгайт, С. Тараканова. Если сравнить состав редакции СА и КСИИМК, то в СА из 7 человек — 5 ленинградских ученых, в КСИИМК же из 6 членов — 5 московских. Таким образом, СА руководится ленинградской группой археологов, а КСИИМК, как полуофициоз — московской. Главное значение КСИИМК в том, что они дают сообщения об археологической работе, полевой и научной в СССР, о постановлениях партии и правительства, касающихся археологии, о съездах, собраниях, дискуссиях, постановлениях, почему по ним можно следить за развитием археологии в СССР.

С 1940 г. начали выходить «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА) и в первом же году издания вышло 4 выпуска. Как КСИИМК напоминают дореволюционные Известия Императорской археологической комиссии, так МИА представляют собой прямое восстановление в новых условиях материалов по археологии России (МАР). МИА по своим задачам и содержанию представляют собой отдельные выпуски, посвященные определенным темам или территориям каждый. Издается, как и МАР, в большом формате *in quarto*, с большим количеством иллюстраций, карт и планов. Но качество бумаги, печати и иллюстраций намного хуже дореволюционных изданий и не могут идти ни в какое сравнение с роскошными изданиями МАР, МАК и ТАС. Каждый выпуск МИА содержит обычно описание не только работ и сообщений, имеющихся по данной теме, но и научный анализ этих материалов, обобщения и выводы, на основе которых восстанавливается более или менее обширный период до- или ранней истории данной области. Некоторые выпуски представляют собою сборники статей разных авторов, посвященных данной теме, некоторые написаны полностью одним автором. Каждый выпуск МИА редактируется отдельным редактором, одним из крупнейших археологов по данной теме. Проблематическая и социологическая тематика в МИА полностью отсутствуют, и издание имеет чисто научный характер. МИА представляют собою большую ценность для изучения археологии, до- и ранней истории и отдельных археологических культур СССР.

Кроме приведенных выше трех основных периодических изданий, посвященных вопросам археологии, отдельные археологические статьи, часто описательного характера или по отдельным вопросам второстепенного значения, публикуются в других научных журналах, даже не специально археологических. Более всего статей ар-

хеологических или связанных с вопросами археологии печатается в журнале «Вестник Древней Истории» (ВДИ). Этот журнал начал выходить с 1937 г. в качестве квартальника, и до 1941 г. включительно вышло 14 томов. Продолжает выходить и сейчас. Журнал издается на хорошей бумаге с иллюстрациями. Помимо значительного количества статей по вопросам археологии, из которых некоторые имеют значение, весь журнал по своему направлению и содержанию настолько близок к вопросам археологии, что его можно включить в цикл археологических изданий СССР.

Встречаются статьи по археологическим вопросам, хотя и в гораздо меньшем количестве, в «Советской Этнографии» (СЭ), связанной более с вопросами материальной культуры и переживаний среди народов СССР. СЭ продолжает выходить и сейчас. Еще в меньшем количестве, но также встречаются статьи по археологии и в «Советском Музее» (СМ), который начал выходить с 1936 г., и «Антропологическом Журнале» (АЖ). Отдельные статьи и сообщения, касающиеся вопросов археологии, встречаются также в изданиях Академии наук СССР — в журналах «Доклады Академии Наук. Отделение Общественных наук», «Вестник Академии Наук» и «Известия Академии Наук» (ДАН, ВАН, ИАН). Научно-популярные статьи по археологии встречаются в журналах «Наука и жизнь», «Наука и техника», «Огонек» и др.

Однако любые формы периодических изданий не подходят для публикации больших работ типа монографий и сборников статей, посвященных определенной теме. Такого рода работы выходят отдельными изданиями или в выпусках МИА. Период 1935-41 гг. характеризуется повышением научных требований, достаточным накоплением материалов и возможностями для публикации больших работ. Эти предпосылки обусловили выход целого ряда работ, имевших значение перехода на высшую ступень в развитии археологии в СССР.

В 1934 г. вышел сборник «Из истории родового общества на территории СССР», в 1935 — «Родовое общество степей Восточной Европы», «К вопросу о развитии хозяйственных форм доклассового общества в бассейне Нижнего Дона» и сборник «Палеолит СССР».

Из материалов по истории дородового общества вышли: в 1936 г. «Справочник по палеолиту СССР», в 1937 — сборник «Палеолит и неолит СССР», в 1940 г. — сборники «Этногенезис Восточных славян», «Трипольская культура» и «Ольвия», в 1943 г. сборник «Палеолит и неолит Украины».

Кроме того были опубликованы: второе издание «Первообытное общество» (1938 г.), «Введение в археологию» (1936 г.), «История первобытного общества» и первые два тома (доклассовое общество) большой истории СССР (1939 г.).

Из перечисленных выше работ нового типа для археологии СССР, носивших характер сборников материалов с попытками анализа этих

материалов издание «Из истории родового общества на территории СССР» имело значение первого опыта сводки материалов по бронзовому веку. Следующая работа —«Родовое общество степей Восточной Европы» представляет собой не только сводку материалов по энеолиту и бронзе степного типа, но и попытку объединения этих материалов и некоторых выводов. Работа построена почти исключительно на сводке и описании материалов из раскопок В. Городцова, главным образом на Донце. Определения и выводы В. Городцова подвергаются критике, и делается попытка нового освещения этих материалов и увязки их со схемой развития социально-экономических формаций. Работа носит ученический характер и не дает ничего нового¹⁸²⁾. Работа «К вопросу о развитии хозяйственных форм доклассового общества в бассейне Нижнего Дона», если отбросить ее сложное, социологическое название, представляющее собою дань времени, дает почти исчерпывающие для того времени сведения обо всех памятниках доисторического общества на территории Низовьев Дона¹⁸³⁾. Сборник «Палеолит СССР» дает ряд статей по находкам палеолитических стоянок и их культуре, не связанных между собою¹⁸⁴⁾. «Справочник по палеолиту СССР» представляет собою перечень всех палеолитических стоянок СССР, известных в то время, с указанием времени их открытия, археолога их открывшего и некоторых других данных. Справочник составлен неудовлетворительно, со многими пропусками и ошибками, вызвавшими резкую критику. Сейчас особенного значения не имеет¹⁸⁵⁾. Сборник «Этногенезис Восточных славян» состоит из ряда статей, не связанных между собою и описывающих различные славянские памятники и их изучение. По этому вопросу гораздо большее значение имеют работы отдельных авторов с обобщениями и выводами, Третьякова, Рыбакова, Воронина, Каргера и др. Сборник «Трипольская культура» также состоит из ряда отдельных статей, главным образом описаний раскопок. Этот сборник уже давно покрыт последующими обобщающими работами, особенно Т. Пассек, и для настоящего времени может иметь лишь значение справочника по отдельным конкретным вопросам, связанным с отдельными памятниками и историей их исследования. Сборник «Ольвия» также состоит из ряда отдельных статей, и впоследствии вышли работы обобщающего характера, отодвинувшие назад значение этого издания. Сборник «Палеолит и неолит Украины» имеет значение потому, что посвящен обзору и описанию наиболее крупных палеолитических стоянок Украины, которые в прочих сборниках по палеоли-

182) А. Круглов и Ю. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ГАИМК, 1935.

183) М. Миллер. К вопросу о развитии хозяйственных форм доклассового общества в бассейне Нижнего Дона. В сборнике «Краеведение в Азово-Черноморском крае», 3, и в отдельном издании, Р. н/д. 1935.

184) Палеолит СССР. Материалы по истории родового общества. ИГАИМК, 113, 1935.

185) М. Березин. Справочник по палеолиту СССР. АН, 1936.

ту СССР лишь упоминаются. Сборник печатался во Львове. Во время войны и передвижения фронта весь тираж уже напечатанного, но не сброшюрованного издания частью погиб, частью был разобран разными лицами.

Из приведенных далее изданий иного типа — «Первобытное общество» представляет собою значительно дополненную и пересмотренную работу того же П. Ефименко, выпущенную в 1934 г. под названием «Дородовое общество». Это второе издание представляет собою обзор всех крупнейших стоянок палеолита в СССР с сообщением о них основных сведений, описанием материалов, общей характеристической и хронологической классификацией. Несмотря на то, что после выхода в свет этой работы было сделано много новых находок часто выдающегося значения, особенно памятников нижнего палеолита, работа в целом не утратила своего значения и до 1953 г. являлась единственной классической работой по вопросам палеолита СССР. В 1953 г. эта работа издана снова с некоторыми дополнениями.

Работа «Введение в археологию» представляет собою курс лекций по археологии, которые читает их автор А. Арциховский в Московском университете. Значение работы должно было бы быть очень большим, поскольку она является первым советским учебником по археологии, предназначенным для вузов. Однако этот опыт едва ли можно признать удачным. А. Арциховский трактует археологию в очень узком смысле, давая в сущности описание, характеристики и возможное определение главнейших археологических культур РСФСР. В этом отношении гораздо выше стоит «Введение в археологию», изданное в двух томах С. Жебелевым еще в 1922 г. Эти книги по целому ряду вопросов, главным образом археологии во всем мире и ее истории, могут и сейчас служить пособием для преподавателей вузов. В отношении же археологии в СССР это издание совершенно устарело и недостаточно. Введение в археологию А. Арциховского недавно было выпущено вторым изданием с переработкой и дополнениями, сделанными на основе критических указаний. Однако понимание и план изложения археологии остается тот же¹⁸⁶⁾.

История первобытного общества В. Равдоникаса также в основном представляет собою первый опыт пособия для студентов университета. История первобытного общества читалась на всех исторических факультетах, но до появления этой книги никакого специального пособия по этой теме не было. Преподаватели пользовались почти исключительно «Происхождением семьи...» Ф. Энгельса, работой устаревшей и совершенно не подходящей в качестве пособия. Самое замечательное в работе Равдоникаса то, что в своей работе, конечно, по заданию и указаниям партии, Равдоникас подвергает критике,

186) А. Арциховский. Введение в археологию. Курс лекций. М., 1936.

С. Жебелев. Введение в археологию. I ч. История археологического знания и ч. 2. Теория и практика археологического знания. П., 1923:

разбору и опровержению целый ряд высказываний и мыслей Ф. Энгельса о первобытном обществе. Критика, конечно, проводится в лояльной форме и чтобы не создалось впечатление того, что Ф. Энгельс грубо ошибался, автор все время предупреждает о том, что Ф. Энгельс в свое время использовал все новейшие данные и достижения и его работа для того времени стояла на недостижаемом уровне. Но с тех пор прошло более 50-ти лет и за это время произошло множество новых археологических открытий, которые в основном подтверждают гениальные прогнозы и концепции Ф. Энгельса, но в отдельных, частных случаях появилось много новых фактов, которые не были известны во времена Энгельса. Эта критика взглядов Энгельса представляла собою самое замечательное явление периода, характеризующее новые времена и новые партийные требования. До начала этого периода все «высказывания классиков марксизма», в том числе, конечно, и Энгельса, считались догмой, констатацией объективной истины, категорическим императивом. От этих аксиом только исходили во всех знаниях, пониманиях и толкованиях. И если бы в это недавнее время какой-либо научный работник не только в письме, но и в частном разговоре позволили себе усомниться в каком-либо из этих «высказываний», ему были бы обеспечены немедленный арест и ссылка на принудительные работы на 10 лет для социального воспитания. Теперь же с предъявлением повышенных научных требований и признанием, что высказывания Энгельса во многом были ошибочны или устарели, их абсолютное и некритическое принятие тормозило развитие науки, направляя ее в некоторых случаях на ложные пути. Критика и исправление этих высказываний были предписаны той же партией, которая перед тем выдвигала их в качестве непреложных истин, не подлежащих осуждению¹⁸⁷).

Одновременно с этим партия и правительство решили, что советская наука (археологическая и историческая) уже поднялась до нужного уровня, что настало время для того, чтобы составить и написать первую монументальную историю СССР с привлечением всех новейших научных фактов и данных и с марксистским освещением и трактовкой исторических явлений и всего исторического процесса. ИИМКу было предписано, как всегда в срочном и ударном порядке, написать первую часть этой работы — доисторический период в двух томах. К работе были привлечены все крупнейшие археологи того времени Ленинграда и Москвы — П. Ефименко, В. Равдоникас, Е. Кричевский, А. Арциховский и др. Работа составлялась по определенному плану, но главы по отдельным периодам и культурам составлялись отдельными работниками. В 1939 г. были написаны и вышли эти первые два тома, охватывающие доисторию СССР — палеолит, неолит и эпоху бронзы. В продажу они не поступили и были напечатаны как «макеты» в количестве 500 экземпляров каждого тома (издание об-

187) В. Равдоникас. История первобытного общества. ч. 1: 1939:

шлось в 500 000 рублей) и разосланы всем более крупным археологам СССР с просьбой сообщить свои замечания, указания и поправки к этой работе. Все полученные ответы носили отрицательный характер. Работа была признана неудачной. Советская археология того времени уже стояла на достаточно высоком уровне, но еще далеко не дошла в своем развитии до того, чтобы дать систематическое изложение доисторического периода в истории СССР. Советские археологи не выдержали испытания с такими высокими требованиями. Макет не был напечатан для распространения, и составление монументальной истории СССР было прекращено¹⁸⁸).

ДАЛЬНЕЙШАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И РАБОТ

В этом периоде продолжалась дальнейшая перестройка археологических учреждений и работ с целью дальнейшего объединения и централизации руководства. В 1937 г. ГАИМК был перестроен и переименован в Институт Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР. (ИИМК АН СССР). Хотя директором остался М. Артамонов, занимавший эту должность со временем ареста Кипарисова (член партии), однако новое учреждение, превратившись из Академии в Институт, полностью утратило свою прежнюю независимость и самостоятельность. ИИМК вошел в систему Научно-исследовательских институтов Академии, наряду с Институтом истории, Институтом языка и мышления, Институтом этнографии, Востоковедения и рядом других научно-исследовательских институтов, образовывавших отделение общественных наук — истории и философии. Вместе с тем Ленинградский ИИМК (ЛИИМК) был подчинен Московскому Институту (МИИМК) с сохранением автономии, но высшим руководством в Москве, в лице Президиума Академии Наук, руководившимся непосредственно указаниями ЦК партии. В то же время ЛИИМК был переведен из роскошного Мраморного Дворца на ул. Халтурина, который он занимал с 1918 г., в неудобное и тесное помещение, в котором даже не было конференцзала, и научные работники щутили, что им теперь приходится собираться и обмениваться мыслями в коридоре. Продолжительная и бурная история ГАИМКа закончилась. Начались новые времена с более ревнивым и непосредственным партийным руководством из Москвы. Однако автономия ЛИИМКа сохранилась и конкурирующие отношения с МИИМКом еще не были полностью изжиты.

Еще большие перемены произошли на Украине, в Киевском археологическом центре. Здесь после разгрома ВУАКа, в 1933 г. был ор-

188) Макет большой истории СССР. Томы I и II. Доклассовое общество. М., 1939.

танизован СИМК, директором которого был Козубовский. После ареста Козубовского, с 1936 г. директором был назначен Ячменев, коммунист, в прошлом матрос, не имевший ни малейшего отношения ни к какой науке. При нем СИМК был переименован в Институт археологии Академии Наук Украины. Однако со временем разгрома ВУАКА на Украине почти не осталось археологов, и археологические работы почти прекратились. СИМК, как и ИА, являлись формальными учреждениями без всякого содержания. Поэтому в 1938 г. в Киев был послан в качестве заместителя директора ИА по научной части Л. Славин, ученик ленинградской школы А. Миллера и член партии, в то время малоизвестный научный сотрудник ЛИИМКа. Однако благодаря тому, что Славин обладал хорошей научной подготовкой и большими организаторскими и административными способностями, быстро выдвинулся и он стал директором, вошел в состав Киевского горсовета, был избран членом-корреспондентом Академии Наук УССР и приобрел в руководящих кругах большой авторитет и влияние. Создавать археологию на Украине, по его собственным словам, ему пришлось на «голом месте». Л. Славин наскоро подобрал несколько никому неизвестных до того молодых людей и одного пожилого (В. Петров), из которых ни один не был настоящим археологом, и с исключительной энергией создал новый Институт. С 1938 г. до января 1941 г. он созвал и провел 4 больших археологических конференции, на которые съезжалось до 100 археологов, геологов-четвертичников и антропологов со всех концов СССР, главным же образом из Ленинграда и Москвы. Работники этих центров участвовали в конференциях почти в полном составе, за исключением, конечно, глав ЛИИМКа и МИИМКа — Артамонова и Уdal'цова. В конференциях такого рода давно ощущалась большая необходимость и они имели большой успех. Собственно конференции эти должен был бы организовывать ЛИИМК, но не делал этого по инертности М. Артамонова, который оправдывался отсутствием в ЛИИМКе соответствующего помещения, условий и т. д.

Кроме того, Л. Славин развернул широкую издательскую деятельность, и ИА выпустил ряд ценных изданий капитального характера и популярных по археологии Украины. Сам Л. Славин каждый год летом принимал участие в раскопках Ольвии, хотя полевыми работами особенно не увлекался, и посыпал своих сотрудников на археологические разведки в район Днепровских порогов. В то же время на Украину ежегодно приезжали экспедиции из Москвы и Ленинграда, которые вели раскопки памятников Трипольской культуры, Киева и др. Археология на Украине была снова восстановлена, но уже на русском языке и без украинских археологов.

Таким образом, снова оказалось три археологических центра — Ленинград, Москва и Киев, но уже тесно связанные между собою и по идеологической и партийной линиям — с общим руководством из

Москвы. Связь эта еще более усиливалась личными отношениями Л. Славина с работниками ЛИИМК.

В связи с развитием научной стороны археологии в периоде 1935—1941 гг. непрерывно расширяются и полевые изыскательские работы по разведению целых больших районов и исследовательские по изучению отдельных памятников. Попрежнему археологические работы производились на новостройках, и были неизбежно связаны с районами новостроек. Но в то же время все более и более расширялся сектор полевых работ тематических, проводимых в различных местах СССР по определенному плану и с определенными заданиями. Планирование и организация этих работ все более и более концентрируются в археологических центрах, связанных между собою. Местная инициатива и предприимчивость, столь широко развитые в периоде краеведческого движения и энпа, теперь почти полностью прекратились, как «кустарничество» и раздробленные одиночные выступления.

В организации экспедиций и их составе принимали участие главным образом в Ленинграде — ЛИИМК, Эрмитаж и МАЭ, в Москве — МИИМК, ГИМ и Музей изобразительных искусств. На местах экспедиции часто привлекали к участию и местных работников, обычно служащих местных музеев. Все более крупные экспедиции имеют комплексный характер и в них принимают участие геологи-четвертичники, изучающие геологические условия на местах. В дальнейшем материалы экспедиций подвергаются камеральной обработке палеоэтнографами, ихтиологами, палеоботаниками. Широкое применение в археологии получает пыльцевой анализ. Производятся анализы химические, технические и т. д. К методике полевых исследований предъявляются высокие требования¹⁸⁹⁾.

Археология в СССР к началу войны почти достигает европейского научного уровня, далеко превосходя европейские археологические работы своим размахом. Партия и правительство придают археологии и результатам археологических изысканий, сформулированным с определенным освещением, остро политическое значение и на археологические работы отпускают почти не ограниченные средства. Основным слабым местом археологических работ в СССР являлся недостаток технического оборудования полевых работ. Недостаток инструментов для съемки и замена их кустарными приспособлениями, плохие советские фотоаппараты и отсутствие фотопринадлежностей, скверные, не точные компасы и т. д.

189) А. Миллер. Археологическая разведка ГАИМК, л. 1935. А. Миллер был арестован и сослан в 1933 г., в 1935 г. умер в ссылке. С момента его ареста, как это принято и до сих пор по отношению ко всем «врагам народа», т. е. арестованным, не только были прекращены издания его трудов, но было запрещено и упоминание его имени в литературе. А. Миллер в своей работе, как глава эмпирической школы, выделяет, однако, высокие научные требования к методике археологических работ. Поэтому его труд был напечатан.

В заключение можно сказать, что партия и правительство СССР, придавая археологии такое большое политическое значение, которого она до того никогда не имела, и не жалея никаких средств на организацию и развертывание археологических работ, дали возможность подняться археологии в СССР на большую высоту и занять место в одном ряду с историей, в качестве ее полноправной части.

ЧАСТЬ V.

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ В СССР ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Общее положение: внутренние и внешнеполитические задачи

Агрессивные войны, которые начал СССР в тридцатых годах на Востоке и на Западе, перешли в большую войну с Германией в 1941—1945 гг. В результате исторического хода событий и сложившейся обстановки, СССР оказался в числе победителей во Второй мировой войне. Победа значительно укрепила положение советской власти внутри страны и способствовала распространению коммунизма во всем мире. Кроме того, СССР непосредственно захватил и присоединил к себе некоторые государства и области (Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия), в том числе и территории, которые никогда не принадлежали России (часть Финляндии, Восточная Пруссия, Галиция). В ряде государств был установлен коммунистический строй и вместе с ним большая или меньшая зависимость от СССР. (Румыния, Болгария, Польша, Чехословакия, Венгрия, Восточная Германия, Китай). Вместе с этим на все эти страны была распространена в принудительном порядке коммунистическая идеология, а в том числе и советские задачи исторической и археологической науки. Археология в этих странах, переходит на марксистские позиции и выполняет политические задачи, диктуемые из Кремля. Советское археологическое руководство зорко следит за положением археологической науки в странах-сателлитах и отмечает успехи коммунизма. В ВАН введен специальный отдел «По страницам периодической печати в странах народной демократии». В советских археологических журналах публикуются статьи, особенно отчетно-обзорного характера, о положении археологии в странах-сателлитах и об успехах ее коммунизации¹⁹⁰.

190) ВДИ 3. Новейшие археологические раскопки в Китайской народной республике, 3, 1953.

Б. Колкер. Очерки и исследования по древней истории» и мн. др.

Для непосредственной связи, надзора и руководства постановкой археологических работ и формированием марксистской идеологии в археологической науке, в страны-сателлиты командируются советские руководящие археологи и историки. Так, в июне 1953 г. в Будапеште был созван съезд венгерских археологов и историков, на который, для политического надзора и руководства, были командированы от АН СССР П. Третьяков, Тарле и Панкратова¹⁹¹.

На сессии отдела истории и философии АН СССР и пленуме ИИМК, посвященным итогам полевых археологических изысканий ИИМК за 1950 г., С. Киселев в докладе «Советская археология в первое послевоенное пятилетие (1946—51), после восторженного восхваления советской археологии и ожесточенной критики всей археологической науки в буржуазных странах, заявил, что необходимо также отметить «совершенно иное положение в странах народной демократии, «порвавших с растленным миром капитализма»¹⁹²). Директор ИИМК А. Удальцов в заключительном слове на этой же сессии и пленуме, говоря о расцвете советской археологии, подчеркнул:

«...значительный подъем археологической науки в странах народной демократии, особенно в Китайской народной республике, порвавших с капитализмом...»¹⁹³.

Международное и внутреннее положение после войны обусловили дальнейшие политические задачи СССР, в том числе и в области археологической науки. Основное задание, определяющее все последующие, заключается в подготовке к будущей мировой войне, в результате которой СССР рассчитывает захватить весь мир и установить повсюду единый коммунистический строй. Отсюда же вытекает и ряд конкретных задач, поставленных коммунистической партией и правительством СССР перед археологией.

Эти задачи на внутреннем фронте, можно свести к следующему:

- 1) Дальнейшее развитие патриотизма с переходом от советского к национально-русскому.
- 2) Отыскание археологических доказательств прав русского народа (советского государства) не только на европейскую территорию СССР с древнейших времен, но также и на недавно захваченные на Западе области, государства-сателлиты и, даже, на всю Восточную Европу.
- 3) Дальнейшая коммунизация археологии и подчинение ее партийным задачам с целью централизации всех археологических учреждений и работ.
- 4) Ликвидация «марризма», бывшего в течение тридцати лет революционным и передовым, а ныне тормозящим выполнение политических задач археологии в новых послевоенных условиях.

191) Сообщение радио Европейского отдела «Голоса Америки», 12.6.1953.

192) КСИИМК, 44, 1952.

193) ВАН, 1951, 8.

5) Смена работников, руководящих политикой в археологии.

На внешнем фронте заданиями перед археологией, вытекающими из тех же основных предпосылок, выдвинуты следующие требования:

1) Беспощадная критика науки в капиталистических странах и борьба как с нею, так и с ее влиянием в советской науке.

2) Яростные нападки на США, затем Англию и Германию, но в первую очередь на США, с обвинением их в «империализме», «расизме» и «поджигании новой войны».

3) Подхалимство перед компартией, необычайное восхваление заслуг советской археологии и объявление всей политики в советской науке борьбою за мир.

В действительности все эти задачи, выполняемые советской наукой и, в частности, археологией, непосредственно связаны между собою и служат единой цели — подготовке к новой войне.

На внутреннем фронте — переход к русскому национальному патриотизму (нацизму) был объявлен самим Сталиным тотчас же по окончании войны и в своем выступлении в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24.5.1945 г. он заявил:

«Товарищи... я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего русского народа. Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа, потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...» и т. д.¹⁹⁴⁾.

С этими высказываниями связывается и официальная мотивировка советским правительством уничтожения ряда национальных республик и областей в СССР после войны, как не выполнивших своих обязанностей в отношении РСФСР.

Тотчас же после выступления Сталина, как это принято в СССР, вокруг «русского патриотизма» поднялась настоящая свистопляска. Появилось множество статей, развивающих идею величия «великого старшего брата», т. е. великокорусского народа. То же самое повторялось во многих выступлениях партийных руководителей и ответственных работников по всему СССР. Таким образом приказ Сталинаступил в действие.

В связи с этим в заданиях археологических работ были выдвинуты на первое место патриотические темы: изучение генезиса русского народа, развитие древнерусской культуры и ремесленной промышленности, возникновение и развитие древнерусских городов. Чрезвы-

194) И. Стalin. О великой отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат. М. 1951.

чайно были расширены полевые исследовательские и научные работы в этом направлении. В ИИМК, еще до войны, была создана «Секция этногенеза и славяно-русской археологии». Теперь был учрежден еще отдельный Институт славяноведения в составе АН СССР, директором которого назначен П. Третьяков. Организованы постоянные археологические экспедиции «Славяно-Днепровская» и «Славяно-Днестровская», также Деснянская. Последнею руководит ИИМК и Молдавский ФАН.

Основным славяно-русским заданием археологии является вопрос этногенеза восточных (т. н. русских) славян и подбор доказательств того, что эти славяне формировались на месте и, именно, в бассейнах Вислы, Днестра, Днепра, Дона и Волги, т. е. почти на всей территории Европейской части современного СССР. Окраины же этой территории — Прибалтику, Прикубанье, Крым и др. славяне заняли уже с 3—8 вв. н. э. Таким образом утверждалось исконное право русского народа на занимаемую им основную территорию. В то же время в борьбе с безродным космополитизмом, отрицалось какое бы то ни было влияние на русских славян и формирование первого русского государства со стороны готов, норманов и Византии. Все археологические памятники этих народов, как и других, на территории Европейской части СССР, с первого по десятый век н. э. были объявлены памятниками славянской культуры. Ювелирные изделия «готского стиля», в том числе и определяющие для этой культуры пальчатые фибулы, изготовленные в Причерноморских центрах, были объявлены «изделиями славянских мастеров». Славянскими изделиями объявлены и предметы с выемчатой эмалью, центр производства которых находился в Прибалтике. Славянскими памятниками объявлены и поля погребений с их культурой, которые со временем их открытия 50 лет тому назад и до последней войны считались готскими. Культура Полей погребений в Поднестровье, в частности Липецкая, еще немецким археологом К. Такенбергом была отнесена к древнегерманской (гепидской). Впоследствии польский археолог И. Костржевский, на основе глубокого изучения и анализа культуры полей погребений в Западной Украине, полностью подтвердил положение К. Такенberга. Это представление принято европейской наукой и, до недавнего времени, советской. Теперь же, в связи с новыми патриотическими заданиями, это представление объявляется «грубо-тенденциозным»¹⁹⁵.

Господствующее направление старается доказать, что «культура полей погребений в течение 6—9 вв. постепенно переходит в культуру древнерусскую и генетически связана с ней»¹⁹⁶.

Иначе решает этот вопрос другая группа более объективных археологов. Так, И. Ляпушкин, на основе археологического исследова-

195) М. Смишко. Раннеславянская культура Поднепровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, 44, 1952.

196) Г. Федоров. Работа славяно-Днестровской экспедиции. КСИИМК, 44, 1952.

чия памятников эпохи железа в бассейне р. Ворсклы, приходит к выводу, что население в крае в рассматриваемое время не имело непрерывной линии развития. В ней ясно выделяются три периода с перерывами между ними... «скифский», «полей погребений» и «славяно-русский»... Хронологический разрыв между отдельными периодами и отсутствие следов преемственности в материальной культуре и быте населения каждого из этих периодов говорит за то, что непосредственной генетической связи между этими группами населения нет. Отсутствует генетическая связь и между населением 8-10 вв., оставившим памятники ясно выраженной славянской культуры и населением предшествующих периодов полей погребений и скифского¹⁹⁷).

Такой выдающийся специалист по памятникам восточных славян, как Б. Рыбаков пишет:

«До сих пор прямой преемственности (между культурой погребальных урн и славянской) не доказано»¹⁹⁸.

Такая же путаница и такие же противоречия в вопросе формирования восточнославянской народности и культуры и в Большой советской энциклопедии:

«Попытки вскрыть в пределах указанного периода (бронзового века) корни этногенетического процесса... не получили и не могут получить реального содержания». «Какие бы то ни были попытки найти племена праславянские, т. е. те, на базе которых сформировалось славянство, не могут получить реального содержания».

Далее же говорится совершенно обратное:

«...можно сказать, что... определенные ранние образования, в процессе последующего развития вошли в состав складывающегося славянства»¹⁹⁹.

Затем прямо указываются культуры, носители которых вошли в состав славянства, то есть были праславянскими племенами. Археологи, отрицающие формирование из предшествующих разных культур, считают, что, несомненно, славянская культура 9 в. имеет прямую линию своего развития и сформировалась непосредственно из недавно открытой Роменской культуры (6-8 вв.), которая в свою очередь возникла из Юхновской²⁰⁰.

197) И. Ляпушкин. Поселения эпохи железа в бассейне реки Ворсклы. КСИИМК, 21, 1947.

198) Б. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, XI 1939, 1.

199) Большая советская энциклопедия. Специальный том «СССР», М., 1948, стр. 301—307. Более подробное изложение этого вопроса в статье М. Миллера. Славяне и их соседи в новейшей советской интерпретации в Вестнике Института по изучению истории и культуры СССР № 4, Мюнхен, 1953.

200) Работа, указанная в прим. 9. Также М. Воеводский. Городища Верхней Десны, КСИИМК, 24, 1949 и др.

Эта концепция представляется несравненно более объективной, научной и обоснованной фактическими материалами.

Между тем, первая концепция принимает все более и более господствующий характер и можно предвидеть, что в недалеком будущем она будет признана ортодоксальной и обязательной.

«Обнаружена связь сарматской культуры и культуры полей погребений с древнейшими славянскими памятниками Поднепровья... Культура Позднедьяковских городиц Волго-донского междуречья оказалась весьма близкой к раннеславянской культуре северо-востока Руси».

В действительности ничего подобного не «обнаружено» и не «оказалось». Эти попытки превращения в славянскую культуру всех предшествующих, различных по времени и по характеру и ничем с действительно славянской культурой 9—13 вв. не связанных, диктуются политико-партийными и национально-патриотическими соображениями и являются в несравненно большей степени «груботенденциозными концепциями», чем представления К. Такенберга — И. Костржевского в отношении Липицкой культуры.

В политически руководящих указаниях последнего времени подчеркивается «особое значение вопроса происхождения славян, выходящее далеко за пределы славяноведения»²⁰¹). Особенно усилены поиски славянских памятников «на окраинах» и в странах, населенных не русскими, но захваченных СССР после Второй мировой войны.

«За последние годы начаты археологические исследования в западных областях нашей родины и в Прибалтийских республиках, в западных частях Украины, Белоруссии и Молдавии»²⁰²).

Эти работы необходимо всячески расширять ввиду их исключительно важного значения для решения вопросов происхождения истории восточных славян и их соседей»²⁰³).

Некоторые археологи стараются доказать местное, постепенное образование Салтовской культуры, которая является:

«...результатом длительного процесса развития. В формировании ее участвовали разнообразные племена, населявшие обширную территорию и находившиеся в постоянном культурном общении»²⁰⁴.

201) Передовая статья «Советская археология к тридцатилетию Великой Октябрьской революции». КСИИМК, 21, 1947.

202) Доклад П. Третьякова «Происхождение славян в свете трудов И. Сталина по языкоизнанию» на Сессии Отделения Истории и Философии АН СССР и Пленуме ИИМК. ВАН 1951, 8.

203) Из резолюции Сессии Отд. Истор. и Философ. АН и Пленума ИИМК, посвященных итогам полевых исследований за 1946—50 гг. КСИИМК, 44, 1952.

204) Н. Мерперт. О генезисе Салтовской культуры. КСИИМК, 36, 1951.

В действительности Салтовская культура (Аланская), идентична древне-осетинской и ее памятники, вместе с носителями этой культуры, попали в полосу местности от Дона до Днестра, в результате великого переселения народов.

Для доказательства исконной принадлежности Крыма русским, в 1952 году в Симферополе была созвана и проведена специальная конференция археологов и историков под председательством Б. Грекова. Основным выводом конференции, получившим силу исторической концепции, обязательной для советской археологии и истории, явилось признание того, что —

«Крым действительно входил в состав территории древнерусской народности... надо полагать, что на рубеже и в первых веках н. э., когда скифское объединение племен было разрушено пришедшими с востока сарматами и между последними и славянами установились тесные связи, славянское население начало проникать на территорию Крыма, основывая там свои поселения»²⁰⁵⁾.

В качестве археологического подтверждения этого фантастического построения, указывается и на сходство обрядов погребения в древних крымских могильниках с раннеславянскими в Среднем Поднепровье (трупосожжение), и на распространение в Крыму пыльчатых фибул, которые, для большей убедительности, названы «среднеднепровскими». Все готские могильники, в том числе и знаменитый Суук-Су, объявлены, славянскими. Самостоятельность истории Крыма и ее отделенность от истории Украины, объясняется тем, что

«...процессу экономического, политического, этнического и культурного объединения Крыма с древнерусским государством, мешали кочевые народы степей...»²⁰⁶⁾.

Политическое значение крымской проблемы совершенно ясно. До конца 18 в. Крым был тюркским государством. До конца последней Мировой войны Крым представлял собою национальную Крымскую Автономную Республику. После войны эта республика была ликвидирована и остатки тюркского населения поголовно сосланы в Сибирь. Крым был заселен людьми из Средней России. Крым надо было сделать исконной русской областью. Эта задача, в качестве партийного приказа, и поставлена перед советской археологией и историей.

В отношении Северного Кавказа БСЭ сообщает, что бассейн Кубани был заселен русскими славянами уже в 8 в. н. э. Побережья Балтийского моря славяне достигли будто бы с 6 в.²⁰⁷⁾.

В. Равдоникас, много лет исследовавший Старую Ладогу, в резуль-

205) Е. Веймарн и С. Стржлецкий. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1952, 4.

206) Там же.

207) БСЭ, указан. в прим. 10.

тате своих работ, объявил, что это — древнерусский город, основанный в 7 в. славянами, пришедшими с юга²⁰⁸.

На сессии Отдела истории и философии АН и пленуме ИИМК Г. Федоров, на основе работ Славяно-Днестровской экспедиции в 1950 году в Молдавии, сообщил об открытии славянских памятников, —

«...свидетельствующих о существовании устойчивых местных славянских корней в Молдавии, что опровергает мнение о кратковременном пребывании древнерусских племен в Поднестровье»²⁰⁹.

Работавший также в Молдавии И. Смишко сообщает:

«Можно считать установленным, что, по крайней мере, до 11-начала 12 вв. территория Молдавии была занята русским населением, имевшим многочисленные села и ряд городов»²¹⁰.

Дело дошло до того, что славянские памятники разыскиваются и в Румынии и археологи, нашедшие такие памятники, по распоряжению из Кремля, премируются.

«Блестящее подтверждение в памятниках материальной культуры получили недавно указания летописей о существовании древних русских городов не только в Поднепровье, но и на реках Прут и Дунай. В Румынской Народной республике опубликован правительственный указ о награждении государственной премией большого количества археологов за открытие славянского городища в местности Тарвен в области Галац».

Памятники славян разыскиваются также и во всей Восточной Германии, оккупированной СССР. Археологическими данными пытаются оправдать захват у Германии ее восточных областей и передачу их Польше. Не забыли и Венгрию.

Даже галльштадскую культуру 8—7 вв. до н. э., распространенную на Северном Кавказе и в Поднепровье, основные центры развития и распространения которой находятся в Средней Европе, пытаются объявить древнеславянской.

«Культурная близость Поднепровья со Средней Европой обнаруживается вновь в таких же отчетливых формах, какие отмечаются между ними и в начале нашей эры. Эту близость нельзя рассматривать как признак культурной зависимости племен Среднего Поднепровья от лужицко-галльштадских племен

208) ВАН, 1951, 8.

209) Г. Федоров. Тиворцы. ВДИ, 1952, 2. Также КСИИМК, 44, 1952, стр. 92. Указ о награждении румынских археологов опубликован в Центральной правительской газете Румынии «Романия Либера». 1952. 12. 111, № 2010.

210) Работа И. Смишко, указан. в прим. 6.

— она говорит об этническом родстве и определенной общности развития древних славянских племен на различных территориях, временно ослабленной скифским господством»²¹¹).

Из такой смелой гипотезы, высказываемой в форме аксиомы, вытекает, что галльштадская культура 8 в. до н. э., самая высокая в свое время в Европе, от которой получила свое развитие Ла-тенская и вся последующая европейская культура, была создана славянами. Для этого необходимо считать доказанным, что уже в 8 в. до н. э. славяне существовали, как сложившаяся народность в Средней Европе и создали там самую высокую культуру еще до возникновения Рима.

Искусственность, необоснованность и политические задачи, приведенных выше концепций, совершенно очевидны.

Расширению и развитию фантастических, псевдонаучных построений и гипотез, связанных с задачами русскославянского патриотизма, более всего мешала «теория Марра» «об автохтонности и стадиальности развития, путем скрецивания», навязанная советской археологии компартией и считавшаяся ортодоксально-марксистской с 1920 до 1950 г. Эта теория в свое время, особенно в 1930—34 гг., внедрялась в сознание и практику советских наук — археологии, истории, филологии, антропологии и др. драконовскими мерами и за нее пострадало множество научных работников. После войны, в новых условиях, эта теория оказалась устаревшей и тормозящей построение новых концепций, отвечающих новым политическим требованиям. В связи с этим в 1950 г. выступил И. Сталин со своими знаменитыми статьями «Марксизм и вопросы языкоизнания», которые в советской литературе называются не иначе, как с эпитетами «гениальное произведение», «всемирно-историческое» и т. д. В этих статьях И. Stalin совершил ликвидацию «марризма», объявив его вульгаризацией марксизма, тормозящей развитие науки. Немедленно же началось такое же движение «против марризма», какое было до этого «за марризм». Новые установки Сталина, как и обычно, были приняты в качестве категорического императива. Одними сотрудниками Института истории и философии АН по вопросам статьи Сталина было прочитано более 200 лекций и опубликовано 29 статей. В Институте истории АН, состоялось более 15 заседаний, собраний и теоретических конференций, непосредственно связанных с приказом Сталина. Наконец, ежегодно проводятся сессии Отдела истории и философии АН СССР и пленумы ИИМК, посвященные годовщине выхода в свет «гениального труда» И. Сталина²¹².

Появление новых установок Сталина называется «годом вели-

211) А. Теренежкин. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. КСИИМК, 43, 1952.

212) ВАН, 1951, 8.

чайшего перелома, вызванного гениальными трудами И. Сталина»²¹³⁾.

«Великий перелом» и «всемирно-историческое значение» Сталина с отменой теории Марра, заключалось в том, что им были отменены все догматические ограничения этой теории и советской археолого-исторической науке предоставлена возможность неограниченных патриотических построений в вопросах генезиса славян.

Политическое руководство в этом вопросе поручено П. Третьякову и на него должны равняться остальные. П. Третьяков выступил с большим докладом «Происхождение славян в свете трудов И. Сталина по языкоznанию» на сессии Отдела истории и философии АН, посвященным годовщине опубликования «гениального» произведения Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания»²¹⁴⁾ и с докладом «Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян», посвященным вопросам археологии Прибалтики, в Тарту в 1951 г.²¹⁵⁾.

В этих докладах, поразительных по широте, смелости и необоснованности положений, подводятся итоги исследований и работ по вопросам генезиса славян и в то же время даются руководящие установки для дальнейшего развития этих работ:

«Возникновение трех групп древнеславянских племен происходило во II и III тысячелетиях до н. э... во 2-м тысячелетии до н. э... в условиях первобытно-общинного строя, среди них нарастали диалектные различия, в результате чего, вероятно, и произошло отделение литовских племен от славянских...»

П. Третьяков подверг критике точку зрения многих археологов, которые исходя из неверной «теории» Н. Марра, считали племена первого тысячелетия до н. э. стадиальными предшественниками славян.

Исходя из указаний Сталина докладчик показал, что культура славян и их язык представляют собою результат длительного развития и что уже в первом тысячелетии до нашей эры упомянутые три группы являлись славянами, а самое деление славянства на различные группы в этот период представляет не начальный, а заключительный период славянской этногенезии... Восточнославянские племена... сложились не в 7-9 вв. н. э., как считали ранее, а еще в первой половине первого тысячелетия н. э. В годы «великого переселения народов»... по всем славянским землям распространяется культура, возникшая среди славян на юге — в Поднестровье, Среднем Поднепровье и Прикарпатье...»

Таким образом основные положения этой новой концепции сводятся к следующему:

213) Доклад С. Киселева «Советская археология в первое послевоенное пятилетие» на Сессии Отд. Истор. и Философ. АН и Пленуме ИИМК. КСИИМК, 44, 1952.

214) ВАН. 1951, 8.

215) КСИИМК, 42, 1952.

Славяне формируются во втором, даже третьем тысячелетии до н. э. Во втором тысячелетии до нашей эры от славян отделяются леттские племена. В первом тысячелетии до н. э. заканчивается процесс этногенеза славян. В первой половине первого тысячелетия н. э. «южные», т. е. русские славяне, создают культуру, которая распространяется по всем славянским землям.

На расширенном заседании Ученого Совета ИИМК, посвященном 2-й годовщине со дня выхода в свет «гениального произведения И. Сталина», Б. Рыбаков в докладе «Образование древнерусской народности в свете учения т. Сталина», продолжая тему П. Третьякова о происхождении славян, говорит о дальнейшем процессе развития из восточнославянских племен русской народности:

«Археологические материалы позволяют нам проследить постепенное разрастание небольшого племени русов (на реке Роси) в русский племенной союз, объединивший в 6 ст. целый ряд лесостепных антских племен. Одновременно происходило превращение группы племен в народность, а союза племен в крупнейшее в Европе государство».

В этом построении, которое отныне становится обязательным для советской археологии, совершенно очевидны политические и патриотические задания.

Следующей после генезиса восточных славян русской патриотической темой советской археологии является изучение древнерусских городов в их возникновении и развитии.

Разыскания и исследования в этом направлении в послевоенное время получили очень широкий размах.

«Особенно больших успехов, после Октября, добились археологи СССР в деле изучения древнерусского города... Киев, Новгород, Псков, Старая Ладога, Старая Рязань, Сузdalь, Владимир, а также городки и замки князей вроде Вышгорода под Киевом, Боголюбова под Владимиром... Впервые широкие масштабы приобрело и археологическое изучение Москвы... Исключительно важную роль играет археологическое изучение памятников древней Руси...²¹⁶.

За минувшее пятилетие были выполнены особенно обширные исследования по древнерусским городам. Изучались Киев, Новгород, Чернигов, Гродно, Псков, Старая Рязань, Белозерск, Старая Ладога и ряд более мелких городских центров. Обширные раскопки производились и в самой Москве»²¹⁷.

В 1941 г. в Ленинграде состоялся 1-й пленум ИИМК, посвященный исследованию древнерусских городов. В 1951 — 2-й пленум ИИМК, посвященный исследованию древнерусских городов, особенно широко

²¹⁶ Статья, указанная в прим. 202.

²¹⁷ Доклад С. Киселева, указ. в прим. 213.

развернувшемуся после войны. В послевоенное время издано множество отчетов о раскопках и исследованиях древнерусских городов, множество статей по отдельным вопросам, сборников и монографий.

При исследовании остатков древних городов изучается их положение и топография, план, строительство, система укреплений, материальная культура и, особенно, ремесленная промышленность, торговые связи и общий культурный уровень.

Основные задачи исследования древних городов заключаются в том, чтобы доказать, что в древней Руси строительство городов началось и происходило одновременно со средневековым строительством городов в Европе, что в древней Руси было много городов и города, по характеру своего строительства, развитию ремесла, торговли и культуры, были ничуть не ниже, а во многих случаях значительно превосходили европейские. В этом смысле особенно подтверждаются находки остатков деревянного водопровода и дренажа в Новгороде и Старой Глазии. Древнерусские города имели широкие торговые и культурные связи с Европой и Востоком и высокоразвитое ремесленное производство орудий труда и быта, оружия и украшений, которые широко расходились среди древнего населения.

В отношении областей СССР, которые никак невозможно обывать древнеславянскими — Закавказья, Средней Азии и Сибири, компартия также выдвигает перед археологией высокие требования изучения памятников и восстановления древней истории населявших эти области народов, которая включается в историю СССР. Кто же время доказывается, что завоевание этих народов и присоединение их стран к России и СССР сыграло в их развитии чрезвычайно большую, прогрессивную роль.

Особое значение этих областей в холодной войне и в порядке подготовки к большой войне заключается в том, что Закавказье представляет собою важнейшую базу для коммунистической экспансии в Иране, Турции и далее в странах Арабского блока. Такую же важную базу и военный плацдарм представляет Средняя Азия для советской агрессии в Индии, Афганистане и Иране.

В связи с этим, особенно в послевоенное время, чрезвычайно расширилось археологическое изыскание в этих областях и, на основе результатов, составляются монографии по истории древних государств Закавказья, Средней Азии и Сибири. Создаются специальные пленумы, посвященные вопросам археологии этих областей. (В январе 1948 г. научная сессия ИИМК и ГЭ, посвященная археологии Закавказья²¹⁸), в марте 1948 г. пленум ИИМК, посвященный археологии Средней Азии²¹⁹) и т. д.

«...история средневековой Средней Азии разрабатывается с большим размахом в Хорезме, Таджикистане, Киргизии, Казах-

218) Доклады и сообщения опубликованы в КСИИМК, 24, 1949.

219) Тезисы докладов и рефераты опубликованы в КСИИМК, 28, 1949.

стане... Такое же значение имели и археологические исследования средневековых центров Закавказья, Ганджи в Азербайджане, Двины в Армении и Дманиси в Грузии»

Ввиду особого значения изучения этих областей работы, наиболее отвечающие требованиям компартии, награждаются сталинскими премиями^{220).}

Таким образом новая, послевоенная концепция советской археологии по основным вопросам внутренней политики происхождения славян, развития русских славян, их культуры и образования ими крупнейшего в Европе государства, сводится к доказыванию глубокой древности славянского народа, громадной исторической, культурной и прогрессивной роли, которую этот народ сыграл в Европе и на Востоке. Эта панславянская и великороссийская концепция подозрительно смахивает на пангерманскую концепцию нацистских археологов и историков Гитлеровской Германии в эпоху ее подготовки к агрессии, а в некоторых местах это сходство переходит в буквальное совпадение.

Пропагандная и агитационная задача этой концепции заключается в том, чтобы внедрить в сознание русского населения СССР уверенность в своем величии и превосходстве над другими народами, представление о высокой культурной роли предков русского народа в истории и о том, что в настоящее время русский народ является носителем высших коммунистических идей и исторически призван перестроить весь мир.

Другой стороной этой же концепции является отношение к низшему, капиталистическому миру и в этом отношении советская археология выполняет задачи на внешнем фронте.

В основе концепции лежат требования партии, сформулированные Б. Молотовым в его докладе по поводу 30-тилетия Октябрьской революции в 1947 г.^{221).}

«У нас еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой... Не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином. Вот почему советские люди проникнуты таким решительным стремлением скорее покончить с пережитками прошлого, развернуть беспощадную критику всех и всяких проявлений низкопоклонства и раболепия перед Западом и его капиталистической культурой»^{222).}

220) Сталинскими премиями награждены археологические работы Б. Кутфина в Закавказье, монография Б. Б. Пиотровского «Урарту», С. Киселева «Древняя История Южной Сибири». С. Толстова «Древний Хорезм. А. Окладникова, М. Гремяцкого и М. Нестриха «Ташк-Таш». Л. Потапова «Очерки по истории алтайцев» и «История культуры Древней Руси» и др.

221) КСИИМК, 28. 1949.

222) А. Монгайт. Кризис буржуазной археологии. КСИИМК, 40, 1951.

Исходя из этих предпосылок послевоенные идеологи и партийные руководители советской археологии идут гораздо дальше. Борьба с буржуазной культурой, в действительности превращается в ожесточенные нападки и отрицания не только культуры, но и демократических государств и народов. Конечно врагом № 1 в этой подготовке сознания населения СССР к войне являются США. Затем идет Англия, отчасти Германия, Швеция и Дания. Франция и Италия не идут в счет и почти не упоминаются.

Основные положения советской археологии и предъявляемые к ней задачи, изложены полнее всего в докладе А. Монгайта «Кризис буржуазной археологии». В этом докладе говорится о том, что буржуазное общество в 20 в. переживает острый кризис и потому уже не может выдвинуть передовых идей, и даже прогрессивные идеи 19 в. превратились в свою противоположность. Особые задачи были поставлены перед буржуазной археологической наукой в эпоху империализма. Наука о древностях превращается в одну из самых тенденциозных, политически заостренных наук, служащих задачам сегодняшнего дня. Далее докладчик осуждает формально-типический метод (Нильс Оберг), Культурно-историческую школу (Гребнер, Анкерман, Шмидт), школу «Зидлунгсархеологии» (К. Шумахер — Г. Коссина), тесно примыкающую к предыдущей.

Ввиду особого значения «тезисов» Монгайта для понимания сущности и задач компартии, и исключительной резкости формулировки, мы приводим далее некоторые из этих положений текстуально:

«Американо-английский империализм, подготавливая третью мировую войну, внушая немцам в Западной Германии и Австрии реваншистские идеи, стремится возродить реакционную археологию в Европе. Отсюда стремление возродить культурно-историческую школу, отсюда лозунг: «Назад к Коссине!» Эти идеи проводят в Восточной Германии М. Ян и Ф. Бен. Особенно же в Западной Германии, то есть там, где американо-английские империалисты пытаются возродить немецкий милитаризм и фашизм, как орудие борьбы против мира и демократии... особенно откровенно расистские теории возрождаются в современной австрийской археологии (Р. Эндерс)... В других буржуазных странах также культивируется расистская лженакуя... Об этом свидетельствует археологическая литература Швеции, Дании и др стран... археологи Англии Эллиот Смит, Перри и, особенно, лорд Раглан... Но наибольшего развития расистская, как и другие реакционные идеи, достигли в американской археологии.

В соответствии с той активной ролью, которую сейчас играет во всем мире реакционная буржуазия США, буржуазные американские ученые становятся передовым отрядом реакционной науки. Расизм, как известно, принадлежит к наиболее ста-

рым чертам «американского образа жизни». Расовая дискриминация и порождаемые ею расовые «теории» стали распространяться в США с тех пор, как началось истребление индейцев и порабощение негров. С наступлением эпохи империализма пропаганда расовых теорий в американской историографии еще более усилилась.

Расизм в англо-американской социологии, этнографии и антропологии провозглашен как официальная доктрина.

Разоблачая реакционный смысл англо-саксонского расизма, товарищ Сталин указывает:

«Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только немцы представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбами всего мира». («Правда», 14.3.1946).

А. Монгайт объясняет, каким образом американо-английский расизм выражается в археологии:

«От единого мирового центра культурного развития — античного Средиземноморья — развитие передалось западноевропейским народам, а также американцам, которые являются единственными наследниками этой мировой цивилизации (Кробер, В. Тейлор)... для отдельных и «примитивных» народов, современная высшая цивилизация остается навсегда недосягаемой... Для современных «примитивных» народов навсегда закрыт путь к развитию. Они обречены быть рабами людей «высшей цивилизации», обречены на вымирание... Это... может быть доказано на археологических материалах... Роль археологии, как важной политической дисциплины, прекрасно оценена хозяевами науки... Буржуазную археологию, как и историю, отличает крайний идеализм (А. Гольденвейзер). Еще дальше идет английский историк Коллингвуд... вслед за Тэйлором — Дэннел.

Затем А. Монгайт снова делает заключение о том, что буржуазные археологи перестали быть эмпириками, коллекционерами фактов и занялись теорией «Но какая это теория!» — восклицает А. Монгайт и продолжает:

«Она враждебна подлинной науке. Она жалка по сравнению со стройной системой марксистско-ленинской философии».

А. Монгайт критикует и работы А. Гольденвейзера, Клукгтона и Келли и делает вывод:

«Американский космополитизм требует от народов самоотречения во имя интересов империализма».

В качестве одного из главных реакционных направлений в археоло-

гии А. Монгайт указывает «географизм» и заявляет, что географический детерминизм пропагандируется в США Грифитс Смитом и Элевортом Гантингтоном, в Англии Флуром и Фоксом, также Гоксом (Оксфорд) и Бреггером (Норвегия).

Обобщая приведенные им положения, Монгайт пишет:

«Буржуазная наука археология поставлена на службу империализма. Этой цели служат и идеалистические построения. В своей практической раскопочной деятельности буржуазные археологи служат империалистическим целям своих правительств. Так, американские археологи, наряду с раскопками в своей стране, развернули огромную раскопочную деятельность за ее пределами. Экспедиционная работа служит удобным прикрытием для шпионажа и так называемого «культурного проникновения» в пределы исследуемой страны... За своим старшим партнером тянутся и англичане... Обедневшая и колонизированная американцами Франция не в состоянии вести значительные археологические исследования... работы характеризуются отсталой методикой».

Далее Монгайт указывает:

«Современные буржуазные археологи служат политическим целям своих правительств. В особенности это видно на примере американской археологии. В связи с той новой активной ролью, которую взяла на себя американская буржуазия в качестве **вождя мирового империализма**, она требует активности и от своих ученых. Они повернулись к современности... задача науки состоит не в отыскании объективной истины, а в создании идей, которые могли бы быть сегодня полезны... объективной истины, также как и объективного исторического факта нет. Истина та теория или гипотеза, которая практически полезна... Современные буржуазные археологи... это передовой отряд реакции, с которым мы ведем и будем вести ожесточенную борьбу»²²³⁾.

Доклад А. Монгайта и, главным образом, приведенные выше в выдержках его основные нападки на буржуазную археологию и, особенно США, в порядке подготовки общественного мнения в СССР к войне и формирования в обществе ненависти к Америке, широко пропагандируется в СССР. Доклад Монгайта был опубликован в КСИИМК, затем его основные положения были приведены в отчете Г. Федорова на 2-й сессии ИИМК АН, посвященной Прибалтике, который также опубликован²²⁴⁾.

Основные положения доклада Монгайта, в крайне резкой форме, высказывает в своем докладе и С. Киселев²²⁵⁾.

223) Упомянутый доклад А. Монгайта.

224) Отчеты Г. Федорова, КСИИМК, 42, 1952.

225) Работа, указанная в прим. 213.

Наконец, Монгайт написал специальную работу о выполнении американской археологией заданий империализма, которая также была опубликована²²⁶⁾.

Мы приводим значительное количество выдержек из доклада А. Монгайта, определяющих основные политические задачи советской археологии на сегодня. В то же время мы не даем подробного разбора этих положений, так как это выходит за пределы нашего очерка, имеющего свою задачу лишь дать представление о современном положении археологической науки в СССР. Однако нельзя не упомянуть о том, что доклад Монгайта построен очень обдуманно. В нем все время переплется правда с неправдой. Имеется ряд натяжек, преувеличений противоречий и прямой лжи. Разбор этого программного доклада должен быть содержанием специального исследования.

Содержание же доклада С. Киселева мы не приводим совсем, так как он в основном повторяет положения А. Монгайта, формулированные иногда в еще более резкой и не принятой в научном языке форме. Тем не менее и доклад С. Киселева имеет большое значение именно повторением тезисов Монгайта. Эти же повторения, может быть в более слабой форме выражения, мы встречаем и в докладах других нынешних политических руководителей археологии в СССР — Г. Федорова, А. Удальцова, Б. Грекова²²⁷⁾.

Эта повторяемость основных, исходных тезисов указывает на то, что это не мнения отдельных лиц, а директивы партии, которые лишь поручается популяризовать этим лицам.

Журнал «Вопросы истории», издаваемый Институтом истории АН СССР, пестрит статьями, разбирающими историю и современную политику США, с обвинениями Америки в мракобесии, предательстве, фальсификации истории, империалистических захватах в прошлом, захватнических планах на будущее, апологии рабовладельчества, в поджигании новой мировой войны и т. д.²²⁸⁾.

Постоянная брань по адресу США и обвинение в ужасных преступлениях против человечества, как в прошлом, так и в настоящем, даже без ссылок на какие бы то ни было факты, стали обязательными для советской археологии послевоенного времени и всех советских археологов.

Отдельные выпады против буржуазной науки, особенно американской, встречаются теперь во многих археологических статьях, даже не имеющих по своему содержанию никакого отношения ни к буржуазной науке вообще, ни к американской в частности.

Так выполняются советской археологией задания и призывы коммунистической партии, направленные к формированию в общественном мнении

226) А. Монгайт. Американская археология на службе империализма. ВДИ, 5. 1949.

227) Заключительное слово А. Удальцова на сессии Отд. Ист. и Философии АН СССР и Пленуме ИИМК. КСИИМК, 44. 1952.

228) ВИ за 1950 №№ 3, 4, 7, 8, 9, 11 и 12; за 1951 № 5, 6, 7, 9; за 1952 № 4.

СССР ненависти к США и капиталистическому миру и представляющие собою, вместе с развитием нацистского патриотизма — подготовку к новой мировой войне.

В то же время, в порядке этой подготовки, проводится и другая акция — стремление сформировать в «капиталистическом мире» 5-ю колонну. Советская археология зорко следит за развитием науки в демократических странах, тщательно выискивает там, среди ученых менее объективных работников, «стихийных материалистов» или прямо «сочувствующих». С ними устанавливают связи, всячески поддерживают, хвалят и поощряют, стараясь расширить эти точки и, сливши их с разными прокоммунистическими движениями «за мир», усилить свои позиции внутри «капиталистического мира».

А. Монгайт в своем программном докладе сообщает:

«Огромны успехи советской археологии... Все чаще даже враждебные нам ученые вынуждены обращаться к достижениям советской науки... Среди буржуазных ученых не только нашли идеиные враги. Есть прогрессивные ученые друзья нашей страны, великолепно понимающие всемирное значение нашей науки. Таков, например, среди английских археологов Гордон Чайлд... Он понимает, что научная правда в лагере социализма и не стыдится называть себя учеником советских археологов. И враги наши и друзья ясно представляют себе всемирное значение советской науки»²²⁹⁾.

Восхваление Г. Чайлдя встречаются и в других докладах. В журнале ВДИ помещена статья Р. Хилтона о работе английских историков-марксистов, описывающая организацию английских историков-полутчиков^{230).}

Судя по этой статье, можно думать, что Г. Чайлд не одинок в «капиталистическом мире» и советская подрывная работа не остается безрезультатной.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Реорганизация археологии в 1930—34 гг. представляла собою ликвидацию старой, дореволюционной археологии и влияний заграничной «буржуазной» археологии, вместе со всеми представителями этих направлений. В то же время проводилась коммунизация науки и всего научного аппарата. Директорами всех научных институтов были назначены коммунисты. Повсюду было введено партийное руководство и контроль во всех звеньях. Задание для научной работы ставилось политическим центром. По окончании разгрома археологии и создании

229) Работа, указан. в прим. 222.

230) Хилтон Р. Работа английских историков-марксистов в области средневековья. ВДИ, 9. 1951.

«советской археологии», с 1935 г. перед наукой были поставлены новые задачи. Для того, чтобы конкурировать и противостоять «буржуазной» науке, надо было поднять научный уровень советской археологии до уровня буржуазной. В таких условиях яростные нападки на буржуазных археологов и буржуазную археологию вообще прекратились. Прекратилась и яростная грызня между советскими археологами и взаимные обвинения в антимарксистских и политических ошибках. Исчезли со страниц печати и бесконечные дискуссии и статьи на теоретические темы. Археологическая литература приняла гораздо более научный характер. Направление это в общем продолжалось до самой войны и после. Причем, надо сказать, что советские археологи настолько увлеклись новым направлением, что совершенно отошли от социалистических и партийных тем.

После войны направление советской археологической литературы было совершенно изменено и снова выдвинута тематика 1930—34 гг., конечно применительно к новым условиям.

Так, в одной из передовых руководящих статей, даются политические установки того, какою должна быть советская археологическая литература.

«Советской археологии стала угрожать волна описательных работ, сугубо эмпирических, посвященных частным темам, избегающих принципиальных исторических выводов. Обобщающие и критические статьи печатаются редко. Крайне недостаточно число работ по разоблачению реакционных взглядов современных буржуазных археологов... Наука должна быть партийной»²³¹⁾.

Далее приводится разбор выдвинутых положений и их обоснование. Один из современных политических руководителей советской археологии, в своем докладе обращает внимание на то, что:

«Партия и Правительство проявляют исключительную заботу об археологических исследованиях...»

Затем, очевидно, он проговаривается о причинах этой заботливости:

«Наука о древности превращается в одну из самых тенденциозных, политически заостренных наук, служащих задачам сегодняшнего дня»²³²⁾.

Новые требования к археологической литературе выдвигаются и повторяются в руководящих выступлениях Б. Грекова, А. Уdal'цова, С. Киселева, П. Третьякова и Федорова и в статьях других археологов²³³⁾.

231) «За партийность в археологической науке». Передовая статья в КСИИМК, 25. 1949.

232) Работа, указан. в прим. 222.

233) Выступления Б. Грекова, опубликованные в КСИИМК, 26; 1949 и КСИИМК, 44. 1952. Резолюция сессии Отд. Ист. и Философии АН и Пленума ИИМК в КСИИМК, 44. 1952. Выступление А. Уdal'цова опубликовано в ВАН, 8. 1951 и др.

Особенно усилился политический нажим после выхода в свет в 1950 г. статей Сталина о языкоznании с указанием на ошибки Н. Марра и ликвидацией марганизма²³⁴⁾.

Началась беспощадная критика и советских археологов. Сейчас эта политически важная, руководящая работа поручена А. Монгайту, С. Киселеву и Г. Федорову. Все три — москвичи. В 1930—34 гг. эту важнейшую задачу выполняли В. Равдоникас, А. Бернштам и Е. Кричевский — ленинградцы и «маргисты». Они жестоко нападали, доходя до политических доносов, на многих советских археологов, в том числе и на С. Киселева. Нападения и критика производились в основном с позиций марганизма, учение, которое самою коммунистическою партиею в то время выдвигалось как ортодоксально-марксистское. Но прошло 20 лет, обстановка изменилась, Марр с его учением осудил и ликвидировал сам Сталин. И вот теперь москвичи жестоко отплатили ленинградцам. Самые большие нападки произведены на В. Равдоникаса, А. Бернштама, затем на руководителя ЛОИИМК А. Окладникова, В. Миханкова, М. Артамонова, С. Руденко и др. Попало и Арциховскому. Характерно, что в вину В. Равдоникасу ставится и работа о готах, написанная в начале 1930-х годов, а М. Артамонову работа о хазарах, написанная в конце 1930 гг., то есть в то время, когда доказывание марровского положения об автохтонности и стадиальности в генезисе народов считалось обязательным, как основа марксистского понимания исторического процесса. Работа же А. Арциховского вышла в первом издании в 1939 г. и, с позиций политических требований того времени, никаких возражений не вызвала^{235).}

Таким образом археологическая литература послевоенного периода снова приобрела острополитический характер, наполнилась ожесточенной критикой как буржуазной археологии так и работ отдельных

234) С. Киселев. Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. Сталина по языкоznанию. КСИИМК, 36. 1951.

П. Третьяков. Промежуточные славян в свете трудов И. Сталина по языкоznанию. ВАН, 8. 1951.

Г. Федоров. Отчет о 2-й сессии ИИМК, посвященной археологии Прибалтики. КСИИМК, 42. 1952.

А. Удалцов. О деятельности ИИМК в свете учения И. Сталина. ВДИ, 3. 1952.

А. Арциховский. О путях преодоления учения Н. Марра в археологии. ВАН, 8. 1951 и КСИИМК 44, 1952.

235) С. Киселев. В. Равдоникас. История первобытного общества II. Л., 1947. КСИИМК, 28. 1949. Также в докладе С. Киселева, указанном в прим. 233. Основные обвинения против В. Равдоникаса повторяются в выступлениях Г. Федорова и других политически руководящих археологов. Рецензия С. Киселева на работу В. Равдоникаса может служить примером критики, принятой в советской науке. Написанная в непозволительном, оскорбительном тоне, она в то же время представляет собою сплошной политический донос. Такие же точно рецензии в начале 1930-х гг., также по поручению партии, писал В. Равдоникас на работы А. Шмидта, Ю. Гольте, М. Семенова-Зусера, того же С. Киселева и мн. др.

советских археологов и требованиями насыщения археологических работ политическим освещением. В этом отношении послевоенная археологическая литература СССР формально очень напоминает литературу периода 1930—34 гг.

В то же время, очевидно, в связи с превращением археологической науки в «одну из самых... политически заостренных наук, служащих задачам сегодняшнего дня», археологическая литература в СССР чрезвычайно расширилась, увеличились тиражи изданий и их распространение. Журналы КСИИМК, СА, ВДИ, издания МИА в большом количестве выбрасываются на книжный рынок и в «буржуазных» странах, очевидно с целью пропаганды.

В передовой статье в КСИИМК уже в 1947 г. подчеркивался значительный размах советских археологических изданий, причем указываются серии КСИИМК, СА, МИА, ВДИ, труды ГИМ, издания Грузинской, Армянской, Украинской и Белорусской Академии Наук, Филиалов АН, а также ряд изданий местных научно-исследовательских институтов, университетов и музеев. Указывается также на издание в СССР монографий, подытоживающих достижения в отдельных областях археологии²³⁶.

Здесь характерно стремление сократить число изданий с археологическими статьями в центре (не указаны СЭ, ВАН, ВИ и др.) и в то же время преувеличить число археологических изданий в провинции, где в действительности постоянные издания по археологии выпускает лишь ИА УССР в Киеве. Такое неправильное представление дается для того, чтобы скрыть проводимую с начала 1930-х годов централизацию археологии и археологических изданий в Москве.

С. Киселев, говоря о расцвете археологической науки в СССР, указывает:

«...подъем издательской деятельности, отражающий развитие научной работы... Цифры по одному только центральному археологическому учреждению, по ИИМК, являются ярким свидетельством этого подъема. В 1946 году было выпущено 48 печатных листов научных работ, в 1947 — 112 печатных листов, в 1948 — 193, в 1949 — 288 и в 1950 — 388 печатных листов. Этот рост непрерывно продолжается»²³⁷.

О росте и развитии советской археологической литературы, на том же пленуме, говорит и Б. Греков, как о больших успехах, достигнутых советскими археологами в послевоенном пятилетии:

«Благодаря их работам стали возможным воссоздание древнейшей истории некоторых народов и выпуск таких обобщающих работ, как вышедшие за последние годы «История Гру-

236) Передовая статья «Советская археология к тридцатилетию великой октябряской революции». КСИИМК, 21. 1947.

237) Доклад С. Киселева, указан. в прим. 213.

зии», «История Армении», «История Якутии», «История Таджикского народа», «История Узбекской ССР» и другие».

К этому надо добавить, что появились даже «Очерки по истории неолитических племен».

Далее Б. Греков сообщает, что из вышедших работ сталинскими премиями награждены: археологические работы Б. Куфтина на Кавказе, монография Б. Пиотровского «Урарту», Б. Рыбакова «Ремесло древней Руси», С. Киселева «Древняя история Южной Сибири», С. Толстова «Древний Хорезм», исследование Т. Пассек «Периодизация Трипольских поселений», коллективный труд А. Окладникова, М. Гремяцкого и М. Нестурха «Тешик-Таш», этнографо-археологическое исследование Л. Потапова «Очерки по истории алтайцев».

К этому списку премированных работ надо прибавить еще сборник статей в двух томах «Культура древней Руси».

Почти все премированные работы изданы в послевоенном периоде.

Основными периодическими изданиями по археологии в СССР остаются те же, которые выходили и в предвоенное время. Теперь они выходят вполне регулярно. КСИИМК значительно увеличились в объеме и окончательно приобрели характер правительственно-партийного официоза.

С 1939 г. по 1941 включительно вышло 12 выпусков. В послевоенное время КСИИМК выходит по 6-ти выпусков в год и к 1954 г. порядковое число выпусков дошло до 51.

МИА в 1940—41 гг. вышли в количестве 4-х выпусков. В 1952 г. порядковое число выпусков дошло до 32. ВДИ с 1936 до 1941 г. выпущен в количестве 7-ми томов, а второй том за 1952 год является уже 53-м по порядку. Также регулярно выпускается ежегодно Советская Археология (СА). Отдельные статьи по археологии печатаются и в целом ряде других периодических изданий, в Советской Этнографии, Вестнике Академии Наук, Докладах Академии Наук, Вопросах Истории и др.

Основными изданиями ИА УССР после войны является периодический сборник «Археология».

Наряду с «Археологией» ИА начал издавать и сборники «Археологические памятники УССР» с отчетами и краткими сообщениями о полевых исследованиях. Первый том, как и следовало ожидать, посвящен славянским древностям²³⁸.

Характерно, что издания ИА УССР, как и провинциальные вообще, не попадают в состав советской археологической литературы, выбрасываемой на иностранный книжный рынок. Подбор этой литературы, рассчитанной на «буржуазные страны», обусловлен исключительно пропагандным значением изданий.

238) Обзоры «Археология» в ВДИ, 4. 1948; ВДИ, 8. 1951 и ВДИ, 2. 1952. Обзоры «Археологических памятников УССР» в ВДИ, 1. 1952.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ РУКОВОДСТВА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

В послевоенное время, в связи с создавшимся международным положением и приданием археологической науке острополитического и пропагандного значения, особенно усилилась централизация политического руководства всей археологией, ее направлением исследовательскими работами и литературой.

Эта централизация, начатая еще с начала 1930-х гг., выразилась, прежде всего, в ликвидации ЛОИИМК, которое до последнего времени сохраняло полную автономию. Поводом послужило выступление Сталина по вопросам языкоznания.

На пленуме ЛОИИМК в конце 1950 г., посвященном проведению в жизнь указаний Сталина в его выступлении, выступила приехавшая из Москвы руководящая сейчас политикой археологии троица, в составе А. Монгайта, С. Киселева и Г. Федорова.

Москвичи подвергли жесточайшей критике и нападкам почти всех членов ЛОИИМК, его председателя А. Окладникова, особенно же В. Равдоникаса и Бернштама, и, наконец, все учреждение в целом. ЛОИИМК был обвинен в культе «марризма», в том, что пленум по такому важнейшему вопросу, как выступление Сталина с требованием ликвидации марризма, был созван с большим опозданием и в том, что большинство руководящих членов ЛОИИМК, как и сам председатель, особенно же Бернштам, не только не признали сразу своих ошибок, но пытались защищать некоторые позиции Марра, или протащить его положения контрабандой, а Бернштам заявил о возможности применения некоторых положений Марра без упоминания его имени, то есть призывал к прямому обману.

В результате этого пленума, постановлением президиума АН СССР ЛОИИМК был лишен автономии, в результате чего его члены превратились просто в группу членов ИИМК, живущих в Ленинграде.

Так закончилась почти столетняя борьба, которая велась между двумя центрами — Ленинградским и Московским, сначала между Императорской Археологической Комиссией и Императорским Археологическим Обществом в Москве, затем, после революции, между ГАИМК и РАНИОН, а после расформирования РАНИОНа — между ЛОИИМК и МОГАИМК.

До самого выступления Сталина в 1950 г. более сильным в научном отношении являлся Ленинградский центр. Но уже с переводом в Москву правительства и ЦК партии и организацией там ИИМК, можно было ожидать дальнейшего укрепления этого центра. Теперь он уже сделан не только руководящим, но и единственным.

С бегством большинства украинских археологов во время войны заграницу и заменой их русскими археологами и назначением из Москвы нового директора ИА УССР, последний фактически превра-

тился в отделение ИИМК. В то же время в Львове открыто отделение ИА УССР.

Целям централизации идейного руководства служат — также Пленумы ИИМК и объединенные сессии Отдела истории и философии АН и пленума ИИМК, созываемые по несколько раз в год, причем на последних присутствуют представители научно-исследовательских учреждений из провинции. До войны Пленумы ИИМК созывались обычно один раз в начале года и на них ставились почти исключительно доклады о проделанных за предыдущий год полевых исследовательских работах. Совместные же съезды сессии АН и ИИМКа вообще не практиковались раньше. Теперь на этих объединенных съездах с участием представителей провинции заслушиваются отчеты о проделанной археологической работе и ставятся доклады руководящего политического значения.

Целям дальнейшей централизации идейного руководства служит сосредоточение в Москве массовых археологических изданий и чрезвычайное увеличение их тиража.

Произошли крупные изменения в составе руководителей археологических учреждений. В 1953 г. после смерти академика Б. Грекова, бывшего в последние годы директором ИИМК, на его место был назначен М. Дьяконов, иранист, филолог, работавший по материальной культуре Ирана. В археологической же литературе он неизвестен. До войны работал в ИВАН и официально считался беспартийным, но в то же время, как говорят лица, работавшие с ним, он был уполномоченным НКВД по политическому наблюдению в ИВАН. Если это так, то назначение М. Дьяконова приходится рассматривать как усиление политического надзора в археологических учреждениях и подчинение их в порядке этого надзора непосредственно МГБ.

В Институте Археологии УССР в Киеве снят с должности Л. Славин, организовавший этот Институт и руководивший его работой 15 лет. Л. Славин выдающийся организатор и администратор, сумел создать такой Институт и так его поставить, что он еще до войны во многих отношениях превзошел ИИМК. Так ИА провел ряд археологических конференций тематических, которые имели всесоюзное значение и на них съезжались археологи, антропологи и геологи четвертичники из Москвы, Ленинграда и провинций. Таких конференций ни ИИМК, ни ЛОИИМК организовать в то время (1938—41) не могли. Вообще Л. Славин проявлял в работе большую инициативу и самостоятельность. В порядке дальнейшей централизации руководства на место директора ИА УССР назначен престарелый член ИИМК П. Ефименко, который никогда не был ни организатором, ни руководителем. Таким образом ИА фактически лишен самостоятельности и превращен в отделение ИИМК. Это положение усугубляется и тем, что в последнее время все работы на Украине ведут русские археологи — Г. Федоров, Т. Пассек, М. Артамонов и др.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ АРХЕОЛОГОВ

Состав советских археологов, особенно за последние 10 лет, главным образом, в связи с войной и ее последствиями потерпел очень большой урон, который едва ли может быть скоро возмещен.

Советская власть призвала на фронт археологов, совершенно не считаясь с их относительно редкой научной специальностью и тем, что подготовка научных работников требует много средств и времени.

Еще во время советско-финской войны был призван на фронт молодой археолог **С. Аносов**. Он был убит на финском фронте в первые же дни войны. Также на фронте советско-германском были убиты **А. Круглов, Ю. Подгаецкий и Б. Деген-Ковалевский**. В Ленинграде случайным снарядом был убит **Е. Кричевский**. Умер от голода во время осады Ленинграда **С. Жебелев**. «Избрали свободу» и эмигрировали заграницу — из Ростова проф. **М. Миллер**, из Киева проф. **Б. Петров, В. Козловская**, проф. **П. К., Н. Кордыши, П. Безвентглинский** и нумизмат **Е. Шугаевский**. Из Львова проф. **Я. Пастернак**, из Риги проф. **Э. Штурмс**.

Попал в эмиграцию также молодой украинский археолог **А. Черныш**. Он служил в армии Власова и затем вращался в кругах украинских научных работников и, особенно, археологов. В 1948 г. **А. Черныш** исчез и затем появился уже в СССР, где снова начал работать как археолог и с 1949 г. печатать свои публикации. Приходится думать, что пребывание **А. Черныша** в армии Власова и в эмиграции было согласовано с соответствующими советскими органами и он, будучи здесь, выполнял специальное задание.

Из русских археологов бежал лишь один воспитанник ГАИМКА, попавший на территорию, занятую немцами. Археологи Москвы, Ленинграда и Крыма были принудительно эвакуированы в Вятку и Среднюю Азию. По целому же ряду имеющихся сведений можно думать, что если бы эти меры не были приняты и если бы русские археологи, подобно украинским, оказались на территории занятой немцами, то и из них значительная часть ушла бы на свободу. Так, престарелый **С. Жебелев** оставался в Ленинграде, как и многие другие, в расчете на то, что Ленинград будет занят немцами. Несколько раз его пытались вывезти на аэроплане, но он каждый раз уклонялся под предлогом болезни. Имеются и другие сведения о настроениях в то время советских археологов, не подлежащие пока оглашению.

Особенно большое количество советских археологов умерло в послевоенное время, причем большинство в расцвете лет и сил. Можно думать, что средняя продолжительность жизни советских археологов вдвое ниже продолжительности жизни т. н. буржуазных археологов. Так из более известных ученых после войны умерли **В. Городцов, М. Воеводский, Г. Бонч-Осмоловский, А. Якубовский, В. Гольмстен, Г. Сосновский, П. Дмитриев, М. Иващенко, Н. Прокошев, Я. Гуммель, А. Динцес, И. Бортвин, С. Джанашти, В. Смирнов, Е. Рыдзевская**

и ряд других, менее известных, главным образом провинциальных археологов. Б. Лунин (Ростов н/Д.) с начала войны совершенно отошел от археологической работы.

Таким образом потери советских археологических кадров за время войны и после войны надо считать в количестве до четырех десятков. В то же время, очевидно в связи с войной, были возвращены из ссылки и начали работать на Украине престарелый М. Рудинский и В. Гринченко. Приобрели советы также М. Смишко, остававшегося в Львове, и К. Моора в Риге.

Несмотря на массовую подготовку в СССР ученых археологов в археологических институтах и в аспирантуре и на затраты на эту подготовку очень больших средств, кадры научных работников пополняются крайне медленно. Научная карьера в области археологии с повышенными политическими требованиями к работе, становится в СССР малопривлекательной и опасной. Повидимому большинство молодых археологов предпочитает уходить на более спокойную работу в музеях или в качестве преподавателей, т. к. советские археологи специализируются в этой науке на широкой базе исторических наук и являются в то же время историками.

Археологическая литература в отдельных мелких статьях пестрит большим количеством неизвестных имён, носители которых однако не выделяются и не перерастают в более крупных ученых. Крупнейшими археологами СССР являются и до сих пор ученые, сформировавшиеся в Ленинградском и Московском центрах в 1920-х годах. Среди руководящих археологов послевоенного времени выдвинулось лишь два относительно молодых ученых — А. Монгайт и Г. Федоров, но и они оба были известны уже в 1930-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате обзора истории развития археологической науки в СССР и ее положения в настоящее время можно сделать следующие выводы.

Археологическая наука в СССР, начиная с 1935 года, находилась и находится в условиях несравненно более благоприятных для развития, чем в странах свободного мира. Такое положение обусловлено тоталитарным строем СССР, при котором финансы, научные учреждения и планирование всех работ — полностью централизованы. Эта централизация дает возможность неограниченного финансирования всех научных работ и в то же время подчинения их единой идеологии и единому руководству, осуществляемому в СССР коммунистической партией.

С начала 1930-х гг. археология была поставлена на службу партии и выполнения ее задач, чем была превращена в науку политического значения. В послевоенное время компартия еще более выдвинула ар-

хеологию в качестве одной из наиболее острополитических и ведущих наук. В связи с этим на развитие и расширение археологии, полевых исследовательских работ и археологической литературы ассигнуются большие средства, которые непрерывно увеличиваются вместе с широком проводимым премированием лучших работников, повышением лучших научных работников в рангах и другими способами поощрения.

О темпе роста археологических работ можно судить хотя бы потому, что, например, ИИМК, уже буквально на второй день после войны, летом 1945 г. провел 25 археологических экспедиций, охвативших весь СССР. В 1946 г. число экспедиций возросло до 31, а в 1947 достигло 36.²³⁹⁾ Из открытых, имеющих наибольшее научное значение, можно указать на следующие:

На Кавказе, в Средней Азии, на Волге и на Днестре открыты места нахождения шелльских и ашельских памятников, а также и новых верхнепалеолитических стоянок.

Из памятников неолита наибольший интерес представили торфяниковые стоянки в Прибалтике, Вологодской области и на Урале. Большие успехи достигнуты в изучении памятников Трипольской культуры, а также в исследовании памятников энеолита и бронзового века на Кавказе и в Сибири.

Значительно продвинулось вперед изучение античных государств и городов Северного Причерноморья.

Успешно проводились исследования археологических памятников в Средней Азии на территории Хорезма и в древней Парфии. В области Скифо-сарматской культуры большие результаты дало изучение Скифского царства в Крыму и раскопки больших Алтайских курганов.

Много новых материалов собрано по истории Средней Азии в Хорезме, Таджикистане, Киргизии, Казахстане и Туркменистане, а также в средневековых центрах Закавказья (Раскопки Ганджи в Азербайджане, Двина в Армении и Дманиси в Грузии).

Наибольшие же успехи достигнуты в вопросах происхождения восточного славянства. Особенно обширные исследования были произведены по древнерусским городам²⁴⁰⁾.

Это представление о развитии советской археологии относится к 1946—1950 г. За последующие годы количество археологических экспедиций и размах исследовательских работ продолжали расширяться.

Что касается методологии советской археологической науки с ее академической стороны, определяющей задачи археологии, значение и понимание археологического памятника, с вытекающей отсюда методикой его изучения, то основные положения последнего времени сводятся к следующему:

239) Из доклада С. Киселева, указан. в прим. 213.

240) Из доклада С. Киселева, указанного в прим. 213.

«Советская археология является неотделимой частью марксистско-ленинской исторической науки... Советские археологи главным в своей деятельности считают воссоздание древней истории во всей ее многогранности и прежде всего изучение состояния производительных сил, экономики общества, его социальных, политических и культурных особенностей»...²⁴¹).

«Советские ученые рассматривают любой археологический памятник как результат трудовой деятельности человека. Изучая вещь, мы познаем историю человеческого общества... Советская археология анализирует археологические факты с целью восстановить материальные условия жизни общества, общей картины исторического процесса и его закономерностей. Археология есть составная часть исторической науки, изучающей прошлое человечества по вещественным историческим источникам»²⁴²).

«Советская археология в отличие от буржуазной занимается не отдельными частными раскопками в соответствии с интересами отдельных ученых, но всецело подчинена исследованиям, направленным на разрешение проблем истории племен и народов нашей родины. Поэтому основной задачей советской археологии является исследование археологических памятников с целью выяснения основных вопросов исторического процесса — истории производительных сил данного общества, особенностей состояния и развития экономического базиса, характера отношений его базиса и надстройки, своеобразия и изменений в базисе, особенностей развития культуры этого общества и истории его взаимоотношений с соседними племенами и народностями...»

Раскопки — это средство выяснения реальной жизни прошлого во всем ее своеобразии, развитии и внутренних связях»²⁴³).

Как видно из этих высказываний о задачах и методах советской археологии, приведенных в разных вариантах, они совпадают в основных положениях, которые и представляют собою «марксистское понимание задач археологии». Однако эти положения определяют лишь академическое понимание археологии. И ограничение этими задачами представило бы проявление «бездейного объективизма», который беспощадно преследуется в СССР. Всякая наука в СССР, в том числе и археология, прежде всего, должна быть партийной, т. е. не только отражать задачи коммунистической партии, но и проводить их в жизнь путем пропаганды.

В результате, если понимание значения памятника в СССР стоит на большой высоте, то вся археологическая литература, как и все конференции, сессии и пленумы представляют собою в основном — остро-политическую пропаганду.

241) Доклад А. Монгайта, указанный в прим. 222.

242) А. Евтихова и Б. Колчин. О некоторых методических приемах археологических исследований в СССР. ВАН, 5. 1952.

243) Работа указанная в прим. 230.

Пропаганда состоит прежде всего из грубой, подхалимской лести по адресу И. Сталина (до начала 1953), который именуется не иначе, как «величайший корифей мировой науки», «величайший ученый всех времен и народов» и т. д. После смерти Сталина, в связи с новой политикой руководства партии, имя Сталина исчезло из пропаганды и он перестал быть величайшим ученым. Следующим элементом идет восхваление партии и правительства, посвящающих столько внимания и дающих такие возможности для развития советской археологии. Затем восхваление советской археологии и ее достижений. Этим заканчивается пропаганда славословящая и начинается пропаганда хулящая. Последняя состоит прежде всего из беспощадной критики «буржуазной» археологии и, конечно, в первую очередь, американской, а вместе с тем и яростных нападок на археологов свободных стран. В этой части пропаганды применяются наиболее грубые слова и выражения, не принятые ни в научном, ни в литературном языке демократических стран. Заканчивается пропагандная программа также беспощадною критикою и бранью по адресу уже некоторых советских археологов, по обвинению их в «марризме» и подчинении влиянию буржуазной археологии. В этом случае в интенсивности критики соблюдается известная градация, в зависимости от степени ошибок обвиняемого. В случаях тяжелой вины, брань по адресу провинившихся почти достигает степени брани по адресу Америки.

В этой части археологической литературы заключается партийная и политическая задача советской пропаганды и это «политическое заострение» особенно усилилось в советской археологии в послевоенном периоде и еще более с 1950 г., после «всемирно исторического» выступления Сталина по вопросам языкоznания.

Политическою пропагандою наполнены все выступления на археологических конференциях, пленумах и сессиях. Этю же пропагандою насыщена и вся археологическая литература послевоенного времени. Таким образом советская археология полностью поставлена на службу партии и правительства и, выполняя их задачи, лишь отговаривается от археологического материала для политических построений, в результате чего все более и более превращается в орган советской пропаганды. В качестве же органа пропаганды археологическая литература выполняет основную задачу, подготовку населения СССР к войне с свободными странами, в первую очередь с США. Подготовка к войне складывается из двух моментов: оформления и развития русского национально-советского патриотизма и возбуждения ненависти против Америки.

Эти основные пропагандные задачи, которым подчинена советская наука, необходимо иметь в виду при ознакомлении с советской археологией. Широко поставленная исследовательская работа, большие результаты, развитие литературы и в то же время обязательный острополитический характер и подчинение всех статей определенным партийным требованиям приводят к тому, что во всех этих работах, даже

наиболее описательного характера, их выводы и заключения, а иногда даже и самое изложение, подчинены определенной тенденции. Поэтому, даже к описательной части работ приходится подходить с большой осторожностью, выводы же совершенно не достоверны, так как они, в обязательном порядке, лишены «бездейной объективности». Выводы определяются не исследованием материала и ростом знаний по данному вопросу, а заранее выдвинутым «социальным заказом партии». Причем, как это легко проследить на развитии археологии в СССР, эти заказы нередко меняются. В зависимости от изменения генеральной линии партии, тотчас же меняются и программные установки в археологии. Достаточно вспомнить, как насаждался в археологии, по директивам партии, марризм. Научных работников, которые в то время недостаточно быстро «перековывались» на марризм или не проявляли восторга перед учением Марра, подвергали жестоким нападкам и преследованиям. За недостаточно радостное принятие и понимание марризма в свое время были исключены из действительных членов ГАИМК такие ученые, как В. Городцов, А. Спицын и академик Бартольд. Мелкие работники подвергались гораздо более жестоким преследованиям и многие из них попали в Сибирь. 30 лет продолжалось насилиственное внедрение марризма в археологию. Теперь же Сталин объявил марризм «лишь грубой вульгаризацией марксизма» и целым рядом других, более резких определений. Если это действительно так, если марризм на самом деле противоречит марксизму и тормозит развитие науки, то почему же тот же Сталин молчал об этом 30 лет, а компартия всеми силами, в принудительном порядке, заставляла внедрять марризм в науку? И именно те ученые, которые оказались наиболее преданными партии и десятки лет ревностно проводили идеи Марра, беспощадно критикуя и разоблачая тех, которые этими идеями недостаточно проникались, были объявлены вредителями и преступниками в идеологии и науке.

Таким образом из общего обзора истории развития археологической науки в России и СССР видно, что археология развивалась более или менее нормально до 1930 г. С 1930 до 1935 г. была создана новая «советская археология» на основе марксистского понимания истории. С 1935 г. и до войны археология в СССР все более и более отклонялась от политических требований партии и приобретала академический характер. Наконец, после войны произошел наиболее крутой и резкий поворот. Археология была объявлена острополитической наукой, подчинена партийным задачам и превратилась в орган пропаганды внутренней и внешней. В порядке вытекающих отсюда заданий в советской археологии началась подтасовка фактов и искажения давно общепринятых положений, не вызывавших сомнений. Поэтому к выводам и декларациям современной археологии в СССР приходится относиться с крайней осторожностью, так как они часто строятся на фактах, фальсификация которых начинается уже с момента их установления советскими археологами.

Professor M. A. Miller

ARCHEOLOGY IN THE USSR

Summary

"Archeology in the USSR" is divided into five sections. The first deals with the origins and the development of archeology in Russia prior to the revolution; the second with archeology in the USSR during the NEP period (1922—1929); the third describes the revolution that occurred in archeological science between 1930 and 1934; the fourth deals with the prewar period (1935—1941); and the fifth is devoted to Soviet archeology in the postwar period (1945—1953).

I. The first ancient relics were excavated in the early eighteenth century. At that time, however, their scientific value was not sufficiently appreciated, the motives for excavating them being either predatory or simple curiosity.

During the first half of the 19th century excavations began to be motivated by genuine scientific interest but the techniques were still rather crude. In the latter half of the 19th century more excavations were made and they covered a broader area. Attempts were made to systematize findings. At the beginning of the 20th century there was further expansion of field expeditions, an improvement in methodology, and an increase in the influence of Western European science. The first attempts at drawing conclusions from findings were made.

II. Conditions under the NEP fostered the further development of archeology and, particularly, the establishing of numerous local archeological organizations for regional studies. The Communist Party did not interfere with science during this period and the basic schools and trends of Soviet archeology acquired their final form: the Formalistic school, formed primarily under the influence of Montelius and Dechelette; the Kladokatel (treasure seeking) trend, the most conservative, expressing the oldest theories on archeology and its aims; Kurgan (tomb excavating) trend, which arose from dilettante excavations; the Estheticizing trend, which was formed under the influence of European science and considered the study of art relics to be foremost in archeology. Also under the influence of European science several new theories arose during this period. They included the theories of cultural circles, cycles, diffusions, modernization, migration and eclecticism, as a mixture of different and often contradictory viewpoints and of nationalistic trends, characteristic of the USSR. The race theory also found re-

flection. Scientific relations with Europe were unrestricted. During the NEP period there were as yet no traces of Marxian influence on science.

III. Between 1930 and 1934 the Communist Party and the Soviet government made "the extensive socialist offensive on all fronts", including science and therefore, archeology. All local and provincial archeological establishments were liquidated and their leaders and most active members were exiled. At the same time the central archeological institutions were also destroyed — the State Academy of the History of Material Culture in Leningrad, the Russian Association of Scientific Research in Moscow and the All-Ukrainian Archeological Committee in Kiev. Almost all the prominent archeologists of the old school were exiled. The very word archeology was prohibited and "history of material culture" was substituted for it. All connections with Europe were broken. European and Russian archeology were subjected to severe criticism. Polemics on the purposes of Soviet archeology gave it, too, a Marxist basis.

IV. The period from 1935 to 1941 was distinguished from the preceding period by an increase in the demands made on scientific research, scientific literature and the scientists themselves. Soviet archeology, which was to have Russian national patriotism, had to overtake and surpass European archeology. Archeological publications expanded and journals were published regularly. Young archeologists, some of whom were members of the Party and the Komsomol, received the leading positions in science and in projects. Party cells arose in the central archeological establishments. The complex of archeological organizations, together with the planning of their work, was reorganized and centralized, and the tasks of the Party became the basis of all archeological work.

V. The USSR's political tasks in the postwar period (1945—1953) determined the tasks of archeology, which was completely transformed into an instrument of Party propaganda. The basic task of the postwar period is the preparation for the next world war. The assignments of Soviet archeology are therefore: 1) to develop Russian national patriotism; 2) to select archeological materials proving the historical right of the Russian people to the regions seized or subjugated in the West by the USSR; 3) violent attacks on bourgeois archeology, primarily that of the United States, then Germany and England, accusing archeology in those countries of "imperialism", "racism", "warmongering" etc. On the home front there is equally war going on against signs of "deracinated cosmopolitanism", groveling before the West" and the theory of Marr. Archeological literature is again acquiring a political character. All archeological organizations, leaders in science, its trends and projects are becoming completely centralized under the direct supervision and instruction of the Central Committee of the Party.

As a result of the complete submission of Soviet archeology to the political tasks of the Communist Party, a shuffling of facts and a distortion of long-established beliefs has begun in this science. Therefore, one must approach the conclusions and declarations of contemporary Soviet archeology with extreme caution since they often are based on facts which have been falsified from their very roots.

Prof. M. Miller

DIE ARCHAEOLOGIE IN DER UdSSR

Zusammenfassung

Die mit „Archäologie in der UdSSR“ betitelte vorliegende Arbeit besteht aus fünf Teilen:

1. Entstehung und Entwicklung der Archäologie in Rußland bis zur Revolution 1917;
2. Die Archäologie in der Sowjetunion zur Zeit der NOP (1922—1929);
3. Die Revolution in der Archäologie (1930—1934);
4. Die Vorkriegsperiode (1935—1941);
5. Die Archäologie in der UdSSR in der Nachkriegszeit (1945—1953).

I. Die Entstehung und Entwicklung der Archäologie im Vorrivolutions-Rußland stelle man sich folgendermaßen vor: Beim Anbruch und im Verlauf des ganzen XVIII. Jahrhunderts finden Ausgrabungen und Erwerbungen statt, ohne daß man sich über den wissenschaftlichen Wert der Objekte Rechenschaft ablege. Die Ausgrabungen erfolgen aus eigennützigen Motiven — räuberische Absichten waren nicht selten — und aus Neugier.

In der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts sind die Ausgrabungen von echtem wissenschaftlichen Interesse getragen, es fehlt jedoch an wissenschaftlicher Methodik. Der Umfang der Ausgrabungen und ihr Ausbreitungsgebiet ist im ständigen Wachstum begriffen. Das Studium der Denkmäler wird akademisch betrieben und ist mit Systematisierungs- und Chronologisierungsbestrebungen verbunden. Zu Beginn des XX. Jahrhunderts wird das Forschungsgebiet weiterhin erweitert, die Methodik vervollkommen; es macht sich der Einfluß westeuropäischer Wissenschaft bemerkbar und es erfolgen die ersten Versuche einer Synthese.

II. Das NOP-System förderte die fernere Entwicklung archäologischer Arbeit, insbesondere diejenige zahlreicher heimatkundlicher und archäologischer Organisationen in der Provinz. Zu jener Zeit griff die kommunistische Partei nicht in die Wissenschaft ein, so daß die Grundrichtungen — und Schulen der Archäologie, die in Rußland entstanden waren, ihre endgültige Form erhalten konnten: die formalistische Schule, die sich hauptsächlich unter dem Einfluß von Montelius und Déchelette gebildet hatte, die schatzsuchende Richtung — konservativsten Charakters — welche die ältesten Vorstellungen über Archäologie und ihre Aufgaben widerspiegelte, die Hünengräber-Schule, die auf dilettantische Ausgrabungen zurückzuführen war, die aesthetizende — unter westeuropäischem Einfluß — entstanden. Das Studium von Kunstdenkmälern

wurde als Hauptaufgabe betrachtet. Ferner sind zu verzeichnen: Die Kulturkreis-Theorie, die Kreislauf-Theorie, die Fusions-, Modernisierungs- und Migrations-Theorien, alle unter west-europäischem Einfluß, — endlich der Eklektizismus, als Vermengung verschiedener, oft widersprechender Thesen, und die für die UdSSR charakteristische nationalistische Richtung. Spuren der Rassen-Theorie waren ebenfalls festzustellen. Wissenschaftliche Beziehungen zu Europa durften frei gepflegt werden, eine marxistische Beeinflussung der Wissenschaft war nicht zu verzeihen.

III. 1930—1934 beginnt der „sozialistische Frontalangriff“ von Regierung und Partei, von dem die Wissenschaft, auch die Archäologie betroffen wurde. Alle heimatkundlichen und archäologischen Institute in der Provinz wurden geschlossen, die Leiter und aktivsten Arbeiter deportiert. Gleichzeitig wurden die zentralen archäologischen Institute — die staatliche Akademie für die Geschichte materieller Kultur in Leningrad, die Gesellschaft wissenschaftlicher Forschungsinstitute in Moskau und das Ukrainische archäologische Komitee in Kiew demoliert. Selbst das Wort „Archäologie“ wurde verboten und vom Ausdruck „Geschichte der materiellen Kultur“ ersetzt. Die Verbindung nach Europa wurde unterbrochen, die russische und europäische Archäologie einer scharfen Kritik unterzogen. Die Polemik über Einstellungs- und Aufgaben-Probleme der sowjetischen Archäologie wurde im marxistischen Sinne untermauert.

IV. Die Periode 1935—1941 unterschied sich von der vorhergehenden durch erhöhte Anforderungen, welche sowie an die wissenschaftliche Forschungsarbeit als auch an die Arbeiter gestellt wurden. Die sowjetische Archäologie hat die europäische einzuholen und zu überholen. Gleichzeitig werden die Aufgaben des russischen Patriotismus betont. Die Auflagen archäologischer Werke wachsen, die einschlägigen Zeitschriften erscheinen regelmäßig. Junge Archäologen, zum Teil Parteimitglieder und Jungkomunisten, erhalten leitende Stellungen. Parteizellen werden in archäologischen Zentralinstituten gebildet. Eine Reorganisation und Zentralisierung archäologischer Institutionen wird durchgeführt, ihre Arbeit einer Planung und, schließlich, die Archäologie selbst den Parteizügen unterworfen.

V. Die politischen Aufgaben der UdSSR in der Nachkriegszeit (1945—1953) werden auch für die Archäologie, die völlig zum Werkzeug der Parteipropaganda herabgewürdigt wird, richtunggebend. Die Hauptaufgabe der Nachkriegszeit ist — Vorbereitungen zum nächsten Weltkrieg zu treffen. Im Rahmen dieses Planes lauten die von der kommunistischen Partei an die Archäologen gestellten Aufgaben folgendermaßen: 1. Förderung des russisch-nationalen Patriotismus; 2. Die Auswahl archäologischen Materials, mittels dessen ein historisches Anrecht des russischen Volkes auf die annektierten oder von der UdSSR unterjochten westlichen Gebiete nachgewiesen wird; 3. Heftige Angriffe gegen die „bürgerliche“ Archäologie, in erster Linie der USA, sowie der deutschen und englischen, und die Behauptung, daß die Archäologie in diesen Ländern imperialistische, rassische und kriegsfördernde Ziele verfolge; 4. Kampfansage an der inneren Front an das bei einigen Archäologen festzustellende „heimatlose Weltbürgertum“, an deren Servillismus dem Westen gegenüber und an ihre Ergebnheit.

den Marr'schen Theorien. Die Archäologie-Literatur erhält aufs Neue einen politischen Anstrich. Es folgt die endgültige Zentralisierung aller archäologischer Institutionen, ihrer Leitung, ihrer Richtung und Arbeit unter der unmittelbaren Aufsicht und auf Grund von Anweisungen des Zentralkomitees der kommunistischen Partei in Moskau.

Die vollständige Unterordnung der Sowjet-Archäologie der kommunistischen Zielsetzung hat eine tendenziöse Umstellung geschichtlicher Tatsachen und eine Verzerrung längst anerkannter Gegebenheiten zur Folge. Deswegen sind die Schlüsse und Thesen der modernen Sowjet-Archäologie mit Vorsicht aufzunehmen: sie beruhen oft auf Tatsachen, deren Verfälschung mit dem Augenblick ihrer Feststellung beginnt.

M. Miller, professeur en archéologie

L'ARCHEOLOGIE EN URSS

Resumé

Le présent travail, intitulé "L'archéologie en URSS" contient cinq parties:

1. L'origine et le développement de l'archéologie en Russie jusqu'à la révolution de 1917;
2. L'archéologie en URSS pendant la période de la NEP (nouvelle politique économique) (1922—1929);
3. La révolution dans l'archéologie (1930—1934);
4. La période d'avant-guerre (1935—1941);
5. L'archéologie en URSS après la guerre (1945—1953).

On peut se représenter l'origine et le développement de l'archéologie en Russie préévolutionnaire comme suit: au début et au cours du XVIIIe siècle entier des fouilles ont lieu et on fait de nouvelles acquisitions, mais on ne se rend pas compte de la valeur scientifique des objets. Les fouilles ont un caractère purement égoïste et sont provoquées surtout par la curiosité.

Les fouilles des 50 premières années du XIXe siècle sont accompagnées d'un véritable intérêt scientifique, mais il leur manque la méthode. Le nombre des fouilles et leur extension croissent continuellement. Les études sur les monuments sont dirigées scientifiquement et ont tendance à systematiser et à ordonner les matériaux dans l'ordre chronologique. Au début du XIXe siècle le domaine des recherches continue à s'élargir encore, les méthodes se perfectionnent, l'influence de la science européenne se fait sentir et les premiers essais d'une synthèse ont lieu.

II. Le système de la Nouvelle Politique Economique (NEP) encourageait les travaux archéologiques, surtout les nombreuses organisations pour les études ethnographiques et archéologiques en province. Pendant ce temps là, le parti communiste ne s'occupait pas de la science; de cette façon les tendances et les écoles principales d'archéologie, créées en Russie, pouvaient recevoir leur forme définitive: l'école formaliste, qui s'était formée sous l'influence de Morielius et de Déchelette; l'école des chercheurs de trésors — de caractère conservateur — qui reflétait les idées les plus anciennes sur l'archéologie et ses tâches; l'école de Kourganés, résultant des fouilles dilettantes; l'école esthétique, formée sous l'influence de l'Europe de l'Ouest. Les études des monuments d'art ont été considérées comme la tâche principale. De plus sont à mentionner: la théorie des cercles culturels, la théorie du développement cyclique, la théorie du diffusionisme, de la modernisation et de la migration, enfin, l'éclectisme — mélange de thèses différentes, souvent contradictoires — et la tendance nationaliste, caractéristique pour l'URSS. On pouvait constater un certain reflet de la théorie raciste. Des rapports scientifiques libres avec l'Europe étaient possibles; on ne pouvait remarquer aucune des traces de l'influence marxiste sur la science.

III. De 1930 à 1934 commence dirigée par le gouvernement et le Parti "l'attaque socialiste sur un large front", attaque dirigée contre la science, l'archéologie inclue. Toutes les institutions ethniques et archéologiques provinciales furent fermées, les directeurs et les collaborateurs les plus actifs furent déportés. Simultanément tous les instituts centraux d'archéologie — l'Académie pour l'étude de la culture matérielle à Leningrad, l'Association des instituts de recherches scientifiques à Moscou et le Comité archéologique ukrainien à Kiev furent dissous. Même le mot "archéologie" fut interdit et remplacé par l'expression "histoire de la culture matérielle". Les rapports avec l'Europe furent interrompus et l'archéologie russe et européenne soumise à une critique sévère. On posa les fondements de la politique concernant les problèmes d'orientation et de tâches de l'archéologie soviétique dans le sens marxiste.

IV. L'époque de 1935 à 1941 différa de la précédente par des exigences élévées, qui s'adressaient tant au travail scientifique qu'aux travailleurs. L'archéologie soviétique fut obligée de rattrapper l'europeenne et même de la dépasser. Simultanément on attacha une grande importance au patriottisme russe. Le tirage des œuvres archéologiques croît et les périodiques paraissent régulièrement. De jeunes archéologues, partiellement membres du parti et de la jeunesse communiste, ont été mis à la tête des institutions en question. Des cellules du parti ont été créées dans les institutions archéologiques centrales. Une réorganisation et centralisation des institutions archéologiques ont été réalisées, leur travail fut planifié, enfin, l'archéologie même fut subordonnée aux buts du parti communiste.

V. L'une des tâches politiques de l'URSS d'après-guerre (1945—1953) fut de réglementer aussi l'archéologie, transformée en instrument aveugle de propagande du parti. La tâche suprême de la période d'après-guerre réside dans la préparation d'une nouvelle guerre mondiale. Les tâches

données à l'archéologie par le parti communiste sont: 1. L'encouragement du patriotisme russe; 2. Le choix de matériaux archéologiques à l'aide desquels on peut prouver le droit du peuple russe d'annexer les territoires de l'Ouest; 3. Les attaques violentes contre l'archéologie "bourgeoise", en premier lieu des Etats-Unis, puis de l'Allemagne et de l'Angleterre, et l'affirmation, que ces pays poursuivent des buts impérialistes, racistes et militaristes. 4. La lutte engagée contre le "cosmopolitisme sans patrie" de quelques archéologues russes et contre leur servilité à l'égard de l'Ouest et des théories de Marr.

La subordination totale de l'archéologie soviétique aux buts communistes conduit à une dénaturation des faits et à la fausseté des postulats acceptés depuis longtemps. C'est pourquoi on doit se méfier des déductions et des déclarations de l'archéologie soviétique, car elles se basent sur des faits, dont la falsification commence dès leur origine.

**КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРИАЛОВ
ПО ВОПРОСАМ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**
(статьи, сборники, монографии)

ПАЛЕОЛИТ:

П. Борисковский: 1. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. Вестник ЛГУ, 1948, 2; 2. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950;

М. Паничина: 1. Памятники нижнего палеолита на территории Армении. КСИИМК, 24, 1949; 2. Палеолит Армении. Л., ГЭ, 1950;

А. Окладников, Н. Мерперт и М. Нестурх. Тешик-Таш. Первобытный человек;

А. Смирнов и Н. Мерперт. Археологические работы на строительстве Куйбышевской ГЭС. ВАН, 1951, 10;

А. Черныш. Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре. КСИИМК, 32, 1950.

НЕОЛИТ:

А. Брюсов: 1. Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере европейской части СССР. МИА, 20, 1951; 2. Очерки по истории неолитических племен СССР. МИА, 30, 1952;

Б. Куфтин. К проблеме энеолита внутренней Картлии и Юго-Осетии. Вестник Государственного музея Грузии, 1947, 14;

Т. Пассек: 1. Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований. КСИИМК, 21, 1947. 2. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949.

БРОНЗА И ГАЛЬШТАДТ:

О. Гракова: 1. Хронология памятников Фатъяновской культуры. КСИИМК, 16, 1947; 2. Абашевский могильник. КСИИМК, 17, 1947; 3. Памятники бронзовой эпохи у с. Мокшан и Пустынь. ГИМ, 1948, 12; 4. Бессарабский клад. ГИМ, 1949;

А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине 2-го и начале 1-го тысячелетия до н. э. КСИИМК, 1947, 18;

А. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. КСИИМК, 1952, 48;

И. Синицын. Поселения эпохи бронзы в степных районах Заволжья. СА, II, 1949.

СКИФО-САРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА:

- М. Артамонов: 1. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, 1948, 8; 2. Этнография Скифии. УЗ МГУ, 1949, 13;
- Н. Анфимов. К вопросу о населении Приазовья в скифскую эпоху. СА, 1949, II;
- Б. Граков. Скифы. Киев, 1947;
- М. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. ГЭ, 1950;
- Л. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. СЭ, 1947, 6—7;
- С. Руденко. Второй Пазырыкский курган. ГЭ, Л., 1949;
- К. Смирнов. О погребении Роксалан. ВДИ, 1948, 1.
- А. Уdal'цов. Племена европейской Сарматии 2 в. н. э. СА, 1946, 2.

АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА:

- «Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху». ИА, 19, 1951;
- Г. Белов. Херсонес Таврический. М., 1948;
- Е. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951;
- В. Гайдукович: 1. Некоторые итоги раскопок Тиратаки и Мирмикея. ВДИ, 1947, 3; 2. Боспорское царство. М., 1949; 3. Боспорский город Иллурат. СА, 1951, 13;
- А. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951;
- Д. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952;
- Т. Книпович. Танаис. М., 1949;
- Т. Шульц. Раскопки Неаполя скифского в 1946 г. АП УССР. К., 1947.

ГЕНЕЗИС СЛАВЯН И РУССКИХ:

- «Этногенезис восточных славян». Том 1, МИА, 6;
- М. Артамонов: 1. Венеды, невры, будины в славянском этногенезе. ВЛГУ, 1946, 2; 2. К вопросу о происхождении восточных славян. ВИ, 1948, 9;
- А. Арциховский. Культурное единство славян в Средние века. СЭ, 1946, 1;
- М. Воеводский. Результаты работ Деснинской экспедиции. КСИИМК, 21, 1947;
- Н. Державин. Происхождение русского народа. ВАН, 1951, 8;
- П. Ефименко и П. Третьяков. Раннеславянские поселения на Дону. МИА, 8;
- А. Насонов. Русская земля и образование территории русского государства. М., 1951;
- Б. Рыбаков: 1. Уличи. КСИИМК, 25, 1950; 2. К вопросу о происхождении древнерусской народности. М., 1951; 3. Образование древнерусской народности в свете учения т. Сталина. ВДИ, 1952, 3;

М. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, 44, 1952;

П. Третьяков: 1. Восточнославянские племена. М., 1948; 2. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. КСИИМК, 43, 1952;

Т. Трофимов. Кривичи, вятичи и славянские племена Приднепровья. СА, 1946, 1;

А. Удальцов: 1. Древнейшее население Восточной Европы и проблемы славянского этногенеза. Рефераты научно-исследовательских работ АН СССР за 1947; 2. Проблема происхождения славян в свете современной археологии. ВИ, 1949, 2; 3. Основные вопросы этногенеза славян. СЭ, 6—7;

Г. Федоров: 1. Работа Славяно-Днестровской экспедиции. КСИИМК, 44, 1951. Также ВАН, 1952, 8; 2. Славяне Поднестровья. ВАН, 1952, 2.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА:

А. Арциховский: 1. Новгород Великий по археологическим данным. ВАН, 1948, 3; 2. Археологические открытия в Новгороде. ВАН, 1951, 12;

Н. Воронин: 1. Раскопки Гродно (1949). КСИИМК, 38, 1952; 2. Раскопки в Старице. Там же;

М. Каргер: 1. Археологические исследования древнего Киева. К., 1951; 2. Основные итоги и проблемы исследования древнего Киева. КСИИМК, 41, 1951;

Б. Рыбаков: 1. Ремесло древней Руси. М., 1948; 2. Раскопки в Переяславле Хмельницком в 1945 г. АП УССР, 1, К., 1949; 3. Раскопки в Звенигороде. МИА, 12, 1949; 4. Раскопки в Чернигове КСИИМК, 21, 1949, АП, УССР, 1, К., 1949; 5. История культуры древней Руси. Т. I. I и II, М., 1951; 6. Вицкож-удельный город 12 в., в., КСИИМК, 41, 1951; 7. История Москвы. Т. I, М., 1952; 8. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I, МИА; 7. 9. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II, МИА, 12;

В. Равдоникас. Древнейшая Ладога в свете археологических исследований. 1938—1950 г. КСИИМК, 41, 1951;

М. Тихоморов: 1. Древнерусские города. М., 1946; 2. Древнерусские города. МИА, I., 1947; 3. Крепостные сооружения древней Руси. МИА, 31, 1952;

Н. Фальковский. «История водоснабжения в России». М., 1947.

Кроме того множество статей отчетного и описательного характера об исследовании остатков Старой Рязани, Колодяжина, Переяслава Залесского, Вицкожа и ряда других городов.

Из приведенного списка видно, что наибольшее развитие советская археология в послевоенное время получила, как это отражается в археологической литературе, по линиям изучения древних русских славян и древнерусских городов. Большие успехи достигнуты в ис-

следованием памятников палеолита и неолита. Зато бросается в глаза прорыв в изучении памятников эпохи бронзы, многочисленных и хорошо представленных в СССР. Это явление обусловлено смертью в ссылке А. Миллера, руководившего сектором бронзы в ГАИМК и гибелью на войне его учеников — А. Круглова и Ю. Подгаецкого, систематически работавших по памятникам эпохи бронзы.

Из оставшихся специалистов по бронзе, А. Иессен, много лет работавший на Северном Кавказе, повидимому за исчерпанием этой темы в данном районе, за последнее время отошел от изучения культуры бронзового века вообще, и стал переключаться на другие темы. О. Гракова публикует лишь небольшие работы описательного характера. В результате, эпоха бронзы, кажется, — единственная тема, по которой в СССР в послевоенное время не вышло ни одной обобщающей работы. Еще слабее поставлено изучение памятников и культуры поздних кочевников. Эта тема и раньше почти не привлекала к себе внимания русских археологов, и те сведения, которые имеются, обусловлены лишь накоплением материала, полученного более или менее случайными раскопками. Лишь в последнее время стали более или менее разбираться в культурах отдельных крупнейших племен кочевников. Специалистов по культуре поздних кочевников в СССР нет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А

- АЖ — Антропологический журнал АН СССР;
- АЗФАН — Азербайджанский филиал АН СССР (Баку);
- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению Четвертичного периода;
- АЛЮР — Археологическая летопись Южной России (Киев);
- АН СССР — Академия Наук СССР;
- АНУ — Академия Наук Украины;
- АН УССР — Академия Наук УССР;
- АП УССР — Археологические памятники УССР. (Киев);
- АРХО — Археологическое отделение исторического факультета;
- АС — Археологический съезд.

Б

- БАН — Белорусская Академия Наук (Минск);
- БСЭ — Большая советская энциклопедия;
- БЦБК — Бюллетень Центрального Бюро Краеведения (Москва).

В

- ВАН — Вестник АН СССР;
- ВДИ — Вестник древней истории. (Журнал «квартальник»);
- ВИ — Вопросы истории (Журнал АН СССР);
- ВЛГУ — Вестник Ленинградского Государственного Университета;

- ВУАК — Всеукраинский Археологический Комитет при Президиуме ВУАН;
ВУАН — Всеукраинская Академия Наук.

Г

- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград (1923—1937);
ГИЗ — Государственное издательство;
ГИМ — Государственный Исторический музей в Москве;
ГИПЛ — Государственное издательство политической литературы;
ГЭ — Государственный Эрмитаж в Ленинграде;
ГЭС — Государственная электрическая станция.

Д

- ДАЭНКУ — Днепровская археологическая экспедиция Наркомпроса Украины;
ДНЕПРОГЭС — Днепровская государственная электрическая станция в Кичкасе;
ДОВ — Донские областные ведомости. Новочеркасск.

Е

- ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

Ж

- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

З

- ЗОО или ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей;
ЗРАО — Записки Русского Археологического общества в Петербурге.

И

- ИА — Институт Археологии АН УССР в Киеве;
ИАК — Императорская Археологическая Комиссия (СПБ);

- ИВАН — Институт Востоковедения АН СССР (Ленинград);
- ИГАИМК — Известия ГАИМК;
- ИИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии;
- ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР (1937 г.);
- ИРАИМК — Известия РАИМК.

К

- К. — Киев;
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых изысканиях ИИМК.

Л

- Л. — Ленинград;
- ЛГУ — Ленинградский Государственный университет;
- ЛИИМК — Ленинградский ИИМК;
- ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК.

М

- М. — Москва;
- МАВР — Материалы по археологии Восточных губерний России;
- МАК — Материалы по археологии Кавказа;
- МАО — Московское археологическое общество;
- МАР — Материалы по археологии России;
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН (Ленинград);
- МГБ — Министерство государственной безопасности;
- МГУ — Московский государственный университет;
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР;
- МИИМК — Московский ИИМК;
- МОГАИМК — Московское отделение ГАИМК.

Н

- Н. — Новочеркасск;
- НАРКОМПРОС — Народный Комисариат просвещения;
- нэп — новая экономическая политика.

О

- Од.
ОАИК — Одесса;
— Отчет ИАК.

П

- П.
ПАИ — Петроград;
ПАО — Петербургский Археологический Институт;
ПАРТИЗДАТ — Петербургское Археологическое общество;
ПИДО — Издательство коммунистической партии;
— Проблемы истории докапиталистических обществ (Журнал ГАИМК).

Р

- Р. н/Д.
РАЖ — Ростов-на-Дону;
РАИМК — Русский антропологический журнал;
РАНИОН — Российская Академия истории материальной культуры. Ленинград (1919—1922 гг.);
— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Секция археологии. Москва (1926—1932 гг.);

С

- СА — Советская археология. Журнал «квартальник»;
СГАИМК — Сообщения ГАИМК;
СИМК — Сектор истории материальной культуры АН УССР. Киев 1932;
СКБК — Северокавказское бюро Краеведения. Р. н/Д.;
— Северокавказская археологическая экспедиция ГАИМК. (1922—1933 гг.);
СМ — Советский Музей. (Журнал);
СПБ — Санкт Петербург;
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

Т

- ТАС — Труды археологического съезда.

У

- УВАН — Украинская Вольная Академия наук (в эмиграции);
- УЗ — Ученые Записки;
- УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика.

Ф

- ФАН — Филиал Академии наук.

Ц

- ЦБК — Центральное Бюро Краеведения. Москва;
- ЦК — Центральный Комитет.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЧАСТЬ I.

Развитие археологии в дореволюционной России	7
Первые раскопки археологических памятников в России	9
Разграбление курганов в Сибири и первые археологические раскопки	12
Кладоискательство и разграбление археологических памятников в Причерноморской степной полосе	15
Начало и развитие археологических работ в Причерноморье.	19
Археологические учреждения и издания во 2-ой половине 19-го в.	21
Крупнейшие русские археологи дореволюционного времени.	25

ЧАСТЬ II.

Археологическая наука в СССР. Археология в СССР после революции. Эпоха нэпа (1922—1933)	35
Археологические центры эпохи нэпа	40
Характер археологической науки в эпоху нэпа в СССР	42
Археологическая литература в СССР эпохи нэпа	49
Попытки восстановления археологических съездов в СССР.	51
Археологические работы на новостройках	53
Ведущие археологи эпохи нэпа и конец этой эпохи.	56

ЧАСТЬ III.

Революция в археологии (1930—1934 гг.) Общие условия эпохи	59
Ликвидация краеведения	60
Революция в ГАИМКе	61
Археологическая литература эпохи	69
Археологи периода реконструкции археологии	74
Связи с заграницей	77
Реорганизация археологических центров	78
Разгром археологов	79
Заключение	85

ЧАСТЬ IV.

Предвоенный период (1935—1941). Общеполитические условия периода и вызванный им характер археологии	86
Задачи советской археологии	89
Археологи эпохи, их специализация и работы	92
Археологическая литература предвоенного времени	99
Дальнейшая реорганизация археологических учреждений и работ. 105	

ЧАСТЬ V.

Развитие археологии в СССР после войны. Общее положение:	
внутренние и внешнеполитические задачи	109
Археологическая литература в СССР после войны.	126
Централизация руководства археологической наукой	131
Личный состав археологов	133
Заключение	134

РЕЗЮМЕ:

на английском языке	139
на немецком языке	141
на французском языке	143

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Краткий перечень материалов по вопросам советской археологии (статьи, сборники, монографии)	147
Список сокращений	151

Издания института по изучению истории и культуры СССР

I. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Вестник Института:

№ 1-й	1951 г.
№№ 2-й и 3-й	1952 г.
№№ 4-й, 5-й, 6-й и 7-й	1953 г.
№№ 1(8)-й, 2(9)-й	1954 г.

Бюллетень Института (выходит параллел. на рус. и англ. языках):

Пробный выпуск (за март), № 1-й (апрель), № 2-й (май)	1954 г.
---	---------

II. МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ ИНСТИТУТА

1. Материалы конференции научных работников эмигрантов, состоявшейся в Мюнхене 11—14 января 1951 г.:

Выпуск I (первое заседание) — Доклад проф. А. П. Филипова «Свобода и творчество в области советской науки и философии»; содоклад проф. Ф. А. Степуна «Кризис свободы на Западе» и прения (39 стр. текста), 1951 г.

Выпуск II (третье заседание) — Доклад проф. В. Лагодина «Советская система управления массами и ее психологические последствия» (39 стр.), 1951 г.

Выпуск III (четвертое заседание) — Доклад А. Авторханова (А-дра Уралова) «Положение исторической науки в СССР» и прения (94 стр.), 1951 г.

Выпуск V — Доклады секции экономики (108 стр.), 1951 г.

Выпуск VI — Доклады секции искусства и культуры (81 стр.), 1951 г.

2. Материалы конференции Института, состоявшейся в Нью-Йорке 20—22 марта 1953 г. (227 стр.), 1953 г.

2-а. То же на англ. языке (*Proceedings of the Conference, New York, March 20-22, 1953, 139 стр., 1954 г.*)

3. «СССР сегодня и завтра» — труды конференции Института, состоявшейся 15—17 августа 1953 г. в Мюнхене (114 стр.), 1953 г.

3-а. То же на англ. языке (*The USSR Today and Tomorrow*, 205 стр., 1954 г.)

III. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Серия 1-я (типографские издания)

1. Проф. д-р П. Л. Кованьковский, Финансы СССР во вторую мировую войну (21 стр.), 1951 г.
2. Б. Микорский, Разрушение культурно-исторических памятников в Киеве в 1934—36 гг. (21 стр.), 1951 г.
3. Д-р Григор Сааруни, Борьба Армянской Церкви против большевизма (29 стр.), 1951 г.
4. П. Галин, Как производились переписи населения в СССР (50 стр.), 1951 г.
5. Д-р Шульц, Санитарная и противоэпидемическая работа в СССР (47 стр.), 1951 г.
6. Л. Ржевский, Язык и тоталитаризм (64 стр.), 1951 г.
7. В. Гречко, Коммунистическое воспитание в СССР (56 стр.), 1951 г.
8. Ф. Легостаев, Спорт в СССР (54 стр.), 1952 г.
9. Н. Семенов, Советский суд и карательная политика (145 стр.), 1952 г.
10. Ю. Валенский, Академик Е. А. Косминский и вопросы интерпретации истории Средних веков в советской школе (110 стр.), 1954 г.
11. Д. Каров, Партизанское движение в СССР в 1941—45 гг. (118 стр, 1 карта, 2 плана и 3 схемы), 1954 г.

Серия 2-я (ротаторные издания)

1. В. Марченко, Планирование научной работы в СССР (44 стр.), 1953 г.
2. Н. Семенов, Система советской юстиции (28 стр. текста и 12 схем), 1953 г.
- 2-а. То же на английском языке (23 стр. и 12 схем), 1953 г.
3. К. Крылов, Готовность тракторного парка к посевной кампании 1953 г. в Советском Союзе, (12 стр. и 1 карта), 1953 г.
4. Проф. Зайцов, Динамика населения СССР на 1952 год (90 стр.), 1953 г.
5. К. Крылов, Ход весенних работ в СССР в 1953 году (22 стр. и 1 карта), 1953 г.
6. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919—1952 гг. (165 стр.), 1953 г.
7. К современному состоянию сельского хозяйства СССР, — сборник статей (50 стр.), 1953 г.
8. Внутренняя и внешняя политика СССР, — из материалов совещания в Институте (48 стр.), 1953 г.
9. Инж. К. А. Крылов, Ход летних и осенних работ в СССР в 1953 году (39 стр. и 2 карты), 1954 г.
10. М. Колосов, Коммунистическая партия и Советская армия (52 стр.), 1954 г.
11. Бруно Туш, Преследование церкви в Польше (53 стр.), 1954 г.
12. Указатель советской периодической печати (151 стр.), 1954 г.
13. А. М. Кармаков, Реакция советского населения на пропаганду (61 стр.), 1954 г.
14. Доц. Попплюйко, Производство товаров широкого потребления в СССР (1951—1955), 64 стр., 1954 г.

